

Вестник

Литературное приложение

№ 7
Ноябрь
2025

www.veteranidmvd.ee
info@veteranidmvd.ee

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

БОВОЛЬСКИЙ ВИЦЕНТИЙ

Воспоминания.

Отрывки из мемуаров»

с. 1

ДАНИЛЮК СЕМЁН

Шалапаи

с. 5

КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР

Убийство в Курляндской губернии.

с. 10

КУЗЬМИН АНДРЕЙ

Эхо ушедшей войны. Окончание

с. 11

ЛЫЖИН СЕРГЕЙ

Магадан — Таллинн. 11111 километров за 129 дней на велосипеде

с. 15

ПЕТРОВ МИХАИЛ

Пять непоняток «Пиковой Дамы»

с. 21

ПООЛЬ ВЛАДИМИР

VIII Пленум ЦК КП(Б) Эстонии: действующие лица и исполнители

Отрывки из книги

«Судьбы политических лидеров Эстонии 1935-1955 годов»

с. 24

СМИРНОВ ЕВГЕНИЙ

Курсантский суицид

с. 31

СОЛДАТЕНКО АЛЕКСЕЙ

Чёрный паровоз

с. 32

БОВОЛЬСКИЙ ВИЦЕНТИЙ

Воспоминания

Рассказ* о себе начну со своих предков, т.е. со своего происхождения. Дед, Бовольский Пётр, — поляк. В ту пору — почти как враг. Годы, говорят, в те времена были окаянные. Дед ценил своих предков. Один из них, по имени Вицентий, по его словам, возглавлял отряд крестоносцев. Дед попросил назвать внука этим именем, видимо с надеждой на то, что внук по жизни обретёт себе ангела-хранителя. Просьба была исполнена. В день Рождества (7.01.1937г) родился я — Вицентий, а дед, спустя несколько дней после этого, за малое почтение к окаянной власти, был расстрелян.

Кажется, его надежды на приобретение внука ангела-хранителя реализовались. О чём заявляли даже родители. Им казалось странным то, что из всех родственников он единственный имеет 4-ую группу крови. Церковники-специалисты пояснили родителям, что у ребёнка это девятая жизнь и последняя. Любопытные собеседования при младенце.

А перелистывая долгие страницы жизни, нередко находишь в них то, к чему можно присмотреться с интересом и пониманием.

Второй дед, Лебедев Павел был помещиком в Ярославской губернии. В своё время его и некоторых других членов фамилии Пётр I наградил за заслуги, проявленные при строительстве Петербурга и не только. С приходом «окаянных времён» дед получил мудрый совет-предупреждение, если хочешь жить, брось всё и беги. Всё бросили во имя спасения семьи с четырьмя детьми, практически сделав её обездоленной и нищей. Разбежались.

Расположились в Ленинграде. Жили в первые годы на чердаках и в подвалах. Приобрели профессии: шофёр, бухгалтер, повар, портниха.

Бабушка моя, жена Павла, под девичьей фамилией Кораблёва, наследница крупного дела по доставке грузов по Волге до Астрахани. Имела жильё, точнее, спряталась на окраине города. Местечко Ивановское, не более 10-15 км до Невского проспекта, а точнее Московского вокзала, на берегу Невы, в 120-ти шагах до берега с крохотным пляжем. Волшебное местечко. Стоит ли говорить, что это место нравилось всем. Я родился здесь в этом доме, был прописан в Питере, но жил здесь летом с бабушкой.

*Фрагменты из первой части мемуаров генерального директора департамента мест заключения, полковника внутренней службы Вицентия Бовольского «Мои воспоминания» Вицентия Бовольского. Отрывки из второй части «Я — следователь» были опубликованы в 2023 году в «Вестнике» №5.

Так же, как дед Бовольский, дед Лебедев по всем известной политической статье был также расстрелян в 1937 году, правда, ещё в 1929 и 1934 годах он по тем же политическим статьям был осуждён и несколько лет сидел. Не упомянуть об этом просто не могу. Характерная особенность этого времени — следовало верить и помнить, что все мы из рабочих и крестьян. Твёрдо.

Война. Мне 4.5 года. Было замечательное солнечное лето. Народ гудел. Обстановка напряжённая и очень серьёзная, даже в таком возрасте начинаешь становиться смышлённее, проявляются мужские качества, не до забав. По разговорам взрослых была уверенность в том, что немцев скоро прогонят. Было объявлено, что детей будут вывозить из города. Но как вывозить, если даже самое простое стало невозможно — передвигаться куда бы то ни было, так всё резко изменилось. Я, как неожиданно повзрослевший, почувствовал это на себе. Утром я с девочкой Ниной, она была постарше и ростом повыше, пошли, как обычно, на наш любимый бережок ополоснуть физиономии после сна. Едва я опустил ладошки в воду, почуял, что-то случилось с Ниной. Она была от меня в метре справа. Нина лежала на спине. У неё просто не было головы. Это была окровавленная разрушенная масса. Я летел на пригорок, а дяденька снайпер (так мне растолковали) сообразив, что не всю работу он выполнил, постригал пулями тра-

Вицентий Бовольский знакомит членов Совета клуба ветеранов правоохранительных органов Эстонии со своими мемуарами .
9.09.2022

ву у моих ног. Омерзительное слово снайпер. Это было первое убийство. Но с ним и началась новая жизнь. Ну как тут не повзрослеешь.

А новая жизнь – это бомбёжки ночью и артобстрелы днём. Сгорели домики, их было 4. Кое-что из спасённого на пожаре закопали в землю.

Вынужденно стали копать землянку. Здесь здорово помогли армейцы. Мы были в не далёком тылу – несколько сот метров. С их помощью работа была выполнена быстро и качественно – работали профессионально. Но в город уже не было возможности попасть. Нашли в разрушенных зданиях подвалы. Их тоже приспособили под жильё. Но жили и в землянке. Гибель людей стала обыденным делом. Несколько страшных картин из памяти не вытряхнуть, несмотря на годы. В подвале родила женщина двойню. Мужинвалид. Суетился очень. Выскочил и был убит. Другой женщине оторвало голову – выглянула во время обстрела к костерку, где что-то варила.

Освоили науку. Если ты слышишь свист снаряда, он тебя не тронет. Будь спокоен, он уже улетел. А вот бабушка с внуком ориентировалась на посвист, не дождалась, снаряд лихо с ней расправился.

Положение наше резко усугубилось тем, что наши солдаты, наша армия отодвинулись к Питеру и стояли теперь где-то рядом в нескольких, думается, десятков метров, но с другой стороны. Немцы же не приближались. Образовалась для нас мёртвая зона. Любое движение в этой зоне пресекалось расстрелом немцами.

И всё же как-то жили. Начался голод. Я не помню, что когда-либо кого-то хоронили. Но вот какую-то краску выжигали, получалось масло. Одна женщина,омнится, сказала маме (в моём присутствии– мы сидели у буржуйки, где на сквороде творилось это таинство), что её мальчик, то есть я, хорошо поправился. Мама в ответ надавила кисть моей левой руки, и она увидела чёрное пятно. И я получил дополнительную еду. Я приближался к голодной смерти. Опух от голода.

Начались морозы. Смерть приближалась. Но тут произошла ещё одна новость. Однажды ночью со стороны немцев появился какой-то маленький грузовичок. Приказ: «тихо-тихо», 10 минут на сборы. И через полчаса мы были вывезены за 15–20 км и выброшены в чистое поле. Итак, мы беженцы. Прощай, моя Ленинградская блокада, январь 1942 года.

И вот новый этап. Беженцы. Выброшенные в чистом морозном поле мать и двое малолеток 5 и 3,5 года, смертельно голодные, должны были как-то добраться до деревеньки. Взрослые сразу исчезли. А мы ползли и в первые минуты сделали крайне неприятное, очень значимое открытие. У дорожки, по которой мы двигались, у какого-то деревца приостановились. Мама обратила внимание на какие-то два столбика под деревом, покрытых каким-то тряпьём. Она подошла и сразу отпрянула. Я не отпрянул. Эти два столбика – замороженные дети. Это, вроде, прибавило сил. По крайней мере мне. Я уже в то время стал ощущать себя мужчиной. Но происшествие не спешило оставить нас.

Метрах в 200-х (как мне сейчас видится) была довольно высокая, но абсолютно скользкая горка. Все попытки на неё подняться успеха не имел

ли. Помню, мне удалось до середины влезть, но вновь оказался внизу. Стало очевидно, что судьба наша незавидна... Сил никаких, мороз уже хороший, вечер. Втроём обнявшись, сидим, согревая друг друга. Молча понимаем, что нас ждёт судьба двух столбиков, которые остались позади. Наша мама приготовилась быть с нами. От этого нам было тепло и уютно. Я это уже понимал. Но Бог был к нам милостив. Появилось несколько немцев, молодых и весёлых. Они куда-то бежали. Увидев нас, и сообразив, что к чему, со смехом подняли нас мигом. У нас же были откровенные слёзы счастья.

До ближайшего жилья доползли. В деревеньке с мамы сняли приличную обувь. Взамен дали какие-то лапти и хлеб. Куска хлеба хватило на всех, тем более, что желудки могли принять только крошки. Отвык организм от хлеба. Но главное, отняв что-то от нас, что-то у мамы имелось, помогли соорудить какие-то саночки — это важнее всего, так как сестрёнку нужно было везти. Здесь же были разъяснены и требования к беженцам. Требовалось передвигаться от деревни к деревне. Старосты в деревнях должны были назвать дом, где переночевать, получить кусок хлеба, кипяток, а, может, и поесть толком. Если задерживаешься, могут перевести в другой дом, тоже на день-два.

При таком законном порядке до начала 1944 года мы продвинулись до Пушкинских гор в Псковской области. Иногда удавалось найти работу. У мамы, хорошей портнихи, были только иголки. Этого маловато для швеи. Но иногда достаточно. Простейшее из бесчисленных портновских работ: сапоги из рукавов старых фуфаек, брюки из мешков. Ну и прочие радости. Были свидетелями многих боестолкновений партизан с немцами. В общем время спокойным не назовёшь.

...Мы чувствовали, что положение Германии изменилось. Нас забрасывали листовками. Они умело разъясняли, что к чему. Для нас, беженцев, это как бы особенно вселяло надежды на скорое возвращение домой. Активизировались партизаны. Иногда в нашей деревеньке жили дни. Поправляли свои хозяйственные дела, особенно после боевых стычек. Из соседнего села иногда просто вели артобстрел. Однажды, укрываясь от снарядов, я под дальней стеной сарая находился с парнем-партизаном. Он мне вложил в уши несколько куплетов про партизанское житьё-бытьё. Партизаны ушли, уговаривали маму идти с ними – хорошая повариха, портниха, человек-золотые руки. Но куда без нас. А мне лично оставили частушки на память. А это привело к серьёзному ЧП с полицией.

После ухода партизан приходили немцы вместе, как правило, с помощниками-полицаями с задачей проверить, что изменилось после партизан. Они проверяли каждый уголок дома, ходили на перевес с автоматами, готовыми к бою. Я сидел во дворе дома,омнится, перед большой лужей, чем-то там был занят. При этом во всю глотку орал частушки, оставленные партизанами:

*Партизаны, партизаны, где вы коней путали?
Полицейские бежали только пятки стукали.
Полицаи, полицаи, что вы всё воюете?
Всё равно вы, полицаи, пули не минуете!*

После слов про пули кому они достанутся, я получил мощный удар сапогом в спину и ока-

зался в луже. Мигом замер, превратился в кусок льда перед свирепым полицейским, перебирающим затвор автомата. На крик подошёл ещё один. «Прибей его», – сказал и отошёл. В это время появилась мама. Ползала перед ним. Остался жив. Но могли и прикончить, как партизана, врага кровного -такое мнение было изложено жителям. А сейчас мне поведали, не считать ли тебя участником ВОВ, тем более что их остаётся так мало, единицы. Будем считать, что участвовал. Участие безусловное и реальное. Это я знаю сам и осознаю это. И ни в коем случае не требую никакого отношения к этому иных лиц. Это моё и всё. Мне этого достаточно.

Дело шло к окончанию войны. Немцы отступали. Делали это бегом, совершая при этом мерзостные преступления. Один из отрядов, видимо рота -не более, задержался на несколько часов. Первое, что они делали – хватали и насиловали женщин. Вначале я не соображал, что к чему. В садике у дома на скамейке мама взяла больного деда, у которого мы в тот день проживали и сидела с ним в обнимку, а мы с 5-летней сестрой сидели по бокам -семья с двумя детьми. Её не тронули. А вот у старосты деревни (дом рядом) дочери 16 лет. На неё устроили охоту. Отцу удалось спрятать дочь на сеновале. Троє фрицев расстреляли из автоматов всё сено. Долго не могли успокоиться. Девочку удалось отцу отстоять. Она осталась жива.

С приходом Советской армии беженцев стали возвращать на прежнее жительство. Нам сказали – Ленинград. Жильё и прописка есть. Работа есть. И мы были счастливы. Но начались новые испытания. В Питер нас не пустили. На въезд в город были серьёзные ограничения. Это понять можно – война. Да и блокада едва завершилась. А у нас в этой сложной обстановке свои проблемы. В те времена по месту жительства, работы необходимо было заполнить анкету, в которой, в первую очередь, были вопросы происхождения, были ли родственники осуждены или расстреляны за антисоветчину. Но тут подвернулось ещё одно серьёзное обстоятельство. Отец на фронте пропал без вести. А это значит ушёл к врагу! Сразу скажу, что это последнее нас возмутило. Обратились сами к властям и получили немедленное сообщение с извинениями. Отец, Бовольский Алексей Петрович, погиб смертью храбрых в Ленинграде, где и похоронен. Могила на военном братском кладбище, даже вещи его передали. У меня его карманные часы. Но всё это было позднее. Главное, до нас по-прежнему никому не было дела.

...А вывод был сделан: семейство подозрительное. Решение: снять семью с поезда и поместить на 101-й км от города, в чистое поле, рядом со станцией Любань. Все попытки добиться разрешения переехать в Ленинград, где было своё жильё и многолетняя работа, ни к чему не привели.

...Для начала мы оказались в немецком блиндаже. Они делали этот блиндаж для себя и жили в нем долгие месяцы. Построен был на европейский манер, выражаясь современным языком, но это всё же был блиндаж. Соседние поселения были разрушены, но всё же через три года у нас был свой угол. В нём одна металлическая кровать на троих. Мама с сестрой, с одной стороны, а я в ногах. Маму взяли на работу на железную дорогу

в качестве чернорабочей. Сестру определили в круглосуточный детский садик.

...Такая жизнь была мучительно безрадостной, но привычной за три года войны. Жаль только маму. С удовольствием повторюсь: Молодая, красивая, умная. И портниха, и повар, за что ни возьмись – золотые руки. В тяжелейших условиях тащила на себе детей, спасая их от неминуемой гибели. Вот случай из любаньского бытия. Маму ограбили. Пропали месячные продовольственные карточки. Как-то упросили заведующую оставить сестру в детском саду. В 1941 году можно было спастись жареной оливой. А тут вообще ничего.

В округе появился мальчик Ваня. Мы сдружились. Я ему говорю, что меня хотят записать в 1-ый класс, но боятся, что я слишком тупой. Ваня ответил, что он 3 года ходил в 1-ый класс, но так и не перешёл во второй. Это меня успокоило и даже скрепило нашу дружбу. Ваня оказался смелым и предпримчивым, хотя по возрасту ему было лет 11 и вряд ли больше. Однажды мы, копаясь в окопах, нашли, как нам показалось, хозяйственное мыло. Много. Пошли на станцию. И там нет никого, кто бы это мыло мог приобрести. Сидим на рельсах запасного пути. К нам подошёл дядя-милиционер. Оказалось, что это было не мыло, а взрывчатка. Нас определили с ходу в помещение, где с нами была проведена беседа, а после неё зачем-то поместили нас за решётку. Там находился ещё один взрослый дядя. Он воспользовался нашим появлением и дал дёру. Было много шума, стрельбы. И мы тоже потихоньку, незаметно исчезли. Сидим. Ваня и говорит (он человек бывалый): «Нам теперь здесь милиция жизни не даст – поедем в Ленинград?» И поехали. Незаметно в вагон и под скамейку. И тепло, и поспать можно, не захрапеть бы только. Понравилось это занятие. Превратилось в ежедневное (почти) и даже обычное дело. Освоили все хитрости поездки. Придумывал Ваня. Это был смелый и решительный человек. Продолжалось это три года – все летние месяцы. Впечатлений о поездках масса. Ваня был потрясающе равнодушен к опасностям. Пытались ездить на крыше вагона и в ящиках под вагонами. Но настало время, наука Ивана закончилась. Я в команде остался один. Ваня исчез. Куда-то перебрался с двумя сёстрами.

Остался я один, но привык уже ко всему, что вокруг меня происходило. Спасибо Ване. Научил быть стойким. Не сдаваться, точнее, не поддаваться чему-либо. Вот один из примеров. Ревизорами в поезде были мужчины. Практически мы были знакомы. Вдруг появилась дама-ревизор и сразу проявила просто бездушие. На какой-то маленькой станции за шиворот выбросила меня из вагона, а дверь закрыла. Поезд двинул и я ухватился за ручку при ступеньках. Когда поезд разогнался на большом перегоне, она вновь, заметив меня, открыла дверь и стала наносить мне удары ногами, пытаясь оторвать мои руки от ручки. Делала это она злобно. Досталось и голове, и плечам. Скорость была приличная и она сама, видимо, обеспокоилась за себя, чтобы нам вдвоём не сорваться. Спасибо ей за то, что она перепугалась. Я даже реветь перестал. Но добрался до Лиговки. Лиговка – это сейчас проспект, а раньше была уличка возле московского вокзала. Район шпаны.

В основном мы были группой 4-5 человек. Я не помню, чтобы мы что-то воровали. В основном выпрашивали кусочки хлеба. Ленинградцы того времени были очень чутки к попрошайкам. Рядом был хлебозавод. Он тоже подкармливал. Ребята в группе отличались порядочностью. Однажды я приболел. Это было заметно. Я очень хотел пить. Старший в нашей группе купил стакан газировки для меня. С виду пустячок, но это запомнил на всегда. Товарищество. Благодарен был и милиционерам. Иногда задерживали, просто, не по делу, ребёнок болтается. Но подходило время поезда, никогда не забывали, давай беги, а то опоздаешь. Ощущение, что и ты человек.

...Ещё один случай, о котором не могу не рассказать. Возвращался домой. Спал на 3-й полке. Рабочего народа в вагоне битком. С разных сторон вагона раздались крики -команды. Громко, но мне совершенно непонятно. Подумалось, что милиция от народа что-то требует. Пусть требует, мне-то что. Пусть решают свои дела. И стали решать без промедления. Перед нашим купе с 2-х сторон появились два каких-то мужика. Пассажиры, как я понял, были уже готовы к их появлению. Несмотря на тесноту, неспешно, со знанием дела, эти мужики грабили пассажиров – молодых людей (женщин не было ни одной). Расставались со всем, что представляло интерес бандитам. Десятки молодых мужиков... и тишина. Когда операция по ограблению шла к завершению, один бандит спросил, что у меня в ладони. Ограбленные загудели, что, дескать, с меня возьмёшь, это ж поби-рушка. Бандит вроде согласился. Но потом вернулся и вновь потребовал отдать ему то, что было в моей ладони. От третьей полки до коридора не близко, мне не дотянуться. Ограбленные, глубоко мной презираемые с этих минут, услужливо передали моё добро. Движением руки с лезвием между пальцев моё достояние было ликвидировано. Бандит выбросил на пол кусочки хлеба весом не более 80-100 граммов. И всё же не все в вагоне оказались способны перенести унижение подонков. Это стоило жизни, двоим, как минимум.

Поезд остановился. Прибыли. И мне пришлось идти назад примерно 1 км. На земле, возле рельсов, лежали два человека, мужчины в рабочей одежде, похоже на отца с сыном. Изуродованы лица, выколоты глаза. Это была моя последняя «командировка». А через несколько дней потребность в таких поездках вообще отпала. Всё просто. Несмотря на всякого рода запреты на передвижения, мы оказались в г. Таллине, где оказались прописанными в хорошем жилье и обеспечены прочими нормальными благами.

По сути, была распахнута дверь в жизнь. Одна молодая дама – ответственный работник ЦК КП Эстонии оказалась в трудном положении. С фронта пришёл муж-инвалид. У них родился ребёнок. Девочка, которой к моменту нашего появления было 6 месяцев. Им нужна была помощь, желательно от людей, которым можно довериться. Сослуживец мужа – мой дядя, предложил наши услуги. Вопрос был решён моментально. Проживали они в огромном, почти пустом доме, Тоомпуйесте 17а. Раньше там было какое-то ведомство.

Теперь на больших квадратных метрах расположились весьма солидные люди. Один-герой, ордононосцы, инвалиды войны. Но главное – все

какие-то улыбчивые, добрые. Даже был один американец, как он там оказался – непонятно, но я запомнил на всю жизнь его просьбу: экономно расходовать воду. И по полчаса чистить зубы. А теперь сюда прибыли профессиональные беженцы и приобрели жильё.

Город Таллин образца 1945–46 годов-город сказочный, волшебный. А человеку молодых лет – просто чудо старый город. Роскошное жилище – большая комната, светлая, чистая. Электричество (!), вода, туалет, ванна. Даже радио. Мама получила работу. Ей даже при этом вручили ворота бумаг: кто-ты, что-ты, зачем-ты?

...Много было всего, что придавало силы и вкус к жизни. Спасибо за это солнечной Эстонии (в дни нашего прибытия была солнечная, роскошная погода), несравненному городу и двум мальчишкам – Рейну и Яну. Многие годы мы поддерживали отношения – первый стал известным спортсменом, второй рано умер. И компании во дворе. Братья – 5 штук и их командир – старшая сестра, сдерживавшая их хулиганские порывы.

...Мои обязанности. Главное – это шестимесячная девочка.. Я ухаживал за ней в отсутствии матери. Она была поразительно спокойная. Приняться в комнате. Иногда помыть пол. Протереть окна. Иногда с конфликтами во дворе добывать получше сланец для печи. Вообще это не так обременительно. Поход в школу, а это уже 3-й класс, отменили. Что делать, надо. Не такой же ты тупой, потом догонишь. Но это позволило решать некоторые вопросы мне знакомые. Жизнь была всё-таки бедненькая. Буханка формового хлеба в Питере 100 рублей, в Таллине 40 рублей. Например, коммерческий сахар – 250 граммов на ребёнка и 500 граммов на взрослого – на троих килограмм. Очередь в 300 человек. По записи. Дежуришь ночь. Добьёшься получения своего килограмма и бежишь в новую очередь, становясь за 1-м, сбывая полученный килограмм по двойной цене. А хочешь муки, так же по коммерческим ценам, встань в очередь на ночь, получишь утром 3 кг. И тем же приёмом получишь деньги, а затем и муку себе. Таких приёмов было много, поэтому прибывшая с нами нищета обрела иные формы. Проще говоря, лично я в свои 10 лет обрёл солидное звание спекулянт-предприниматель, а не попрошайка-бродяга. Расширился кругозор, представление о цивилизации – впервые попал в кино. Футбол. Мальчишеские игры. Но раз так пошло по-новому, то и жизненные события стали иными.

Хозяйка снарядила меня в магазин за хлебом. Карточки, деньги, газета – не потащить же хлеб грязными руками. Хлеб получил, подал денежку. Жду сдачу. И тут меня попросили малость подождать, а потом пригласили к себе. В чём дело? Оказалось, что такая красивая денежка 100 рублей – фальшивая. Дяденька, тётя с вопросами ко мне, но даже я в своей красочной биографии подобной фактуры не имел. Выгнали меня. Объяснялась моя хозяйка. Чем всё кончилось не знаю. Но с фактом таким поимел дело.

В зимние месяцы на Вышгороде, с горы в сторону площади, тогда она называлась площадь Победы (теперь Vabaduse), устраивались катания на санках, на ногах, да и вообще на чём попало. Масса народу. Обратил внимание на одну девоч-

ку. С каким старанием она катала сестру. Стал помогать. Она не очень хотела моей помощи, но со временем смирилась. Тяжело в гору тащить груженые санки. Была удивительно строга и серьёзна. Просил немного задержаться. Но она сказала: «Нет!», хотя ничего не мешало ей ещё малость побывать здесь. Молча исчезала, не назвав себя. Ещё пару таких вечеров, и ни здрасьте, ни до свидания. И пропала. Оставила в душе грустинку.

...И такой был случай. Напросился отпустить меня в Питер. Ночь в поезде с билетом. Пустяковая поездка к родственникам на денёк. Родственников много. Зашёл к одним, в доме их не оказалось. Подался на свою Лиговку. А там московский вокзал. Что меня дёрнуло проехать до Тосно. Дядюшка мой, к которому я ехал, это просто святой человек, проклял себя, что не застал его. Это меня Господь наказал за что-то. В Тосно я просто заблудился. Вечер, мороз, темно. По хорошей дороге 2 км. Я решил сократить путь. Оказалось бездорожье. Снег по пояс. Нашёл какой-то сарай. Утром, когда оказался у бабушки, у меня были обморожены ноги, почти до колен. Но главное, что обе ступни ног, стоял вопрос об ампутации. Слёзы (не мои), тоска моя. Бабуля о чём-то пошептала с сыном, моим дядей, и он достал какой-то здоровый рюкзак. Оказалась лисья шуба — доха. Огромная, на 2-х взрослых, лиса внутри и снаружи. Такое чудо я ни до, ни после не видел. Но даже тогда сообразил, что богатая была когда-то, ныне нищая бабуля.

И это продолжалось три месяца. Столько времени я провалялся в больницах. И это, пожалуй, оставило память о себе. Как же здорово здесь спать, отдохнуть, валяться. Всё остальное было долгим, мучительным, абсолютно безрадостным. Спустя три месяца доктор хирург Уткина, сказала, что мол я всё сделала, чтобы ты пригодился армии, но пару пальчиков с одной ноги я всё же тебе отстриги. Так и сделала и выписала меня, чтобы я принялся на поиск новых приключений.

И приключения начались. А главным организатором стал, трудно в это поверить, КГБ. И продолжалось его негативное воздействие на меня в течение многих месяцев, даже лет, лишив меня всего, на что я имел право. И всё это от того, что главным моим личным врагом стал полковник КГБ, доживший педагогическому совету школы, что я из семьи врагов народа и сам враг, так как в свободное время совершаю преступные действия. И его пустых слов было достаточно. КГБ тех времён — очень опасная организация. Достаточно сказать, что после сообщения этого полковника, учители стали меня сторониться, а ему обещали, что никто из них не будет выставлять мне отметки, а просто выставлять колы. Последний вошёл в класс, опоздал — кол. Чихнул не к месту -1. Аттестат — все тройки, хотя в первом учебном полугодии троек не было вообще. Даже по поведению.

...Сильный мальчишка. За молодёжную сборную Республики по футболу выступал на первенство Союза, был кандидатом в команду мастеров. Воспитанный лихими трудностями блокады и мерзостями её последствий, когда стараниями КГБ двух маленьких детей и их мать, выселили за 101 км от Питера, где была квартира, работа — в немецкий блиндаж. Едва ли не на погибель и детей, и матери — подлинной героини.

...Через год с моим другом поступили в Рязанское военное командное училище. Получил повестку из Рязани — 30 августа быть готовым к поездке. Восемь человек должны были ехать с офицером из Рязани. Построили, объявили список. Меня в нём не оказалось. Я показываю письмо из училища на моё имя. Ответ: «А Таллинский военкомат Вас не отпускает». Спасибо полковнику КГБ!

...Для меня 30 августа 1956 года почти трагедия. Целый день после того, как меня выгнали из военкомата, бродил по городу в печали. Соображал, вот, мол, и заканчивается моя жизнь гражданская. Уже в ближайшее время я буду приглашён в военкомат для прохождения срочной службы, что только армия и ничего более меня не ждёт. 4 года — армия, 5 лет — флот, и ты старик, в итоге. А как легко этому полковнику КГБ разделяться со мной.

Но, как оказалось, не всё потеряно. Обратил внимание на симпатичную девушку. И надо же такому случиться — всё в один день. После элементарного общения мы оба вдруг поняли, что мы знакомы с детских лет, с декабря 1946 года, памятного катания на санках, о чём я помнил всегда. Оказалось, и она не забыла. Познакомились. Сдружились. Стали встречаться ежедневно.

Спустя два месяца повестка — на медкомиссию в армию. Девушка (в ту пору, а теперь уже 67 год моя жена) сказала: «Я всё равно тебя буду ждать. Буду всегда с тобой.» На медкомиссии хирург, осмотрев мои ноги, отказала мне в удовольствии топтать солдатские сапоги. И я получил белый билет, то есть освобождение от призыва. Понимал, что я встретил надёжного, верного, преданного мне человека, любимого и нам не быть друг без друга. Расписались. А сейчас мы вместе уже 67 лет. А ешё через несколько месяцев снова приглашение в военкомат и без всяких объяснений признали годным к срочной службе. Это было настояще безобразие. И тут я ощутил влияние полковника КГБ.

Знаменитый маршал Чуйков пожелал сформировать одну роту солдат из Прибалтики, в том числе несколько человек из Эстонии. Хотелось ему посмотреть, а способны ли эти молодые люди справиться с тем, что прикажет лично Чуйков. Сставил он эти задачи мастерски. Вот и я, оказавшись в этой роте, прошёл настоящую, порой дикую, школу на Украине.

...Армия тех дней готовила настоящих мужиков и делала это просто. Удача состояла в том, что нашим командиром лично Чуйков назначил старшего лейтенанта Охрименко. Назвав эту фамилию, с которой я прожил год, я не могу промолчать. Настоящий знаток своего дела. Умный, добрый, строгий, я не помню, что бы он проявил себя в чём-то негативном. Учений было множество. Охрименко получал приказ. Чуйков лично появлялся и вносил свои корректировки. Цель: проверить — способна ли современная молодёжь вынести трудности, какие предъявляла война подлинная. Учения окончились. Все измучены. Отбой, какой-то отдых. Но для этой нашей роты всё практически только начиналось.

...Рота в обороне. Мороз — ого-го -30! После «боя» отступление. Несколько километров по лесу. Вышли на поле. Усталые. Немедленно каж-

ый выкапывает себе окоп, затем копаем траншею. Работаем. Копание траншеи несколько согревает. Приходит «радостная» весть — кухню разбомбили. Ночь, мороз. Укрыться негде. Ветки на дно окопа. Один вниз. На него второй. Поверх третий. Но остаются часовые. Противник рядом и может появиться. дежурные автоматчики стреляют. На следующий день вновь кухни нет, в обед сухпаек. Следующая ночь такая же. Болели. К лету у многих были чирьи. Особенно они «радовали» меня.

...Однажды на учениях молодому лейтенанту, командиру взвода, перед строем начальство высказало недовольство. Лейтенант молча достал пистолет и застрелился.

...Армия тех времён (пятидесятые годы) действительно готовила настоящих мужчин. И делала это просто. Например, питание. Утром ячневая каша с подливкой. Чай и два кусочка сахара. 300 граммов хлеба куском (норма), но только чёрного. Обед супчик, такая же каша с кусочком мяса, хлеб 400 граммов. На ужин то же, что и на завтрак, только полтора кусочка сахара. За годы прохождения службы ни разу не было даже кусочка белого хлеба, не приведи Господь, масла или чего другого, похожего на еду.

Но у меня всё было нормально. В сборную дивизию по футболу меня определил сам командир этой дивизии. А это давало заметные послабления. По всем видам учёбы без замечаний. Поэтому мыть посуду на кухне не назначали. Но вот одно происшествие не выходит из памяти. Я и не подозревал, что я хороший стрелок.

Из Москвы прибыла серьёзная комиссия с целью проверки использования оружия в армии, умения его применять в различных ситуациях. Приёмы пользования оружием, стрельбы, дневные, ночные по мишеням — всё это было. Также и перед приездом проверяющих командиры настойчивее подошли к этому делу, а мы просто, стреляли, да и всё.

В день начала стрельбы я был очень болен. Это было очевидно видно по мне — два чирья на шее, один на подбородке и один на левой щеке. Идёт первый этап. Называют меня. Ничего удивительного — задачу я знаю. Надеваешь противогаз, бегом 30–40 метров, бросаешь гранату в траншею с расстояния 20 метров. Обязательно попасть. И далее ползёшь, бежишь, появляются мишени — стреляешь. И так 600–700 метров.

Пошёл, в траншею попал, кого-то (кажется это снайпер) пристрелил. И тут впереди пулемёт — метрах в 100. На ликвидацию его отпущен 15 секунд. Поразил короткой очередью. И вдруг замечаю, что с другой стороны появился ещё один пулемёт. Поразил и его. И тут раздалсявой сирены. Окончить стрельбу. Возвращаюсь на исходную позицию. Проверяющий полковник очень недовольный тем, что пришлось прекратить стрельбы по моей вине. Второй пулемёт не следовало сбивать. Охрименко проявил мастерство, чтобы защитить меня. Тогда полковник заявил, что меня следует положить в больницу: «Посмотрите на него!». Он прав — в противогазе я был симпатичней. Отстояли всё же меня. Отстояли меня потому, что я отличный стрелок. Всегда был победителем на стрельбах. Но я об этом даже не знал. И я снова вышел на полосу. Добежал до пулемёта. Сбил его. Осмотрелся на всякий случай

и снова увидел ещё один пулемёт. Что делать, сбил и его. Сирены не случилось. Прошёл всю дистанцию. Вернулся в некотором волнении из-за второго пулемёта. Охрименко меня приобнял. «Молодец! Ты поразил все мишени!» Вскоре выяснилось, что в 2-х дивизиях только два человека поразили все мишени. Второй – охотник из Сибири.

...Перед демобилизацией был вариант сократить срок службы. Я послал в институт просьбу предоставить мне возможность сдать вступительные экзамены. Пришел вызов. Указаны, какие экзамены и сроки. Получилось, что в июне мне надо было ехать.

Бумагу передал в штаб. Переговорил с нужными людьми. Жду. Однажды ко мне подбегает водитель командира полка – тебя хочет видеть командир. Я бегом к комполку. А он начал разговор с футбола. Вот предстоит матч, назвал команду и сказал, что их надо победить. Футболом интересовались все. Других забав не было. «Победим! – ответил я, – но у меня вопрос-просьба». «Вот выиграем и тогда твой вопрос посмотрим-обсудим». Посмотрим – это ответ, на мой наглый вопрос, который я посмел задать. Сборная была неплохая, трое из московского молодёжного «Спарта-ка». Прошло несколько дней – мы победили со счётом 3:1. Два гола мои. Третий с моего роскошного паса. Подставить только ногу. Это был мой последний футбольный матч в жизни.

Жду решения моей судьбы. Вроде обещал командир, но молчит. Однажды перед сном подходит дежурный по штабу: «С утра тебе надо в штаб, получи документы, ты демобилизован». Боже, но как всё же везёт идиотам! Получив уже документы, услышал важное сообщение. Государство приняло решение в связи со сложной международной обстановкой увеличить срок срочной службы на 6 месяцев. Часы решили мою судьбу. Я демобилизовался из армии на 9 месяцев раньше.

В институт я не поехал. В военкомат тоже не спешил. Мне предложили должность освобожденного секретаря комсомольской организации на одном заводе. Оклад 900 рублей. Так же сообщили, что мне будет присвоено звание лейтенанта. Но у меня семья, нужно зарабатывать. Отказался от оклада в 900 рублей. Автоэлектрик на заводе получал 1300 рублей.

...Завёл дружбу с интересными людьми. Познакомился с бывшим священником из Кохтла-Ярве. Честнейший, милейший человек. Случайное знакомство. Он был бригадиром грузчиков на железнодорожной станции Копли-товарная в Таллине. Я был у него доверенным человеком. Менее 3000 рублей я не имел. Но это, в основном, были халтурные деньги. Объяснить долго ни к чему. Никаких хищений. В бригаде был ещё один цыган. Студент 3 курса юрфака ЛГУ. Он отличился тем, что сильно поколотил сына одного афганского короля. В разговорах как-то на подобные темы, я сказал, а не попробовать ли и мне продолжить воспитание королевичей на наш манер. Под рюмочку загудели. Рост у меня 177 см, вес 78 кг, в прошлом спортсмен. «У тебя получится», – сказали мои друзья. А у меня мысль поступить на заочно была серьёзной, но не очень здравой. Я очень был далёк от школьной программы. Но все

же поступил, несмотря на дикий конкурс.

Конечно, это замечательное учебное заведение. За 6 лет обучения многое дано, многое нравилось. Особенно, конечно, преподавательский состав. Скромность, внешняя простота. К примеру, преподаватель Римского права Юрий Николаевич Толстой, обладающий феноменальной памятью. Осмотрев страницу незнакомого текста, слово в слово повторит тут же. Но строг был. Обучали нас хорошо. У меня сохранились две тетради с замечательными лекциями Ю. Н. Толстого.

Одна из преподавателей уголовного права была женщина-инвалид. Обоих рук нет по самые плечи. К экзамену с ней готовился с особой тщательностью. Она очень нервничала, если что-то не так. Экзамен сдал на отлично. Видимо, она ощутила моё уважение к ней. Однажды для обсуждения специальных вопросов в аудитории было собрано два курса (человек 350 и даже более) и среди них моя персона. Она, эта милая безрукая женщина объявила, что открыть обсуждение этого вопроса она поручает ...и называет мою фамилию. Я собрался посидеть, послушать других, отдохнуть, может, даже вздремнуть. Как я вывернулся — вспомнить тошно.

И ещё один случай приходит на память. Появился один новый преподаватель. Высокий, симпатичный. Всегда хорошо одет. Отличный kostюм, яркий галстук. В этом его главное отличие от обычной публики. А другое его отличие — некоторое высокомерие.

Однажды звонит мне в Таллинн заведующая канцелярии. Я уехал, но у меня остался не сдан один материал. Зачёт, что-то по Индокитаю. Пустяк. Нужно появиться и я приехал. Оказалось, что новый преподаватель назвал мою фамилию в канцелярии и попросил, если у меня имеется какая-либо задолженность, пусть появится — я у него приму.

Сидели с ним вдвоём в кабинете. Рассказывал ему какую-то чушь. Проблемы тех стран. Чую, что он меня изучает. Дело в том, что я на одном экзамене по политэкономии, высказался резко критично о положении дел в стране. Меня выгнали с экзамена. И теперь я ждал, что меня могут вообще выгнать из ЛГУ и, что этот красавец из КГБ.

«Ставлю Вам отлично», – сказал он. После этого переводит разговор о нашей стране. Я отказался вести беседу, полагая, что этот комитетчик хочет из меня сделать стукача. Выразил этот свой отказ грубо. «Очень жаль», – ответил мне Анатолий Собчак (как оказалось, что это был он). Позже я подумал, уже после окончания университета, что может быть нужен был Собчаку на его пути. Но я выбрал другой путь. Но, если бы я был поприветливей с ним, даже, может, чутьчку повоспитанней, его путь был бы, пожалуй, не плох и для меня.

Меня замучил военкомат. Полученные после окончания юридического университета лейтенантские погоны, требовали участия на сборах, курсах и занятий, не только в кабинетах. Я пытался уклоняться от сборов. Оштрафовали. Мое терпение кончилось. Друзья – бывший священник и цыган заявили, что выход только один: идти служить в Министерство внутренних дел.

ДАНИЛЮК СЕМЁН Шалопай

Таллинн, 2023 год
Из ПРЕДИСЛОВИЯ ИСТОРИКА БОРИСА СОКОЛОВА
К РОМАНУ СЕМЁНА ДАНИЛЮКА** «ШАЛОПАЙ»

...Должен ответственно заявить, что роман «Шалопай» – это лучшее, что до сих пор написал Данилюк. Основное действие книги разворачивается в 1980-е и в начале 90-х годов в родной писателю Твери, которая в советское время называлась Калинином, а эпilog переносит нас в февраль 2022 года, в самый канун начала широкомасштабных боевых действий российской армии на Украине. Как мне представляется, взгляд писателя на эпоху 80-х – начала 90-х годов из 2022 года, да еще из «прекрасного далека» – с китайского острова Хайнань, является вполне оправданным. Именно тогда начался процесс, который в итоге привел к нынешней эпохе в российской истории.

В романе Данилюка хорошо показано, как постепенно в Советском Союзе под лозунгом перестройки события раскручивались с нарастающей скоростью и, в конце концов, сделавшиς не обратимыми и неуправляемыми, привели к последствиям, которых вроде бы никто не хотел и уж точно не ожидал.

Советская застойная стабильность постепенно разрушалась, а жизнь основной массы населения становилась все хуже и хуже. Только вот у архитекторов перестройки и у ее прорабов, как это показано в романе, не было никакого продуманного плана действий, а была только спонтанная реакция на происходящие события, волна которых захлестнула их самих. В итоге перестройка и реформы конца 80-х – начала 90-х годов привели к нынешней ситуации глубокого недоверия и к демократии, и западным либеральным ценностям, и к рыночной экономике в целом, а экономика России пережила новое огосударствление. Как справедливо замечает писатель, «призывы к свободе хороши на сырый желудок, когда накормлен сам и семья».

„Данилюк прекрасно показывает, почему не удалась перестройка и связанные с ней и с последующим правлением Бориса Ельцина демократические и рыночные реформы. Расходящая фраза: «Революции делают романтики, а плоды пожинают негодяи», – полностью применима к горбачёвско-ельцинской эпохе. Беда была в том, что управляли процессом и получили наибольшие выгоды от него выходцы из прежней партийно-хозяйственной номенклатуры, яркие образы которых запечатлены в «Шалопаях». Причем самые циничные и ушлые, зачастую сросшиеся с криминалом, ко-

**Данилюк Семён работал в МВД: оперуполномоченным, начальником следственного отдела, кандидат юридических наук, доцент (около пятидесяти трудов в области уголовного права, процесса, криминологии).

торый особенно вольготно чувствовал себя в конце 80-х и в 90-е годы. В результате широкие предпринимательские массы оказались выдвинуты из экономической жизни страны. И, может быть, еще более важным фактом оказалось то, что силовые структуры в новой России остались прежние, советские – и МВД, и КГБ, и прокуратура, а также суды, с кадрами, проникнутыми глубоким недоверием и к демократии, и к рынку.

Великолепно выписаны три главных героя романа, три новых друга-мушкетера, наделенных автобиографическими чертами: Алька Поплагуев, Оська Граневич и Данька Клыши. Они представляют творческую интеллигенцию (Алька), научно-техническую интеллигенцию (Оська) и силовые структуры (Данька).

Жизненный путь главных героев прослежен от советских третьяеклашек первой половины 70-х до вполне состоявшихся каждый в своей области личностей в 2022 году. Через образы главных героев писатель демонстрирует, как воспринимались перемены разными социальными слоями советского общества. Все три мушкетера написаны симпатично и привлекательно, хотя, конечно, не сусально. А ностальгия, присутствующая в романе, скрашивает неприглядные моменты прошлого.

По мнению писателя, «корень всего – вырождение внутреннее, пассионарное, когда отмирает жизнетворное начало. Последний шанс встряхнуть нацию был в восьмидесятых – начале девяностых».

...Но все-таки роман не оставляет по прочтении чувства пессимизма. Жизнестойкость, внутренняя свобода и порядочность главных героев оставляют надежду на будущее, хотя все трое к концу повествования и оказываются за пределами так горячо любимой ими Родины.

К несомненным достоинствам романа «Шалопай» относится то, что ни один персонаж в нем не изображен только белыми или только черными красками. В романе нет чисто отрицательных и чисто положительных героев, и все персонажи представляют собой достаточно сложные характеры.

...В романе Данилюка никто из персонажей не кажется лишним, каждый представляет определенный социальный тип, каждый на своем месте, у каждого своя роль в сюжете.

«Шалопай» читаются легко, буквально на одном дыхании. В романе присутствуют детективные истории и связанные с ними тайны, которые, как и полагается, находят свою разгадку к концу повествования. Все эти истории сами по себе очень интересные и вполне к месту, однако сюжет держится не на них, а на эволюции времени и герояев.

Поэтому роман Данилюка является детективом лишь в той степени, в какой можно назвать детективами «Братьев Карамазовых» или «Преступление и наказание» Достоевского.

20.05.2024

ЭПИЗОД 1. БЕЗАЛКОГОЛЬНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ СВАДЬБА

«Кстати, заметка твоя не только мне понравилась. Главный оценил. Лично дал команду – если справишься со следующим редакционным заданием, зачислить в штат.

Забокрицкий извлёк из ящика текст на бланке.

– Вот тебе редакционное задание – суперлюпер. Обком комсомола организует в подшефном совхозе безалкогольную комсомольскую свадьбу. Нам поручено соответственно осветить в прессе. Убойный материал.

– А если шаг вправо, шаг влево – побег? – хмуро пошутил Алька.

– Да некуда там влево-вправо. Всё расписано, вплоть до поцелуев... Сиди да стенографируй. От комсомола за мероприятие отвечает кто-то из инструкторов. – Он порылся в бумагах, не нашёл. – То ли Крамской, то ли Гамзатов. Если что, он и подскажет. Так что? Хоп и побежали?

Он протянул материалы Поплагуеву. Тот с сомнением принял.

– После свадьбы, поди, все равно наружутся?

– Обязательно, – равнодушно подтвердил Забокрицкий. – Только это будет уже за рамками сценария. Всё! Ставим на этом жирную точку.

С нетерпением постучал по часам:

– Слушай, старик, хватит вола пасти. Беги, наконец, за гонораром. Через десять минут касса закрывается.

– Вообще-то жирная точка – это клякса, – пробурчал Поплагуев. Но в кассу пошёл.

Свадьба прошла в полном соответствии со сценарием. В Доме колхозника, с подарками от руководства ОПХ. Играли приглашённый из областного центра ВИА. На столах в изобилии закуски. Мясные салаты, грибочки с луком, селёдочка с рассыпчатой картошкой. А к ним кувшины с квасом и морсом. Правда, веселье давалось с натягом. Гости сидели потупившись. Ели мало. Не веселы были и молодые. И если хмурость невесты ещё можно было списать на девичье волнение, то с чего кривиться жениху? Вдоль стола порхал единственный бодрый человек – видеоператор.

– Выдаём улыбочку на камеру! – покрикивал он. – Первыми – счастливые родители! Такой день раз в жизни. Ну, мы бодры – веселы!

Родители жениха и невесты выдали на камеру кислые улыбки. Бодрее прочих смотрелся свидетель со стороны жениха секретарь первичной комсомольской организации комбайнёр Подоляко. Произнёс достойный тост: Мы, комсомолцы, смена партии; безалкогольная свадьба – это почин и мостик в будущее, даём с женихом зарок не пить до серебряной даты.

Поплагуев подошёл к Крамскому – инструктору обкома комсомола, ответственному за мероприятие:

– Ох, и кислятину вы замутили.

– Ништяк, – отмахнулся тот. – Оператор после музычки поверх наложит. Кого хочешь оживит. Главное, уследить, чтобы раньше времени не нажрались.

Гости и впрямь норовили под любыми предлогами улизнуть. Но Крамской застыл у единственной двери пограничником Карапюпой. И, подобно легендарному Карапюпе, пресекал нарушения границы исключительно с одной стороны – при попытке удрать за кордон.

В общем, всё прошло честь по чести. Без подлянки. Алька даже сдружился с молодыми и всячески развлекал обоих. Ближе к концу на стол подали несколько увесистых тортов. Сластёна Алька при виде торта с розочками потёк слюной. Притёрся к молодым:

– Давайте возьмём тортик и смоемся.

– Так брачная ночь, – напомнила невеста.

– Думаете, неудобно? – Алька сконфузился. Жадными глазами глянул на торт. Вздохнул безысходно.

– А у меня ещё литр водки припасён, – под тортик, – намекнул он. Глаза у молодожёна засияли.

Вскоре молодых проводили до машины. Корреспондент газеты Поплагуев сопровождал молодожёнов с коробкой торта в руках.

Дома измаявшийся жених заглотил один за другим два стакана водки и тут же уснул.

– Вот тебе, девушка, и брачная ночь, – раздосадованная невеста стянула фату. Безразлично кивнула на торт. – Лопай, раз уж ничего другого не надо.

С фатой в руке она сделалась на диво обаятельной.

Алька глянул на торт, на невесту и – выбрал самое сладкое».

ЭПИЗОД 2. ВСТРЕЧА В РЕСТОРАНЕ ДВУХ ДРУЗЕЙ ДЕТСТВА: НАЧАЛЬНИК УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА И ВОР В ЗАКОНЕ. КЛЫШ РЕШАЕТ ПОСТУПИТЬ НА СЛУЖБУ В МИЛИЦИЮ

«ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС тряслось, как Незнайку за рулём. То в панике от того, что происходит со страной, со всех сил жал на тормоз. И тогда появлялся запретительный Указ «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» (3.05.1986 года), то в приступе эйфории вновь газовал, и следом на свет появлялся Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», давший старт кооперации (ноябрь 1986 года), Закон о соцпредприятиях (11.12.1986 г.). Учреждались совместные предприятия – с участием иностранцев.

Ветви власти в борьбе за властьцеплялись одна за другую. Первые (консерва-

торы) отчаянно пытались притормозить разгоняющийся автомобиль, реформаторы, напротив, изо всех сил газовали...

...Потихоньку подступил последний получас перед закрытием – с братанием столов, съёмом неразобраных барышень. Солист ресторанных оркестра рыжеволосый усач-гастролёр Владимир Пуринашвили уже перешёл с камерного Визбора на семь-сорок.

Столы сильно поредели. Сновали с объедками на подносах притомившиеся официанты. Незаметно разошлись опера. Первым ушел Саша Фёдоров – к беременной жене. СуперШура, стеснительно теребя нос, сообщил, что через час у него вербовочная встреча с новой агентессой. Тихий голосок его побулькивал от предвкушения. Задремал среди объедков и окурков упившийся Лёвшка.

Оська, вспомнив, что Светка на сегодня взяла отгул, заторопился домой. Зато Алька был востребован. Его наперегонки приглашали две девушки. Он не отказывал ни одной, пустив дело на самотёк. И поначалу даже назревала женская скора. Но потом как-то само собой рассосалось: исчезли все трое.

Меншутин и Клыши переместились за соседний, подставленный столик. Меншутин вяло поколупал куцую, заветревшуюся закуску, ловко ухватил за хлястик пробегавшего мимо набриолиненного официанта.

Тот дёрнулся, резко извернулся. Увидел перед собой начальника уголовного розыска.

– Борис Ермолаич! – Озлобленное лицо его ужалось в сладостный кукиш.

– Ты чем угрюм кормишь, поросёнок? Жрать невозможно, – рыкнул Меншутин.

– Найди что-нибудь поприличней. Рыбки какой. Или по шницелю. Живо, Тимоша!

– Да откуда ж, Борис Ермолаич? – Тимоша проникновенно приложил руки к груди. – Конец вечера. Кухня вот-вот закроется. Разве что огурчиков с помидорчиками нарубить.

– И водки добавь! – согласился Меншутин.

– Недобро посмотрел вслед.

– Видал? Для начальника угрюм у него пожрать нет.

– Но в самом деле – вечер на излёте, – урезонил его Клыши.

– На излёте! Только прежде – разбилася бы в пыль, а достал. Я его от тюрьмы отмазал. А ныне ишь ты, года не прошло – на излёте!

Меншутин ухватил Клыши за лацкан. Придвинулся вплотную.

– Вся страна на излёте. Эх, Данька! Пока ты воевал, у нас здесь всё маткой наружу вывернулось. Хрен знает, куда катимся. Сам-то куда думаешь податься?.. В милицию не хочешь? Нам следаки позарез нужны.

Вот уж о чём Клыши вовсе не думал.

– У меня ещё два года учёбы, – ушёл он от ответа. – Да и не по мне это, – за ворьём гоняться.

Меншутин обиделся.

– Не того пошиба, стал быть! Так и воры нынешние другого пошиба стали. Прежнее ворье на задний двор задвинуто. Предприниматели какие-то мутные грибами из-под земли попёрли. Говорят – новая экономика. Может, и так. Только пены вокруг полно. Поди разберись, кто нужен, а кого к ногтям бы, как вшу... Да вот, главный грибник! – он посмурнел.

В ресторан вошел Саша Лапин. Рослый, крупный, в «ловкой» тройке. С золотыми часами на цепочке. В руке – вишнёвая трость с янтарной львиной мордой.

За плечом его вырисовывался официант Тимоша. Данька подметил, что спесивый Пуринашвили, разглядев вошедшего, принял глубоко кивать, ловя ответный взгляд.

Лапин неспешно огляделся. Тимоша подступил, припал к уху, кивая на «ментовский» столик. Лапа поколебался. Помахивая тростью, подошёл к столику Меншутина. Окатив ароматом добротного мужского одеколона «Кремль». Безразлично мазнул взглядом по его соседу. Толи не узнал, то ли не счёл нужным признать.

– Здорово, мент. Слышал, искал.

– Здорово, Лапа.

– Могу присесть?

– И присесть, и сесть. В зависимости от результатов.

Лапа достал крупный носовой платок, протёр сиденье.

– Никак пугать надумал?

– Чего мне тебя пугать? Посажу, так разом.

– Ой ли? Новой крови на мне нет. Во всяком случае, – считанной.

Лапа приподнял графинчик, взболтнула:

«Палёнка». Да и закусон, будто в прежние времена в сарае под «гнилуху» за девяносто две копейки. – он брезгливо поддел на вилку заветрившуюся докторскую колбасу.

Обидчивый Меншутин заиграл желваками.

Чокнулись. Выпили.

– Работать, наконец, устроился? – буркнул Меншутин.

– Да я и не переставал. Как и раньше, в ночную. Зарплата сдельная, – с нескрываемой издёвкой ответил Лапа.

– Меня Лапой кличут, – пояснил он – для Клыши. – Есть малой брат. Задорный пацан. Вот у него кличка – Лом. Мозгов не хватает, так норовит на силу взять.

Перевёл потяжелевший взгляд на Кильбальчиша. – Но лом, если по делу, – ты, Боб. Прёшь танком. Ни вправо, ни влево! А жизнь меняется. Новых подходов требует. Я так, наоборот, нынче старорусским искусством проникся. Картины,

иконы. Особый дух старины. Припадаю, и – такая благостность делается.

– То-то по области церковные кражи пошли! – Меншутин ухмыльнулся.

– Странный у нас базар, – разочарованно протянул Лапа. – Бакланишь по городу невесть что. Или забыл, кому обязан? Если бы тот гоп-стоп на себя не взял, ныне не кумом бы восседал, а на зоне чаился.

– Ты меня на слабо не бери! – Узкие губы Меншутина сошлись в скобку. – Гоп-стоп ты на себя взял, потому что по групповухе срок потянул бы вдвое! Да и вообще: с той поры рельсы наши далёко разошлись. Не до кумовства! И говорю напрямки: подловлю – сядешь!

– Не опасаешься мне такое? – полные, красиво очерченные губы Лапы побелели. – Я ведь памятливый.

– Чего мне тебя опасаться? – Меншутин пренебрежительно цыкнул. – Под тобой кодла, а за мной – фронт! – Он повел плечами. – И шпану вокруг тебя вскоре пересажаем. Того же твоего Ломика. Вырастил бандита под стать себе. В городе один хозяин должен быть!

– Ты?

– Не ты же.

Они сцепились взглядами.

Первым отвёл глаза Лапа. С той же блуждающей ухмылкой поддил себе водочки, пригубил.

– Был ты, Кильбальчиш, упрётый. А ныне вовсе фишку не рюхаешь, – он посмоктал заветренный лимончик. – Времена-то как раз переменились. И тем, кто на новую дорогу ступил, всяческий профит. Ты вот мне гоп-стопы пацаны поминаешь, а я в предпринимательство думаю двинуться. Агентство учредил по оказанию правовых услуг. Очень перспективное начинание. Многие из ваших – ментов, прокуроров – интересуются. – Он насмешливо пошелестел пальцами. – Так что как бы твой фронт ко мне в холуи не переметнулся!

Похлопал начальника угрюмо по запястью.

– Пока не поздно, приходи, Боб. По старой памяти всё порещаем. А завоюешься на своем фронте – только и останется из мест, что на воротах. Шлагбаум поднимать.

– Задушу! – прорычал Меншутин. Опёрся на стол, напружинился. Клыши предостерегающе сжал ему под столом колено.

– Непросто это, – Лапа насмешливо похлопал себя по бычьей холке. Подозвал поджидающего в сторонке официанта. – Тимоша! Кабинет!

– Уже освободили! ...

– Коньяк. Закусить чего-нибудь.

– Сделаем-с! Вчера икру, белужку завезли, – отводя вороватые глаза от начальника розыска, шёпотом зачастил официант.

– Пури! – Лапа чуть повысил голос. Оркестр предупредительно смолк. Пуринашвили подался вперёд – со вниманием.

– С этой минуты – играть моё любимое! – Он подхватил трость. Поднялся. Тимоша забежал вперёд, сопровождая к кабинету.

Менщутин с пьяной тоской смотрел вслед бывшему дружку.

Цепко ухватил Клыши за запястье.

– Понял хоть, о чём этот тряпиндел? Правовые услуги, как же! Колпаки крутит!

– Встретил непонимающий взгляд. Пояснил. – Напёрсточников крышует. Ныне и вовсе самое грибное время для него пришло. ИТД, кооперативы попёрли. За них взялся. Ты вникни, паря! Если такие подгребут под себя кооперативы, так они такими и станут – бандитскими, – Боб зашептал, щедро брызгая слюной. – Ещё в прошлом где по «малинам» от меня ныкался. А ныне поди ж каков гусак! На поверхность всплыл! И страха не видать. Стало быть, его самого какая-то накипь во власти уж крышует. Прежде-то, худо-бедно, но против криминала стояли единственным фронтом: милиция, комитет, суды, исполнкомы. Тёрки меж собой ведомственные, конечно... Типа, кто круче. Не без того. Но против криминала – стена! Что мы, что Контора. А нынче оперативную комбинацию затеваешь, глядь: то тут утечка, то там протечка. Чуешь, к чему всё?

Клыш задумчиво, сквозь хмельную плену, слушал Менщутина. Всё с большим вниманием. В сбивчивах, корявых менщутинских словах рассыпал он ту же боль, что и недавно у дяди Славы Филатова.

Из подсобки, балансируя подносом, полным разносолов, с «Ааратором» посередине, подскочил радостный Тимоша.

– Ну вот, нашлось, оказывается! Велели презент передать.

Менщутин посеред.

С силой долбанул ногой по подносу, с грохотом обрушив на пол аппетитные блюда. Звякнули осколки «Аарата».

– Пшёл, шестёрка! – рявкнул Кибальчиш. Ухватил перепуганного офицанта за ворот, притянул. – Значит, для начальника угрю у тебя рыбки не нашлось? Для барского стола придержал. А барином у тебя вор в законе. Надеешься, поскрёбьши, власть переменилась? Новому хозяину спешишь сапог лизнуть. Так кого-кого, а тебя, холуй, я ещё на зону умою.

– Господи! Борис Ермолаич!... Так за что ж? Душой, можно сказать.

Вывернувшись кое-как, Тимоша опустился на четвереньки и, укрывшись под столом, принялся собирать бой на поднос – с перекошенным от бешенства лицом.

– Пури! – срывающимся голосом выкрикнул Менщутин. Пуринашвили пригнулся. – А ну, рыжий пёс! Жги мою любимию. Победоносную!.. Из «Знатоков».

– Такие дела, Данька, – Кибальчиш скривился болезненно. – И выходит, если не мы, ментура, то кто грудью встанет?

Он поднялся: взмокший, раскрасневшийся. Пьяный. К всеобщему страху, вытащил пистолет, демонстративно хрюпнул о стол.

– Если хоть одна падла!.. – предупредил он.

В гулком ресторане установилась тишина. Пуринашвили, бледнев лицом, махнул оркестрантам. Заиграли вступление.

Менщутин вытянул руки по швам. Набрал воздуху.

– Наша служба и опасна, и трудна!.. – принял старательно выводить он – один в огромном, натужно притихшем зале.

Пел Боб душой. Старательно вытягивал верхние ноты. Но – что поделаешь? Не вокалист. Слабенький сипловатый голос сфальшивил раз. Другой.

Певец Менщутин, тянувший петушком, с руками по швам, сделался смешон. Чем дальше, тем больше. В зале, поначалу пришибленном, оживились. Кто-то насмешливо зааплодировал. То там, то тут раздались смешки, как капли перед дождём. Всё громче, всё крупнее. Вот-вот общий хохот покроет фальцет незадачливого солиста.

Лицо Кибальчиша налилось пунцовостью. На глаза навернулись бессильные слёзы. Как тогда, – в песочнице.

Клыш, отбросив салфетку, поднялся рядом.

– Значит, с ними нам вести незримый бой!.. – подхватил он, без усилия подавив зарождающийся ропоток. Воодушевленный поддержкой, приободрился Менщутин.

– Пури! – потребовал он. Пуринашвили, косясь на пистолет, подтянул микрофон.

– Так назначено судьбой для нас с тобой! Служба дни и ночи... – победоносно понеслось по притихшему в обалдении залу. Поднялись в знак солидарности пара офицеров – лётчиков из Мигаловского гарнизона; дирижировал рукой и рыдал пьянейший Лёвшук, запоздало забасил выбравшийся из-под стола Тимоша.

Вот в эту минуту Клыш для себя решил – поступить на службу в милицию.»

ЭПИЗОД 3. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В АРМЕНИИ

«Седьмого декабря 1988 года утром – первое, что увидел Алька, выйдя из своей комнаты, – дядю Толечку и тётю Тамарочку, притихших возле телевизора. Сообщали о землетрясении в Армении. Толчки уровня до 10 баллов разрушили до основания Спитак. Лежали в руинах Ленинакан, Кировокан.

– Доигрались! – в сердцах бросил дядя Толечка.

– Что ж тут можно поделать, если аж десять баллов?! – аккуратно возразила жена.

– Что можно?! – Земский желчно усмехнулся. – Воровать меньше! Сколько говорено, писано: стройте сеймостойкие дома. Учёные только что не на карачках ползали, умоляли прислушаться.

– Нет, всё бы хапать в две глотки! Вы слышали кто-нибудь, чтобы в Японии дома разваливались? А у них как раз землетрясение на землетрясении!

– Хорошо хоть, что Среднерусскую возвышенность не трясёт, – сквозь зевоту пошутил Алька.

Дядя Толечка круто развернулся.

– Так тебе хорошо?! – сыронизировал он в сердцах. – Нет чужой беды, парень! До тех пор, пока чужую боль не научимся воспринимать как собственную, не стать нам людьми. Только холоп, раб может радоваться беде соседа. Да вы представьте оба: там сейчас тысячи тысяч без еды, тепла, ищут на морозе под обломками уцелевших близких! Вот именно сейчас, когда мы с вами языками чешем. Я срочно на комбинат! Прикинем, что можно сделать!

Убежал в спальню.

– Томка, опять костюм не готов! – донеслось оттуда через минуту. – Дождёшься – уволю!

Перед уходом прихватил растерянного Альку за локоть, пожал примирительно:

– Запомни накрепко! Если чужая беда для тебя чужая, она придёт к тебе!

В СПИТАК С ГРОМОВЕРЖЦЕМ

В тот же день в телефонном разговоре с приятелем-музыкантом Алька услышал, что несколько рок-групп сговорились вылететь в Армению с концертами в пользу пострадавших от землетрясения.

Решение пришло в долю секунды.

– Я с Вами! Заколите одно место под меня. Выезжай спешом! – выкрикнул Алька, не дав вразить. Покидал в рюкзак все наличные деньги.

Музыкантам удалось втиснуться в транспортный самолёт, на котором летела бригада врачей и военно-полевых хирургов – в помощь группе Чазова. В пути узнали, что разрушения затронули едва не половину Армении. С тем же самолётом летел могучий великан с внимательными умными глазами. Алька с придвижением узнал в нём знаменитого спортсмена: двукратного Олимпийского чемпиона по классической борьбе в тяжелом виде Юрия Борейко. После окончания спортивной карьеры он защитил кандидатскую диссертацию. С началом перестройки активно выступал на митингах, где привлекал внимание острой критикой в адрес властей. В последние годы Борейко стал известен как член международной демократической группы, близкий к Гавриилу Попову.

Общительный Алька, досконально знавший спортивную карьеру знаменитости, нашёл случай познакомиться, и оставшийся путь с восхищением пересказывал герою его собственные спортивные подвиги. За время полёта они стали приятелями.

Медиков ждали с нетерпением. Тотчас повели к поджидающему вертолёту. Подошли и к Борейко – судя по костому, один из местных чиновников. Поздоровался аккуратно.

Мне поручили вас встретить и передать благодарность за отзывчивость. Но нам сейчас не до агитации.

– Мне тоже, – отреагировал Борейко.

– Но Вы не представляете... Порядка сорока тысяч погибших. Множество инвалидов. Огромное число под завалами. Армия не справляется.

Он кивнул на солдат, бегущих строем к военному вертолёту.

– Тем более, раз армия не справляется, ей нужна помощь. Добровольцев ведь принимаете?

– Да, конечно. Но там даже целых домов нет. Только-только устанавливаются палатки с отоплением.

– Годится, – перебил его Борейко. Подтянул двумя пальчиками. – Слушай, я ведь не только горлан. Я ещё и мужик. Надо разгребать завалы – разгребу не хуже прочих. Веришь?

– Как не поверить, – чиновник болезненно поморщился, – двух пальчиков хватило, чтоб повредить плечо. – Что с вами делать, летите... Я позвоню, чтоб встретили.

Вопросительно глянул на Альку.

– Мы вместе, – выпалил тот. Подбежал к приятелям – музыкантам. Сунул рюкзак с деньгами.

– Добавьте, чтоб вместе с вашими!

Наспех пожав руки, припустил следом за Борейко.

Ещё с вертолёта открылось удручающее зрелище. Города внизу не было. Панельные дома под ударами стихии сложились костяшками домино. Кое-где клыками торчали сохранившиеся остатки кирпичных стен. Сплошные строительные руины. Поднимались в морозное небо дымы. То там, то сям среди развалин возникали всполохи пожаров.

Борейко не отрывался от люка. Крупное скеластое лицо вплотицьлось в стекло. По щеке сползала слеза.

– Что ж, потрудимся, – прорычал он.

С земли всё выглядело ещё страшнее. Боль и ужас человеческие обрушились на добровольцев, сразу по прилёту.

Количество предполагаемых жертв исчислялось в десятках тысяч. Выжившие бродили по зимним улицам – без тепла, пищи, медикаментов, – больницы в руинах, автодороги, по которым могла бы быть подвезена помощь, блокированы трещинами.

Но уже вовсю шли первоочередные работы. Устанавливали отапливаемые палатки, в которые сносили искалеченных, обмороженных людей. Развёртывали полевые кухни. У завалов рычали экскаваторы, к пожарам пробивались пожарные команды.

Подвезли на вертолётах и выгрузили пирамиды гробов. Опознанных тут же хоронили.

Борейко, наскоро кинув чемоданчик в выделенной палатке, сразу включился в работу. Деятельный, энергичный, он мигом сколотил вокруг себя бригаду из студентов-добровольцев, которую охотно использовали в помощь военным, пожарным. Работать приходилось чем придётся: ломами, молотками. На месте разжились ножовками, зубилами, кувалдами. Не было даже кусачек, и арматуру приходилось пилить вручную. Прожекторов, и тех не нашлось. Так что в темноте продолжали работу при свете фонариков. На второй день их переключили на расчистку завалов. Прежде всего, там, где сохранялась надежда обнаружить под обломками живых. Борейко работал, не зная усталы. Огромный, распаренный, голый по пояс среди мороза, он сдвигал неподъемные камни и плиты, заменяя собою шагающий экскаватор, которых не хватало. Он торопился спасать. Кажется, убеждённый, что если не спасёт он, не спасёт никто. Старался не отставать от бригадира и Алька. Порой действительно удавалось обнаружить и вытащить выживших. Иногда невредимых, больше – искалеченных. Но гораздо чаще это оказывались трупы. С каждым днём живых находилось всё меньше. На исходе дня, обессиленные, доползали до палатки и рушились на скатки. Но уже с первым рассветом неугомонный бригадир принимался теребить бригаду, – подъем, ребята! Время не ждёт.

На пятые сутки к Борейко подбежал старый, ссохшийся от горя армянин. Ухватил за рукав.

– Ашхен, Ашхен! – объясняться не мог, – по-русски не говорил вовсе. Побежали за ним следом – к развалинам кирпично-го одноэтажного дома, – видимо, жилище старика.

– Ашхен! – горянно кричал он, припадая к одной из плит, закрывавших вход в подвал.

Бросились на землю, вслушиваясь. Тишина.

Кажется, несчастный старик тронулся от горя. Развели сочувствуяще руками. Потянулись назад.

Оббежал, рухнул на колени.

– Ашхен! – умоляюще зарыдал он. Принялся хватать руки, целовать.

Острослухий Алька вновь припал к земле, поднял руку, требуя тишины. Наконец, поднялся.

– То ли чудится... Как будто детский плач, – неуверенно сообщил он.

– Будем работать, – принял решение Борейко. – Отрезаем кусок плиты, пробуем приподнять. Другого варианта нет. Ну что? Вперёд за орденами?

Пытаться подогнать экскаватор было бессмысленно, – подъезда к руинам не было. Пришлось работать вручную: пилили, долбили, крошили. Час – другой-третий. Сменяли друг друга. Только старый армянин отказывался смениться. Упрямо поднимал и опускал лом.

Кое-как отделили часть плиты, острым узким углом перекрывающую вход вниз. Места, чтоб поднять, было на одного.

Борейко склонился, поднатужился, пробуя, будто штангу на помосте. С усилием чуть приподнял. Бросил.

Оборотился к Альке, уже изготовленвшемуся с фонариком в руке.

– Не слабо, однако, – озадаченно прикинул он. – Разве что с полминуты... Замешкаешься, там и останешься. Готов?

Алька нетерпеливо кивнул. Ещё двое с боков подготовились подсунуть ломы.

– Ну, с нами Олимпийские боги! Пошли!.. – зарычал Борейко страшно и потянул плиту вверх. Он ещё приподнял, когда Алька выронил уж ввернулся в щель.

Борейко приподнял плиту на уровень груди. Ноги будто вросли в землю, трицепсы канатами ходили по спине его, страшные, с верёвку жилы взбухли на висках.

Тут увидели, что подставленные ломы под непомерной тяжестью принялись сгибаться, – силы оставляли гиганта. Кто-то бессмысленно попытался ухватить скобку – помочь.

Бросились к щели с фонариками:

– Олежек, милый! Быстрее!

– Да зацепилось тут! – невнятно послышалось из подземелья.

Борейко, помогая себе, зарычал. Рычал, чем дальше, тем яростней. Вскинул голову.

– Ну же, вы там! – простонал он, то ли Алька торопя, то ли небесам грозя.

– Держите! – послышалось из щели. У Альки приняли обвисшего ребёнка. Следом – стал виден он сам. Самые бесстрашные ухватили за руки, потянули. Рухнет плита – ни рук, ни ног не останется. Успели-таки.

– Всё! – крикнули Борейко. В следующую секунду плита упала, разметав известковую пыль. А сверху на неё лёг богатырь. Да так и лежал, раскинувшись. Разбросав руки. Из порезанных ладоней хлестала кровь.

Старик жадно выхватил из чужих рук внуку, побежал к «Скорой помощи», поджидавшей в проулке.

– Что надо старицина, – оценил Алька.

– Его бы в нашу молодёжную бригаду.

После того случая, с лёгкой руки Альки Поплагуева, Юрия Борейко стали называть не иначе как Громовержцем.

Прилетевший в Спитак с группой итальянских спасателей, в сопровождении телевизионщиков, секретарь ЦК компартии Армении нашёл знаменитого спортсмена среди развалин. Итальянцы во все глаза глядели на могучего атлета.

Наш знаменитый олимпийский чемпион, – представил его секретарь – под софиты. – Одним из первых пришел на помощь. Армянский народ навсегда сохранит в сердцах благодарность к тем, кто откликнулся на нашу беду. Товарищ Борейко, откройте митинг. Скажите несколько ободряющих слов первопроходцам из Европы.

– Нет времени на митинги! – громыхнул Борейко. – Включайтесь, ребята! Под завалами люди.

Итальянцы закивали энергично, требовательно заговорили. Митинг пришлось свернуть. Массово стали высаживаться спасательные группы со всего мира.

Сменили их бригаду спустя десять дней. Борейко согласился уехать, когда

надежды обнаружить живых не осталось вовсе. Когда взлетали, внизу был уже иной город – палаточный. Пятьдесят тысяч палаток.

Прощались в Домодедово. Обнимались. Обменивались адресами. За эти дни сроднились.

Все уж разошлись. Борейко придержал Альку.

– Не теряйся, – попросил он. – Обязательно не теряйся. Нечего тебе в провинции теряться. Ко мне приезжай. Найдём дело по плечу. Помни, мы одной крови, и от нас зависит, какой сделается жизнь на планете.

Сжал за плечи – осторожно, чтоб не повредить, – и зашагал к поджидающей «Волге».

Альке ещё долго вспоминалось пережитое. Вопли женщин, ногтями скребущих завалы, всхлипы детишек, пробивающиеся откуда-то из-под обломков, – куда было невозможно добраться, перерубленные человеческие конечности.

Чаше – во сне, иногда – наяву. И всякий раз его будто окатывало холодным потом.

Спустя время по телевизору передавали репортаж с митинга, организованного Демдвижением. На трибуне Алька увидел своего нового друга.

«Сорок тысяч погибших! Сто двадцать тысяч инвалидов, полмиллиона, оставшихся без крова! – громыхал на всю страну

Борейко. – Катастрофа в Армении не только земную кору потрясла! Но и всё наше общество. Рухнуло всё, что прогнило!..»

Алька слушал с грустной улыбкой. И – странная вещь человеческая память! Чем дальше, тем больше эти дни в Спитаке, посреди безысходного горя, стали восприниматься как период счастья и душевной наполненности. Он тосковал по дружной их бригаде, по палатке и, конечно, – по Громовержцу. Человеку, точно знающему, что нужно, чтоб сделать людей счастливыми.»

КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР

Убийство в Курляндской губернии

Изучая в архивах материалы об убийстве Лермонтова случайно наткнулся на преступление чем-то схожее с лермонтовским.

События проходили в Курляндской губернии в июле 1843 года. Возможно, не всем читателям известно, но Прибалтийских стран могло быть не три как ныне, а целых четыре. Ибо к тройке Эстония-Литва-Латвия могла добавиться и четвертая сестра: Курляндия. В 1795 году при Екатерине Второй Курляндия стала Курляндской губернией. В 1817 году здесь, одним из первых в стране, указом Александра Первого было отменено крепостное право. Реформы начались тогда в Эстляндии, затем распространились на Курляндию и Лифляндию. С гибелю Российской империи Курляндия стала уже частью Латвии.

Однако вернёмся к нашей истории.

В лесном массиве был обнаружен труп дворянин Юлиуса Клейста с огнестрельным ранением, на вылет, грудной клетки. Тело нашли дворовые люди отца погибшего. Когда сын предупредил его о намерении походить и неожиданно быстро уехал, а на следующий день домой не вернулся, отец беспокоился. Отправил на поиски всех своих людей...

Сообщили в полицию. Рядом с телом лежал пистолет. В кармане погибшего нашли записку, в которой он извещал, что в его смерти никто не виноват. На первый взгляд, типичное самоубийство. Судебный медик сравнил диаметр входящего огнестрельного ранения, обнаруженную недалеко от тела круглую пулю с калибром пистолета и сделал свой категоричный вывод: стреляли из обнаруженного на месте происшествия пистолета. Вроде всё ясно. Расследование надо прекращать и дело сдавать в архив. А бедного Клейста пусть родственники хоронят и оплакивают, при этом гадая, что же с ним такое произошло, что

подтолкнуло к самоубийству в таком глухом, но живописном лесном массиве? И как в этом месте оказался преуспевающий молодой человек, которого любила вся семья; почему он решился на такой отчаянный поступок?

Смерть всегда трагична и неожиданна, даже при осознании её неизбежности. Трудно это пережить человеку. Прочитав протокол допроса отца убитого, я хорошо его понимал... У человека внутри что-то обрывается. И обрывается на всю жизнь... Говорят – время лечит. Нет, не верю: оно не лечит. Просто боль потери как-то со временем затухает. Человек внешне смиряется с невозвратимой потерей. Жизнь должна продолжаться... Отец же не смог смириться с потерей сына. Раз его нельзя вернуть, значит надо установить и наказать убийц!..

В этом деле следователей насторожило то, что верхняя и нижняя одежда на трупе Клейста была расстегнута. Не мог же он сам себя, после выстрела, раздеть?.. Осмотр одежды потерпевшего в деле я не нашёл.

Прошло не более трёх недель. Расследование постепенно затихает. О происшествии начинают забывать. Только отец продолжает добиваться объективного расследования. О совершенном убийстве стало известно Николаю Первому. Странное «самоубийство» при невыясненных обстоятельствах его насторожило. Царь дал указание провести тщательное расследование. За раскрытие убийства дворянина взялись лучшие сыщики губернии. В результате расследования, трусливо спрятавшихся преступников нашли.

Следствие установило: на одном из вечеров барон Остен-Сакен донимал Клейста своими остротами, касающимися его чести. Не выдержав насмешек, Клейст вывел обидчика в другую комнату, обозвав его подлецом, вызвал барона на

дуэль. Тут же выбранные секунданты пытались обидчиков примирить, но Клейст от примирения отказался.

Понимая, что дуэли не избежать её участники решили выехать на поединок под предлогом поездки на охоту. Одевшись соответствующим образом и, взяв охотничьи ружья, дуэлянты поехали в лес. В их охотничих сумках были спрятаны дуэльные пистолеты. Выбрав укромное место и зарядив пистолеты, секунданты развели дуэлянтов на совсем близкое расстояние ...

Во время поединка, обиженный Клейст быстро подошел к барьеру и стал целиться в противника с явным намерением его убить. Барон Остен-Сакен, понимая это, и, чтобы сохранить свою жизнь выстрелил первым, убив Клейста наповал... Предсмертные записки дуэлянтами были написаны заранее, чтобы обмануть следствие. Одежду на убитом расстегивали, чтобы осмотреть рану, но в спешке, всё так и оставили. От страха бросив убитого, участники дуэли разбежались. Убийца скрылся в Германии.

Следователям удалось раскрыть это преступление, а убийцу вернуть в Курляндию и предать суду. Для этого пришлось задействовать дипломатические каналы. Российский посол в Германии уговорил барона добровольно вернуться на родину, чтобы не усложнять и так трагичную для него ситуацию. Арестованные участники дуэли всё вышесказанное подтвердили. Был суд. Участники дуэльной истории, которая по законам империи считалась преступлением, получили суровое наказание.

Объективности ради отмечу: хоть и запоздалые, но чистосердечные признания участников и добровольное возвращение убийцы повлияло на российского императора. Николай Первый значительно смягчил приговор суда.

КУЗЬМИН АНДРЕЙ

Эхо ушедшей войны

(Часть 3. Окончание)

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА КГБ. ДЕНЬ.

В квартире, сидя за столом, беседуют капитан КГБ Асташенков Евгений Иванович и Шульман Абрам Иосифович.

Шульман – Уверяю Вас, Евгений Иванович, золото имеет старое российское происхождение. Это просто определить по клейму и знаку пробирного управления.

Асташенков – Вы в этом точно уверены Абрам Иосифович?

Шульман – За кого Вы меня принимаете Евгений Иванович.

Асташенков – Я Вас принимаю за человека, который очень хочет уехать на свою историческую Родину, чтобы там соединится со своей семьей. Давайте вернемся к золотому слитку.

Шульман – Давайте вернемся. Этот слиток я держал в руках, всего несколько минут, но я четко рассмотрел клеймо в виде головы рабочего с молотом 583 пробы. Эти клейма ставила пробирная палата в период с 1927 по 1958 года. На лицевой стороне слитка, в кругу серп и молот, весовое обозначение 500 грамм, буквы МЖ и номер 03452.

Асташенков – У вас прекрасная память. Меня интересуют ваши предположения о происхождении этого золота.

Шульман – Думаю, что это золото имеет довоенное происхождение. Но где оно могло пропасть, легче выяснить вам.

Асташенков – Хорошо мы это выясним. Давайте поговорим о человеке, который принес к Вам это золото.

Шульман – Здесь я мало чем могу вам помочь. Я его почти не знаю. Зовут его Вячеслав, откликается на прозвище «Болек», иногда сбывал через меня мелкие безделушки.

Асташенков – Вас с ним кто-то должен был познакомить?

Шульман – Это «наследство» от Богдановича, а он уже там, за рубежом.

Асташенков – Этот Вячеслав о встречи договаривается заранее? Тогда после его звонка, срочно звоните мне. Не надо беспокоиться Абрам Иосифович, мы сделаем все аккуратно. Вы как всегда будете вне всякого подозрения...

Шульман уходит из квартиры, Асташенков, закрывает за ним дверь.

ОТДЕЛ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА. ДЕНЬ.

В кабинет инспекторов заходит Пермяков. А своим столом сидит Котов, стол Федорова пустой.

Пермяков – Возможно, я что-то не понимаю, а где Федоров?

Котов – Петр Сергеевич, он наверно в канцелярии. Вы же сами дали указания отрабатывать специальный контингент.

Пермяков – Не считай меня за идиота, Котов. Если Федоров сегодня не появится на работе, он получит прогул и тогда начнется невозвратимый процесс к его увольнению. Мне нытики и дураки в отделе не нужны.

Пермяков выходит из кабинета, через минуту туда заходит Мичуров.

Мичуров – Что «Хомяк» опять на метле? Зачем заходил?

Котов – Алексея ищет. Грозитсяуволить.

В это время звонит телефон, дежурный разыскивает Мичурова.

Дежурный – Саня, спустись к нам. Тут до тебя какой-то пацаненок пришел. Тебя требует.

Мичуров – Сейчас спущусь. Андрей дождись меня, сейчас что-нибудь придумаем.

ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ ОТДЕЛЕНИЯ МИЛИЦИИ. ДЕНЬ.

В дежурной части Мичурова ожидает Пузырев, который с важным видом сидит в углу помещения, не замечая улыбок милиционеров. Увидев Мичурова, Пузырев направляется к нему на встречу.

Пузырев – Александр Иванович, у меня к вам есть срочное дело.

Мичуров (сдерживая улыбку) – Ну, пойдем Константин, поsekretничаем.

Мичуров, обняв за плечи, Пузырева, выходит из дежурной части на улицу.

Кабинет оперативников уголовного розыска. День.

В кабинет заходит Мичуров и видит собирающего со стола документы Котова.

Мичуров – Извини, что задержался, надо было обедом накормить юного «Пинкerton». Ты куда собрался?

Котов – Хочу домой к Федорову сходить, чует мое сердце запил он. К телефону не подходит, на работе нет. «Хомяк» как туча ходит.

Мичуров – Сначала послушай, что мне тут молодое «дарование» поведало. «Фриц» действительно крупная фигура среди местных копателей. В его руки попали документы какого-то немецкого офицера, который руководил командой, по вывозу ценностей с оккупированной территории. Ценности складировались в специальной закрытой зоне и должны были быть вывезены, но тут вмешалось наступление наших войск. Территория этой зоны мало исследована, т.к. напичкана минами. «Фриц», по военной специальности сапер, долго искал себе напарника. Три дня назад отправился туда с каким-то «Шрамом». Больше их никто не видел, и что с ним никто не знает.

Котов – Да интересная информация, только что она нам дает. С заявлением о

пропаже копателей не разобрались? Тел их не найдено? Ты же знаешь наши законы Александр Иванович – «Нету тела – нету дела». Ладно, я побежал, а ты по картотеке посмотри «Шрама», на всякий случай.

КВАРТИРА ФЕДОРОВА. ДЕНЬ.

Котов долго стоит у квартиры Федорова. На звонки и стук в дверь никто не открывает. Но открывается дверь соседней квартиры, откуда выглядывает соседка.

Соседка – А ну прекрати безобразничать, сейчас милицию вызову.

Котов – Не надо милицию, я сам милиция. (Показывает удостоверение). Здесь наш сотрудник Федоров Алексей живет. Не вышел на работу. Начальство беспокоится.

Соседка – Так Елена с дочерью вчера на такси уехали, а Алешка остался дома. Может, что случилось. Подождите, у меня Лена ключи оставила от квартиры, за цветами смотреть. Говорят, на мужа никакой надежды.

Соседка открывает квартиру и вместе с Котовым они заходят вовнутрь. Федоров спит за столом на кухне. На столе стоят грязные тарелки, у стола валяется бутылка.

Соседка – Права Лена, ну какой же это муж. Жена за дверь, а он уже пьянствует. Гоните его из милиции, не будет от него толку.

Соседка уходит, Котов тащит Федорова в ванную комнату. Там укладывает в ванную и начинает поливать холодным душем. Федоров ругается и приходит в себя.

Котов – Алексей, послушай меня. Я понимаю, что у тебя семейные проблемы, но нельзя, чтобы ты из-за них работу потерял. Начальник сегодня рвал и метал в отношении тебя. Я договорюсь, тебе сделают больничный на несколько дней. Если после этого на работу не выйдешь, то ты безработный. Вставай и вытирайся. Где у тебя телефон?

Федотов – Там в комнате.

Котов проходит в комнату, садится в кресло у телефонного аппарата и набирает номер.

Котов – Оля, здравствуй. Мне нужна как всегда, твоя скорая помощь. Нет, я не болен, «смертельно» заболел мой друг. Оля только на три дня с сегодняшнего дня. Ты же знаешь я «отстираю». Спасибо тебе, сейчас и забегу. До встречи.

Во время разговора по телефону Котов вертит в руке пожелтевшую тетрадь, на иностранном языке. Закончив разговор, он внимательно перелистывает ее страницы. Кроме записей в ней обнаруживает схемы лесных массивов. Берет тетрадь с собой, он направляется на кухню, где по

звуку воды, что-то делает Федоров. На кухне он застает Федорова моющего посуду.

Котов – Алексей, я договорился, тебе сделают больничный на три дня. «Больничный» сегодня покажу «Хомяку». Это единственное, чем я смогу тебе помочь. Слушай, скажи мне, а это тетрадь у тебя откуда?

Федоров – Так я забрал ее из комнаты «Фрица», когда мы оружие изымали.

Котов – Знаешь, что в ней?

Федоров – Дочка пыталась перевести, но полностью не смогла. Сказала, что это записи какого-то немецкого офицера, Кранке или Шранке. Это что-то важное?

Котов – Пока не знаю. Я побежал на работу, а тетрадь забираю с собой.

КАБИНЕТ РАЙОННОЙ ПОЛИКЛИНИКИ. ДЕНЬ.

В медицинском кабинете сидит врач Судакова Ольга и заполняет карточки больных. Несмотря недовольные крики в коридоре, в кабинет заходит Котов.

Котов – Спокойно товарищи, я по служебным делам. Здравствуйте доктор Оля. К тебе сложнее попасть, чем в Кремль.

Судакова – Люди часто болеют Андрей, особенно когда надо идти на работу.

Котов – Извини, я не часто достаю тебе своими просьбами. Вот на листе записаны все его данные.

Судакова – Возможно, я и ворчу, что редко тебя вижу. Исходил ты весь. Обедал сегодня или нет?

Котов – Да перекусил в кафе.

Судакова – Слушай, мои старики дочку на дачу забирают, до понедельника. Может, я у тебя появлюсь? Приготовлю тебе еды, да и так порядок навести надо.

Котов – Спасибо тебе за все Оля, только в этот раз не получиться, работы много. Давай, на следующей неделе, когда все успокоится.

Котов забирает больничный лист и уходит. Судакова печально смотрит ему в след.

ОТДЕЛ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА. ВЕЧЕР.

Котов заходит в пустой кабинет и кладет на стол Федорова больничный лист. Затем проходит за свой стол и начинает снова рассматривать тетрадь, найденную у «Фрица». Звонит по телефону Мичуров.

Котов – Привет Александр Иванович. Ты где, на «заявке»?

Мичуров – Да. На краже в общаге. Слушай Андрей, установил я «Шрама», это Шишkin Виктор Семенович. Справка о нем у тебя на столе. Звонил его родителям, он действительно отсутствует дома три дня. Родители завтра придут писать заявление о пропаже. Леху нашел?

Котов – Нашел, даже больничный организовал, на три дня. Обещал завтра быть. Это хорошо, что заявление по пропаже

напишут, только думаю, что «Хомяк» рад этому не будет. Все я домой, до завтра.

КВАРТИРА ШУСТРОВЫХ. НОЧЬ.

В своей комнате, на кровати с открытыми глазами лежит Максим. Он не может заснуть, перед его глазами постоянно стоит «картина» убийства копателя. «Он проверяет пульс у раненого копателя и наложенный жгут. Хромов выхватывает его пистолет из кобуры. Затем Хромов стреляет из пистолета. Он видит, как на груди копателя расплываются кровяные пятна». Как он мог довериться Хромову? Почему он испугался? Он ругал себя за малодушие, за то, что не захотел довериться отцу. Уже под утро засыпая, Максим принимает решение, что после работы все расскажет своему отцу...

ДЕЖУРНАЯ МАШИНА ППС. УТРО.

Дежурный наряд в составе: старшины Белова, милиционера Шустрова и водителя Пискунова, движется по городу, выполняя «заявки» дежурной части.

Дежурный – «418» ответь «КОСТРОМЕ».

Пискунов – «418» на связи.

Дежурный – «418», прими заявку «ул. Гоголя 18. Пьяный с балкона стреляет из ружья». Как понял?

Пискунов – Понял тебя «КОСТРОМА». Заявку принял, едем.

Дом 18 по Гоголю, стоял у самой лесополосы. Машину ППС встретила небольшое количество людей, жителей данного дома. Сышен был гул их голосов и редкие выстрелы. Из машины ППС, на встречу жителям, выскакивают милиционеры Беллов и Шустров.

Белов – Спокойно граждане, что здесь происходит.

Белова сразу окружает толпа возмущенных жителей. Они кричат, перебивая друг друга. Из их него крика понятно было одно, пьяный Алешкин из 15 квартиры, стреляет из ружья по собакам. Шустров не слушает выкриков толпы, он видит только лежащую на земле, у детской площадки, в крови овчарку. Собака скулит и пытается отползти в сторону. Шустров не думает о выстрелах, он не слышит предостерегающих окриков старшины Белова, он просто бежит к собаке. Максим должен ее спасти. Он почти добежал, когда почувствовал сильный удар в грудь. Этот удал, отбросил его на землю. Последнее, что ясно ощутил Максим, когда упал и лежал на земле рядом с собакой, ее мокрый шершавый язык на своем горячем лице.

КВАРТИРА ФЕДОРОВА. ДЕНЬ.

В квартире Федорова наведен полный порядок. Алексей помыл полы и вытер всю пыль с полок. Он полностью пришел в себя, и пытался своим трудом «загладить», свою вчерашнюю пьянку. В квартире зазвонил телефон.

Федоров – Да, слушаю. Лара, доченька, счастье мое. Как ваши дела? Как мама, сильно ругается? Пойми детка, работа у папы такая. Отдохни хорошенько и покупайся, за меня в море. Маме передавай привет и поцелуй, от меня.

Разговор прерывается. Федоров только успевает положить телефонную трубку, как телефон звонит снова.

Федоров – Да, Лариса, слушаю.

Котов – Это не Лариса, а Котов. В себя пришел? Собирайся немедленно и на работу, у нас милиционера убили. Людей не хватает...

УЛИЧНАЯ ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА. ДЕНЬ.

По телефону Хромов звонит Большакову.

Хромов – Привет «Болек». Скупщик дал ответ?

Большаков – Да, он нашел покупателя. Встреча у него сегодня в 3 часа дня. Где встретимся?

Хромов – У меня проблемы на работе, общий сбор в 14.00. Если опоздаю, начнай сам, я буду ждать тебя во дворе.

Большаков – Подожди, но товар же, у тебя.

Хромов – Да у меня, поэтому и говорю тебе, начинай сам, потяни время. Узнай, сколько еще сможет взять, твой скупщик?

Большаков – Так у тебя, что много золото?

Хромов – Идиот, меньше болтай по телефону. Все до встречи.

ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ. ДЕНЬ.

Недалеко от отделения милиции останавливается автомашина «ВАЗ», из которой выходит Прохоров и направляется к отделению милиции. До выхода на пенсию, он был начальником данного отдела.

По дороге с ним здороваются сотрудники, которые когда-то работали под его началом. Прохоров, знает каждого из них по имени и отчеству. Недлинная дорога до отдела милиции, занимает у него много времени.

ОТДЕЛ МИЛИЦИИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДЕНЬ.

Прохоров заходит в отделение и застывает у входа в дежурную часть. Он видит на стене фотографию Шустрова Максима, в рамке и черной полосой в нижнем углу. Под фотографией на тумбе лежат цветы.

Дежурный узнает Прохорова и выбегает из дежурной части.

Дежурный – Здравия желаю, Артур Вадимович. К нам по делам или так?

Прохоров – Что случилась, Василий Иванович? Почему здесь фото Шустрова?

Дежурный – Несчастья у нас Артур Вадимович, при выезде на заявку, попал под пулю пьяного хулигана.

Прохоров – Родителям сообщили? Не знаешь?

Дежурный – Не знаю, начальство решает. А вы к нам с каким вопросом? Может, чем помочь надо?

Прохоров – Да я, Василий Иванович, с тобою хотел насчет Максима и поговорить. Отец мне его звонил, интересовался, почему его сын, последнее время, на службу ходил какой-то расстроенный. У него здесь все нормально было?

Дежурный – Да вроде никаких конфликтов не было. Парень он был исполнительный и аккуратный. Правда тут история непонятная обнаружилась, но думаю, что в связи с его гибелью, начальство на это глаза закроет.

Прохоров – Какая история? Рассказывай.

Дежурный – Пистолет, я его сегодня принимал в «оружейку». Два патрона в обойме, не нашей серии. Может потерял, а может применил, но не доложился.

Прохоров – Да, интересная история. Могу пройти к начальнику?

Дежурный – Артур Вадимович, но что вы такое говорите, мы всегда рады Вас видеть.

Прохоров поднимается по лестнице на второй этаж здания милиции.

ДВОР ОТДЕЛЕНИЯ МИЛИЦИИ ДЕНЬ.

Во дворе собрался рядовой и сержантский состав отделения. Общее построение. Среди собранных сотрудников стоит сержант Хромов. Он уже знает о гибели Шустрова Максима. На его лице застыла, какая-то иезуитская улыбка. «Это судьба. Золото принадлежит мне. Только мне» – про себя думает Хромов. После построения, и распределения личного состава для усиленного патрулирования, вызванного произошедшим инцидентом. Хромов направляется к своему начальнику майору Варапаеву.

Хромов – Товарищ майор, разрешите обратиться.

Варапаев – Что у вас сержант Хромов?

Хромов – Прошу разрешения, после дежурства использовать свои отгулы. По семейным обстоятельствам надо быть дома. У матери со здоровьем проблемы.

Варапаев – Успеете? До дома и обратно за пять дней?

Хромов – Успею, товарищ майор.

Варапаев – Хорошо, подготовьте рапорт. Я подпишу.

Хромов – Спасибо товарищ майор.

КВАРТИРА ШУЛЬМАНА. ДЕНЬ.

Шульман – Дорогой Славочка, мне очень приятно ваше общество, но вам должно быть известно, что время – это деньги. К тому же, я бы очень хотел, еще раз взглянуть на ваш товар.

Большаков – Абрам Иосифович, прощите непредвиденные обстоятельства. Товарищ должен появиться с минуты на минуту. К тому же, он готов будет переговорить о возможности сбыта «партии».

Шульман – Я начинаю вас бояться, Славик. Неужели вы взяли банк, где хранилось золото?

Большаков – Этого я сказать не могу. Вы знаете, что я посредник и готов отвечать только своим процентом, за чистоту сделки.

Шульман – Не смешите меня, о какой чистоте сделки идет разговор? Но мы с вами беседуем около часа, может с вашим другом, что-то случилось?

Большаков (смотрит на часы) – Хорошо, давайте перенесем встречу на завтра, на это же время?

Шульман – Хорошо, но умоляю вас Славик, без товара наш разговор будет беспредметен.

Большаков уходит из квартиры, Шульман закрывает за ним двери и пройдя в большую комнату, полностью задергивает занавески на окне.

ДВОР ДОМА ШУЛЬМАНА. ДЕНЬ.

Большаков выходит на улицу и некоторое время стоит у дома в надежде, что появится Хромов. Не дождавшись его, он направляется в сторону центра. В это время к дому быстрым шагом подходит Хромов и видит уходящего Большакова. Он хочет его окликнуть, но вдруг замечает, что из стоящей, на проезжей части автомашины выходят двое мужчин и неизвестно идут следом за Большаковым. Хромов понимает, что за Большаковым началась слежка. Номера автомашины, из которой вышли мужчины, их одежда и выпрявка, говорит Хромову о том, что они принадлежат только одной государственной спецслужбе – КГБ. Решение к нему приходит вместе со страхом, потерять все. Хромов останавливает частную машину и просит отвести его по известному ему адресу.

УЛИЦЫ ГОРОДА. ДЕНЬ.

Большаков неторопливо прогуливается по городу. Он купил в киоске сигарет, выпил кофе в небольшом кафе и пошел дальше. Подойдя к парадной старого дома, он садится на лавочку и снова закуривает. С ним здороваются проходящие из парадной люди, что говорит о том, что здесь он свой человек. Затушив сигарету, Большаков встает и направляется в парадную. Примерно минут через десять, из этой парадной на улицу с криками о помощи, выбегает женщина. Сотрудник наружного наблюдения, быстрым шагом направляется туда. На ступенях первого этажа, он видит лежащего в луже крови «объекта». Парадная была проходная. Где то рядом раздался вой сирены скорой помощи.

ПАРАДНАЯ ДОМА БОЛЬШАКОВА. ДЕНЬ.

У парадной дома стоят несколько автомашин, милицейская, скорая помощь, и прокуратуры. Федоров подошел

к дому, он еще издалека увидел Котова и Мичурова, стоящих у припаркованной милицейской машины.

Котов – Как самочувствие Алексей? К «бою» готов?

Федоров – Все нормально, Андрей Валентинович. Что надо делать?

Котов – Как всегда, качественный обход жилого массива. Нужны свидетели. Убийца нанес несколько ножевых ударов в грудь. Кровь может оказаться на одежде убийцы, имей это в виду. Ты эту парадную, а мы с Мичуровым соседние. Встречаемся в отделе.

Федоров – А участковых, что не будет?

Котов – Алексей, в своих делах инспектор должен рассчитывать только на себя. Тебе это понятно?

КВАРТИРА ШУСТРОВА. ВЕЧЕР.

В квартире траур. Все зеркала завешаны черной материей. На столе стоит фотография Максима, передней рюмка водки, накрытая куском хлеба. Дверь в квартиру не закрыта, туда входит Прохоров. Он здоровается с Владимиром и пройдя в комнату, садится за стол. Владимир молча, наливает ему водки.

Прохоров – Прости меня Володя, не успел я выполнить твою просьбу.

Шустров – Да какое это теперь имеет значение. Сына не вернешь...

Прохоров – Как Вера?

Шустров – Уже лучше, врачи положили в больницу.

Прохоров – Если, что будет нужно, обращайся. Помогу всем, чем смогу.

Шустров – Спасибо Артур, я знаю. А сейчас извини, хочу побывать один.

Прохоров встает из-за стола, выпивает водку и уходит, прикрыв за собой двери квартиры.

ОТДЕЛ КГБ ПО ГОРОДУ. ВЕЧЕР.

Кабинет Асташенкова. В кабинете находятся несколько сотрудников, одни из которых представляет оперативно-поисковое управление.

Сотрудник ОПУ – Объект, был полностью спокоен, он не с кем не встречался, по телефону не звонил. Мы довели его до дома и собирались провести установку по месту его проживания. Мы же не знали, что парадная окажется проходная и поэтому пост стоял только у входа в нее.

Асташенков – И вы считаете это оправданием – гибель важного объекта под наружным наблюдением? Да вам оленей в тундре сопровождать надо. Установили объект?

Сотрудник ОПУ – Так точно. Большаков Вячеслав Григорьевич, кличка «Болек», ранее дважды судимый за спекуляцию. Предположительно смерть наступила от ножевых ранений в области груди. Проживал в квартире данного дома. В доме был проведен тщательный

досмотр, сотрудниками милиции. Были обнаружены золотые вещи и валюта различного достоинства. По акту убийства возбуждено уголовное дело, его сопровождают сотрудники отдела уголовного розыска.

Асташенков - Да, самое главное - с мертвых уже ничего не спросишь. Необходимо установить все связи Большакова. Подключитесь к действиям работников уголовного розыска. Любыми средствами нам обязательно надо найти продавца золота.

КАБИНЕТ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА. ВЕЧЕР.

В кабинете собирались инспектора Мичуров, Котов и Федоров.

Котов - Ну, что товарищи инспектора, подобъем результаты работы. У меня, пусто, проверить осталось четыре квартиры, жильцы на момент обхода отсутствовали. Что у тебя, Александр Иванович?

Мичуров - Похвастаться пока нечем. Свидетеля нашел одного, но он уходил из дома, когда Большаков сидел на лавочке. Вернулся как раз к нашему обходу. Четыре квартиры не открыли, пробегусь по ним завтра.

Федоров - У меня все жильцы, кроме одной квартиры, оказались дома. Бабку нашел одну интересную, встретил на лестнице. Говорит, что какого-то мужчину видела всего за полчаса до убийства. Очень торопилась куда-то и прошила зайти завтра. Так, что утром, я сразу туда.

Мичуров - Так может и по нашим квартирам, пробежишься за компанию?

Котов - Отстань от него Александр Иванович, завтра вечером, сами быстро все доделаем. Сам домой не очень торопишься?

Мичуров - В мое женское царство торопиться не надо. К тому же дома большие сборы, собираются вскоре ехать в деревню к теще.

Котов - Да за мною, в дежурке Орлов сидит. Задержали его при продаже золотого лома. Я с ним утром хорошенько потолковал, все объяснил, и он вспомнил, что похитил его из квартиры недалеко от нас. Номера квартиры и дома не помнит. Может, вместе пробежимся, поспрашиваем?

Мичуров - Ты что, издеваешься? О чем еще спрашивать? Не украли ли у вас золото?

Котов - Три бутылки пива. Хорошего.

Мичуров - Нет, пять бутылок и твоя закусь.

Котов - Договорились, но пиво только после обхода.

Федоров - Меня почему не берете? Я пиво тоже люблю.

Котов - Боимся, что снова сорвешься, а больничного листа мне для тебя больше не дадут.

ПАРАДНОЕ ПЯТИЭТАЖНОГО ЖИЛОГО ДОМА. ВЕЧЕР.

Из одной парадной в другую идут Мичуров и Котов.

Мичуров - Надо было мне у тебя ящик пива просить. Ты представляешь, как мы перед людьми выглядим? «Дорогой товарищ, мы из милиции и задержали вора, только он не помнит, где украл. Посмотрите, цело ли ваше золото дома?». Бред какой-то. Что он еще помнил о доме? Вспоминай.

Котов - Ладно, не ворчи Александр Иванович. Если знаешь способ лучше, научи. Орлов говорит, что дом был пятиэтажка. Этаж 3 или 4, он не помнит. Вскрывал замок подбором, и вещи не разбрасывал. Искал в тех укромных местах, где обыватели обычно и прячут самое ценное. Следовательно, кражу обнаружат, не сразу. А мне, что с Орловым делать, отпускать? Слушай я кажется вспомнил. Он говорил, что в шкафу квартиры видел документы с грузинской фамилией.

Мичуров - Ты меня удивляешь. Может нам с паспортного стола, начинать надо было?

Котов - Так Орлов не помнит, что это за документ. Может почетная грамота и что тогда на паспортный стол скажет? Пойдем, последняя парадная, на сегодня.

ПАРАДНОЕ ОДНОГО ДОМА. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВЕЧЕР.

Мичуров и Котов, заходят в парадную и поднимаются на 3 этаж.

Мичуров - Звони сам, мне надоела слушать смех народа.

Котов звонит в квартиру. Ему открывает мужчина, восточной национальности. Котов показывает удостоверение.

Котов - Добрый вечер. Инспектор уголовного розыска Котов. Вы здесь проживаете.

Мужчина смотрит на документ Котова и приносит свой паспорт. Котов берет его в руки.

Котов - Гелашвили Зураб Мигдатович. Здесь прописаны?

Гелашвили - Да дорогой, здесь у жены живу. Что-то случилось?

Котов - Преступника мы задержали, квартирного вора. Говорят, что золото в вашем доме украл. Из дома ничего не пропадало?

Гелашвили (смеется) - Не, дорогой. Мое «золото» еще на работе. Еще не пришло.

Котов, достает из кармана куртки спрессованный комок металлических изделий, желтого цвета и показывает это Гелашвили.

Котов - Вот таких вещей, точно не пропадало?

Гелашвили удивленно смотрит на комок металла, и вдруг повернувшись,

быстро уходит в глубь квартиры. Через некоторое время он возвращается и радостно сообщает.

Гелашвили - Вах, спасибо начальник, это мое золото. В шкафу под бельем держал, жене хоте золотую вешь сделать и подарить на день рождения.

Мичуров - Ну, слава тебе ... Собирайтесь, товарищ, вам придется проехать с нами. Надо вас опросить, по этому факту.

Гелашвили - А золото, я могу забрать?

Котов - Вот там у нас, у следователя свое золото и получишь.

Котов и Мичуров дожидаются, пока Гелашвили оденется и закроет квартиру. Затем все вместе выходят из парадной дома, на улицу.

ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ. ВЕЧЕР.

В дежурную часть заходят Котов, Мичуров и Гелашвили. Дежурный Максимов, увидев Котова, спешит ему на встречу.

Максимов - Андрей, сколько можно ждать? Все время давно вышло, я Орлова сейчас выпускаю.

Котов - Спокойно товарищ дежурный. Вот доставили потерпевшего. Где дежурный следователь? Теперь он у нас за Орлова отвечать будет.

Мичуров - Андрей, ты со следователем сам здесь определяйся, а я домой. Поздно уже, ну а завтра о твоем долге я тебе напомню.

ГЛУХОЙ ЛЕС. БОЛОТИСТАЯ МЕСТНОСТЬ. ВЕЧЕР.

По лесу, проваливаясь в болото, идет Хромов. У него в руках «слега», он проверяет ей свой путь. Он одет в резиновые сапоги, за плечами тяжелый рюкзак. Тяжело дыша, он двигается в направлении, которое известно только ему одному. Он уходит от погони, которая следует, за ним по пятам. Еще немного и он от них оторвется.

Неожиданно он оступается и проваливается в болото по пояс. Тяжесть рюкзака, наполненного золотыми слитками, тянет его на дно. Хромов кричит, зовет на помощь и бьет руками по воде. Вдруг он видит протянутую к нему слегу, он хватается за нее с последней надеждой на спасение. Хромов поднимает голову, чтобы увидеть своего спасителя. У сонны, с другого конца «слеги» его стоит Большаков Вячеслав. Он улыбается ему своим беззубым ртом. На его груди ножевые раны, из которых хлещет кровь. Хромов кричит, но крика своего он не слышит, потому-то страх заполняет его тело, с головы до пяток. Эта тяжесть тянет его на дно болота. Хромов кричит, изо всех своих сил пытается вырваться из болотной жижи, которая затягивает его все сильнее и сильнее... Хромов просыпается от собственного крика, весь в поту в своей кровати дома.

Часть I. Глава I. Начало пути.**Колымская трасса***23.08.1992, воскресенье*

На перевале Хабля поморосило, на то и есть перевал: ближе к облакам.

Помню, дежурил я на Соколе под Новый год. Поступил звонок с УВД г. Магадана: срочно выехать на бытовую кровавую разборку. Беру машину и быстро на перевал. Приехали, ворвались в дом — а там один уже лежит с окровавленной ногой. Объясняет нам, что обидчик убежал. Где искать? Мороз под 30. Помощник с водителем остались, а я — во двор. Фонарём посветил и увидел кровавый след, ведущий к сараю. Вынул пистолет и -туда. Там никого, а след ведёт дальше по тропинке, между кедрового стланика. Тропинка кончилась, а дальше наст, который где держал убегающего, а где проваливался. Понял, что тот далеко не ушёл. Преследовать стал, а сам тоже проваливаюсь.

Вдруг увидел в 30 метрах тёмный холмик на снегу. Кричу: «Руки вверх, а то стрелять буду!» В ответ — тишина. Стал по насту к нему перекатываться. Посветил на него фонариком, а он не шевелится — замерзать стал. Убегал в том, что было на себе. Сдали его дежурному по УВД. Вот такая история с этим местом в памяти осталась.

Вот и Ултар. 7 км до Сокола. Когда работал на Соколе, то здесь я выходил из автобуса и бежал до своего медвятрезвителя, где когда-то работал начальником. Помню, вышел из автобуса в один из самых холодных дней (-52 градуса было на градуснике) и побежал. Вот где спёрло дыхание! Закрыл рукавицами лицо и постепенно, маленькими порциями, вдыхал в себя колючий воздух, а ветровка колом встала и так громко шелестела при взмахе рук, как будто она разрывалась.

За день: 50 км.

Всего: 55 км

25.08.1992, вторник

Мчусь. Взял Нелькобинский перевал, потом спуск, и в 21.30 был в Нелькобе. В пути меня застал дождь. Промок. Сразу стал искать место для ночлега. Зашёл в дом для приезжих, который расположено на улице Школьной. Там послали к главе посёлка Анне Николаевне и дали её телефон. Позвонил. Получил отказ. Пошёл в общежитие. Спасибо — приютили. Это были Александр Николаевич и Владимир Петрович. Быстро в душ. Согрелся, постирался. Поужинал. Поделился своими планами.

Сон в 1.00. Ребята всю ночь пили и курили. До 3.20 это продолжалось. Наконец-то свет погас. Оказывается, где-то провода порвались — замкнуло. Снегу навалило. Просыпался несколько раз.

За день: 132 км.

Всего: 325 км

26.08.1992, среда

Проехал 25 км. Замёрзли ноги — снег на них тает и превращается в холодную воду. Пришлось остановиться, снять носок с одной ноги и спустить штаны. Никого нет: стесняться некого. Сто-

ял, словно цапля на болоте — приложил голую стопу одной ноги к ляжке другой. Активно стал растирать и массировать руками закоченевшую стопу, сжимать и разжимать её пальцы. Кровь побежала, пальцы ног зашевелились. Ту же процедуру проделал с другой стопой.

Ещё совет — перед тем как натянуть носки на ноги, надо «продышать» тёплым воздухом, как лыжники поступают перед стартом, когда мороз.

Снег на трассе стал таять, а на сопках уж до весны останется. Меня обнимает встречный ветерок. Настроение улучшается. Проезжаю Гастелло, Омчак. Начал снова замерзать. Пошёл Кулинский перевал. Надо подкрепиться: пирожки с чаем — и вперёд. Круто, поэтому вверх пойду пешком, заодно и ноги разогрею.

На вершине. Теперь спуск, быстро качусь вниз. Тряска хорошая, и сварка на багажнике отвалилась. Перетянул и еду дальше. Солидный мост через полноводную реку Кулу, бензоколонка. Подъехал к «дистанции 118 км», посёлок Нерючи.

На часах 19.15. Стоит барак. Люди ещё живут. На глаза попался юноша, зовут Владиславом. Расспросил его, где можно починить багажник. Он сам стал решать мой вопрос в мастерской, а меня отвёл к себе в семью. Семья большая: тётя Тамара, мать Алина, сёстры Елена, Анюта и брат Антон.

Принял душ с дороги, согрелся. С Владиславом сходили в магазин, отоварился там на 156 рублей. Взял два рыбных фарша, 300 граммов масла, стущёнку. Все вместе поужинали. Сгущёнка ушла быстро, сходил ешё за одной банкой. Видно, дети тоже кушать хотят. Влад из мастерской пришёл поздно, но багажник приварил.

Посёлок закроют, работы нет. Куда с детьми? Удручающая картина. Это всё последствия развода большой державы. Вот оно — всё на виду. Политики эту семью в расчёт не брали.

За день: 117 км

Всего: 442 км

Глава II. К полюсам холода*28.08.1992, пятница*

Проехал середину колымской трассы Магадан-Хандыга, 1452 км. Вот ещё один мост, каменный. Дело уже к вечеру. Эта речка — верховье Аян-Юряха. Время 21.20, перекусил.

Со стороны Якутии к мосту подъехали три мужика на КамАЗе №00-01МА: А.В.Марков,

А.С.Михеенков и Н.И.Чкалов. Едут в Кадыкчан. Александр Михеенков знает Володю, которого я вчера встретил. Ну и теснота на Колыме! Не разойтись в таких просторах.

Вместе поужинали, разговорились. Оказывается, Саша из Эстонии, а мне как раз туда и ехать. В Нарве у него живёт мать — дал мне её адрес и попросил зайти. Выполню.

Ребята посоветовали мне поспешить, пока не стемнело и переночевать в избушке, которая в 6 км отсюда с левой стороны. В 22.00 погнал. Вдруг передо мной лосиха с лосёнком перешли дорогу. Я им не мешаю, и они мне. Разошлись. Жму педали.

В 22.30 увидел избу. Она стоит у маленького ручейка — это хорошо, значит, вода есть.

Внутри, правда. Оказался полный шах: печь разрушена, окно полое. Придётся поработать.

Устранил брешь в окне. Из кирпичей сделал стену от второй половины избы. Набрал воды из ручья и поставил рядом со скамейкой, над которой было маленькое окно. Закрыл двери подпёр доской, усилил камнями и для надёжности поставил велосипед как упор. Эта защита главным образом от медведя. Знаю, как он оставляет свои следы на дверях изб.

В углу стояло прохудившееся ведро, в которое я набросал старые обрывки газет и бумаги, поджёг их, на всякий случай, от зверей, которые боятся запаха гари, огня, дыма.

В 01.30 около избы был какой-то шум, шорохи у дверей.

За день: 136 км

(хорошо потрудился)

Всего: 736 км

30.08.1992, воскресенье

В 11.40 вброд перешёл речку, так как мост был разобран. Оделся и снова в седло. Тепло. Дорога сносная. Пронёсся по «американским» горкам, и пошли поля. Встретил мохнатых якутских лошадей с хвостами, которые были настолько длинными, что касались земли. Несколько табунов во главе с вожаками кормились справа и слева от дороги, которая прямая, как стрела, разделяла огромное пастибище.

Еду. После 43 км сделал перекур у речки. Подъезжая к сельскохозяйственным постройкам, увидел очередной памятник у дороги. Проеезжаю знаменитую Индигирку — быструю и полноводную реку. Мост деревянный, сносный, но надо смотреть под колёса — проколов нам не надо.

За день: 142 км

Всего: 958 км

Глава III. До Хандыги*2.09.1992, среда*

Встал в 7.30 по магаданскому времени, а по московскому в 5.30. Выехал сразу.

Красивые места, глухие. Машины нет. Справа — быстрая горная чистая река. Отвесные скалы. Поехал по «американским» горочкам. Успеваю со спуска поддержать скорость и взлететь на новый гребень, а за ним опять спуск пошёл. Только крути! Не расслабляйся!

На 187 -м км стоят заброшенные бараки, здесь выселенные строили дорогу. Гулаговские места. Сразу после — прижим с петлёй — «Чёрным» зовётся или «Чёрной пастью». Подъём около 3 км. Если он зимой обледенеет, то представит серьёзную опасность. Внизу уже один «кальмар» лежит. Повыше стоит столбик — в память о погибших. Рядом бежит быстрая речка лазурного цвета, а вверху над ней, подальше от прижима, маячит висячий мостик. Романтическая картинка, но суровая.

14.30. До Тёплого Ключа примерно 100 км. Проехал «белый» прижим, некоторые называют

его «жёлтым» из-за цвета песка. Вдруг КамАЗы появились. Мчались навстречу, как на пожар. Это дорожники так неслись, что некоторые зайчики не успевали с дороги убежать и попадали под колёса. Много подавленных было. Некоторые ещё раненые шевелились. Я подобрал одного на обед.

За день: 177 км

Всего: 1301 км

3.09.1992, четверг.

Через 65 км остановился, чтобы перекусить, и только в 18.45 прибыл в Хандыгу, потратив на дорогу 5 часов и 25 минут. Поехал в посовет, но там уже никого не было. Глава администрации Ефим Егорович Протопопов уехал в Москву. Дали его номер телефона. Заехал на почту, затем по магазинам за продуктами. Две буханки хлеба – 20 рублей, масло -27 рублей, молоко– 10 рублей, и еще купил конфет на 60 рублей.

Отправился в общежитие автобазы. Там встретился с дальнобойщиком Николаем, с которым пересекались на 247-м км трассы у дорожников. Здесь мы с ним разместились на втором этаже в комнате № 20.

Принял душ, постирался, поужинал. Зашил куртку.

Какой маленький участок нудной и плохой дороги проехал, а как вымотался и очень устал! Сделал такой вывод пусть самая плохая дорога сейчас перед тобой, но и она когда-нибудь да кончится. И ещё: это для того такие дороги, чтобы интерес к жизни не остыпал.

За день: 72 км

Всего: 1373 км

Глава IV. Дорога на Лену

7.09.1992, понедельник

Когда подъезжал к посёлку Кыйы, из леса выбежали на лужайку пионеры, примерно каждому лет 10. Появился преподаватель. Оказывается , я попал на урок физкультуры. Попросил физкультурника сфотографировать меня с учениками, ребятам дал команду и они быстро построились в две шеренги. Школьники оказались очень дисциплинированными, и получилось великолепное фото на долгую память. Вот только на физкультуре они были в школьной форме и в галстуках.

Еду и вижу в кювете — лежат два якута , а рядом мотоцикл перевёрнутый. Думаю, помочь нужна, остановился, присмотрелся. Живые и шевелятся, слышу пьяный голос: «Держи его, у него и велосипед есть!» Один уже встал и поковылял в мою сторону. Я вернулся к велосипеду , сел и что есть мочи стал крутить педали. Так я оторвался от хулиганов-алкоголиков. Да, не хотел бы я лишиться здесь своей «перламутровой девятки».

За день: 92 км

Всего: 1550 км

Глава V. От Лены до столицы БАМа Тынды

10.09.1992, четверг

В 10.00 выехал на трассу в сторону Алданского района. В 11.00 оказался у геодезической вышки. Забрался на неё и в дымке увидел реку Лену. Оставил свой автограф «Лыжин. Таллинн» на поручнях.

Дорога сносная, но пыльная. Велосипед идёт тяжело. 15.15 – «155 км». Привал на обед.

Граница Алданского района. Место красивое, листва жёлтая. Поковырялся в найденном и разобранном на запчасти мотороллере, набрал себе болтов и гаек.

...Меня остановил водитель КамАЗа 49-02 ЯКМ с Алдана. Зовут Виктором, напарника – Сашей. Предложили поужинать вместе — не отказываясь. Выпили чекушку водки перед ужином, ели куру, помидоры, перец, чай. Спал в кузове на мешках под тентом, забравшись в спальник. Ночевали на 230-м км у ручья.

За день: 130 км

Всего: 1957 км

14.09.1992, понедельник

Уже темно. Появились огоньки. Это посёлок, но как показаться? Я весь в грязи, надо привести себя в порядок. Вымыл в ручейке велосипед, прислонил его к большому камню и стал быстро раздеваться догола. Выполоскал штаны, носки, выжал их, что было сил, и всё надел на себя.

Да, неприятно, но надо. Тут же мчу в посёлок, там ещё раз постираюсь, высушусь, помочусь и прогреюсь в горячей воде. При въезде в посёлок стоят предприятие и большая автобаза — я в диспетчерскую. Там дежурит женщина, Марина Ивановна. Договорился переночевать за 70 рублей.

Постирался и умылся в холодной воде, а другой тут и нет. «Где сушиться?», — спросил Марию Ивановну, а в ответ: «Отопления нет!» Завал. Я дрожу. Она выдала дополнительные два одеяла и матрац.

После чая начал потихоньку отходить, а Мария Ивановна стала жаловаться на нынешнюю жизнь. Она тут в одном лице на нескольких должностях. Всё забросили и ликвидировали. Узнав, что я еду в Таллинн через Москву, попросила передать: «Как дальше жить?» Здесь, на Алданском нагорье, ничего не растёт — картошку привозили с Якутска, а сейчас прекратили. Люди уезжают, а когда-то здесь кипела жизнь. Такой результат раз渲ала великой страны, жалкая картина. После рассказанного я даже не обращал внимания на отсутствие горячей воды и отопления. Есть крыша, а что тебе ещё надо? Люди вон как стали жить. Что нас ждёт дальше?

За день: 127 км

Всего: 2376 км

17.09.1992, четверг

Проехал речки Ороcho, Юркени Горбылях. На отметке «810 км» асфальт закончился. Льёт дождь, тяжёлый грунт. Остановился в посёлке Иенгра, совхоз «Золотинка». Живут тут эвенки, которые занимаются оленеводством и охотой.

19.45, смеркалось. Еду по трассе, и тут меня останавливают три эвена. Ребята Гера и двое братьев Егор и Миша Васильевы предложили мне помочь найти ночлег.

Мы отправились в посёлок. Расположился я у брата Геры — Игоря. Поскольку с дороги — надо помыться. Все вместе пошли в баню — котельную с горячей водой. Мылись парами в кабинках, намыливали друг другу спины. У Егора вся спина была исцарапана и голова тоже. Но спрашивать не стал, мало ли что. Затем был ужин. Чекушкой угостили.

Егор поделился своими трагическими воспоминаниями, которые произошли в его судьбе. Он повстречался с медведицей и двумя медвежатами. Стрельнул и ранил её. Она расплосовала ему череп, задела глаз, нос и прошлась по телу. Второй раз она атаковала его, когда Егор уже стоял за тонкой берёзой. Не успел он стрельнуть, как она ударила его по голове, и он покатился вниз. Потерял сознание. Затем она его зарыла и ушла.

Через полчаса он очнулся. Нашёл карабин и пришёл опять к тому месту, где была медведица с медвежонком. Она стала прыгать на месте, рычать, а он затёкший кровью, с одним глазом, шёл на неё с карабином. Она прыгала из-за того, что Егор проходил мимо кедровника, на котором был второй медвежонок. Когда он спустился, медведица с медвежатами ушла.

Егор не стрелял в неё. Он пошёл в посёлок, а до него 8 км. За 30 метров от дома он упал. Племянник Миша увидел его и отвёз в больницу. Крови потерял много, но выжил. Теперь я понял, откуда эти шрамы, которые я увидел в бане, и почему люди сначала подходят поздороваться к Егору, а потом только ко мне, гостю.

Выслушав мою историю о ломающемся багажнике и рвущихся спицах, они вручили мне 500 рублей на ремонт. И чтобы я доехал до Москвы и рассказал об эвенах. Что их ущемляют в правах, не дают охотничий инвентарь и патроны, и что у них большие проблемы с местными кадрами.

За день: 80 км

Всего: 2562 км

Глава VI. На Байкал

24.09.1992, четверг

У меня авария! Выпирло покрышку — «грыжа». Ремонтировал один час на разъезде. Спустил воздух. Видна проволока на покрышке в 10 см. Наложил часть изоленты, обмотал проволоку, надул. Всё стянул резинкой от штанов. Поехал, держит.

Через 3 км стоят дорожники. Пригласили на чай. Хариусом и другой рыбкой, обжаренной на костре, угостили. Вкусно. Далее продолжил свой путь до следующего разъезда. Чуть заморосило.

В 19.00 — разъезд Иманракан: 1963 км. На нём дежурит Галина Ашитова. Она накормила меня супом, попили чаю с вареньем. Помидорку дала. Поблагодарил. Пришла смена — Галина Казанцева, родом с Вельска — землячка.

Пока размещался, зашил куртку. Отужинали с Галиной Ивановной, только чай уже был с блинами и брусликой.

За день: 50 км

Всего: 3135 км

27.09.2025, воскресенье

Наконец-то спуск! Это в помощь. Правда, недолго радовался. Нарвался на камень и сильно упал с велосипеда грудью о снежную дорогу. Спёрло дыхание. Не сразу разыпался. Не мог опомниться и сообразить: «Как это произошло?», «Что случилось?». Лежал так минут пять, машин-то нет. Встал — сильно отбил грудь, а о пепелья рассёк до крови голень.

Вдалеке, на горизонте, был виден перевал Ко-дар, озаряемый солнечным закатом. Весь в снегу, с остроконечными вершинами как зубья аллига-

тора. Суровая, безмолвная красота перед тобою, а ты — один перед ней.

Спустился с перевала, а снег внезапно исчез, как и появился. Вот и разъезд Икабъекан.

Постучался — не пустили. Понятно — безлюдье. Отъехал. Спустился с дороги поближе к «железке», нашёл подходящее место для привала и перекусил.

За день: 110 км

Всего: 3352 км

30.09.1992, среда

Пошла электрифицированная железная дорога. Заехал в магазин и купил хлеб за 25 рублей. Рядом самолёт 1930-х годов на постаменте. Его нашли в болоте, вытащили и отреставрировали. Случилась трагедия — разбились геологи. Теперь осталась память.

Ещё светло, и поехал дальше до асфальтового завода. В 19.30 подъехал к кочегарке. Рядом разъезд Улан — Манит. Это великолепное место для ночёвки. В кочегарке работали Николай и Василий, которые приютили, накормили меня, а после я принял душ, прогрелся и постирался.

За день: 106 км

Всего: 3529 км

2.10.1992, пятница

Меня принимает встречный ветер. Иногда проглядывает солнышко. Пошёл серпантин. Слез с велосипеда и прошёл до вершины 12.5 км за 3 часа. Вот и спуск всего 40 минут и примерно 11 км позади. Не успел закрыть ворот — шею так продуло, что в конце спуска всю сковало, не повернуть. Сам весь продрог. Пришлось сбивать сосульки с бороды и разминать, массировать шею.

Оглянулся на спуск и увидел, как медленно по серпантину идёт поезд. Тоннель строят уже более 18 лет. Трудно идёт строительство. Тяжёлые грунты и плытуны. Когда его сделают, он будет самым длинным тоннелем в стране: 16км. А пока приостановили — сначала перестройка, а затем и развал Союза произошёл. Где деньги, Зин?

За день: 51 км

Всего: 3658 км

4.10.1992, воскресенье

В 11.00 я покинул Новый Уоян, и мне опять довелось преодолевать тяжёлый, нескончаемый, каменистый грунт длиною в 8км. Да ещё и встречный ветер тебя «хорошо и приятно ласкает».

Сейчас, когда мне бывает трудно в жизни и приходится терпеть, я часто вспоминаю этот участок. Так он меня достал! «Какая бы плохая дорога ни была, и ей когда-нибудь приходит КОНЕЦ!» Теперь это помогает.

Бывали случаи и похлеще той дороги, которую тогда осилил, но она меня закалила, была сделана прививка от трудностей. Ничего невозможного нет!

За день: 95 км

Всего: 3839 км

5.10.1992, понедельник

Кичера. Посёлок строила Эстония — гордость у меня за республику. Она славится строителями,

которые делали свою работу на совесть. Много уютных спальных районов выстроено в Таллинне: Ласнамяэ, Вийке-Ййсмяэ или, например, Мустамяэ, в котором я живу. К Олимпиаде-80 было построено множество спортивных сооружений: гостиница «Олимпия», аэропорт, 318-метровая телевышка — вровень с самой высокой горой в Эстонии Суур-Мунамяги. Мои одноклассники Володя Дмитриев и Юра Хазивалиев окончили строительный факультет Таллиннского политехнического института. Их проекты тоже воплотились в объекты города. Трудолюбивые и творческие ребята, которыми я горжусь!

В Кичере многие жилые дома построены из красного кирпича и покрыты шифером. Этот материал привезён с Кунды, там крупнейший завод строительных материалов. Администрация посёлка отчётливо выделяется крышей, похожей на остроконечные башенки старого Таллинна. Посёлок заасфальтирован, приятно ехать. Вот ещё один «знак» — улица с названием Таллиннская.

За день: 100 км

Всего: 3939 км

Глава VII. Дорога на Транссиб

6.10.1992, вторник

Всё, перевал Дабан взят! Сворачиваю и подхожу к метеостанции, которая в том числе и снеголавинная. При входе над дверью прибит герб Советского Союза. Ребята хорошо встретили. Сразу за стол — знакомство, обед.

Увидел в сторонке баньку и спросил, рабочая ли? Ответили -да, но надо вычистить и вымыть. Я на радостях побежал к бане, пока совсем не стемнело. Но работы, действительно, много: надо вычерпать всю воду, а она вся ржавая — давно не топили. Быстро начал выкачивать воду и смывать ржавчину. Света в бане нет — приходилось работать на ощупь. В 50 метрах был мелкий ручей, пришлось и тут попорхаться. Принёс воды, затопил и только через три часа вошёл в баню.

Пока ждали баньку, поинтересовался у ребят, какая дорога меня ждёт дальше? Они рассказали, а в журнале написали: «Сергей прошёл Даван, значит, пройдёт всё остальное! Суханов Виктор, Гувашов Александр»

Пар, конечно, был, но быстро уходил — видимо, щели где-то были. После каждого захода я бегал на ручей и окунался в холодный источник. Светила луна, были ярчайшие звёзды, морозец. Есть, что вспомнить!

За день: 55 км

Всего: 4464 км

13.10.1992, вторник

Братская ГЭС. Проехал плотину. Громадьё, самое узкое место Ангары перекрыли в 1966 году. В 17.30, проехав плотину, свернул к Братскому морю. Искупался. Как хорошо! И всё это — прекрасный МИГ между прошлым и будущим, именно он называется «ЖИЗНЬ».

Быстро оделся и — на велосипед. Кручу педали, согреваюсь. По пути заехал на почту — мне надо известить ребят, где я сейчас и что со мной. Как всегда телеграфирую Саше Богланову: «Искупался. Даёшь Ангару!» — 10 рублей за такое известие.

Телеграфистка изумлена и спрашивает: «А где вы искупались, вам не холодно?» Отвечаю: «На-против почты искупался, это в память о Братске».

За день: 130 км

Всего: 4713 км

16.10.1992, пятница

В 17.00 остановился у чистого ручья, охладился. Простирая нижнее бельё и тут же надел.

Сохнет на мне быстро. Проехал ручей Джигикан. Небо заволокло свинцовыми тучами — надо искать ночлег.

Остановился у фанерной будки — сильно помятая, видимо авария была, но для меня сгодится. Обычно подобные будки ставят на грузовые машины и перевозят в них людей.

Перевёл через насыпь велосипед и расположился так, чтобы меня не было видно с дороги. Сначала хотел развести костёр, сварить кашу, но передумал. Место глухое и безлюдное, машины проезжают очень редко. Привлекать внимание к себе не стоит. Замаскировал велосипед, чтобы не отсвечивал от проезжающих машин.

Осмотрел будку и стал благоустраивать её под ночлег. Внутри сделал шалаш из сосновых веток. Поужинал, запил холодным чаем. Включил радио. Передают, что Егор Гайдар посетил Магадан. Говорят, что такой большой город не нужен, и надо сделать его вахтовым. Подумал хорошо? 155 тысяч человек в городе! Как и куда перевозить людей?

Забрался в корейский спальник и пытался уснуть. Ночью хорошо дул ветер. Прошло пять машин.

За день: 97 км

Всего: 4945 км

Глава VIII. До Омска

26.10.1992, понедельник

Пересёк границу Краснодарского края и Кемеровской области. Первый посёлок городского типа — Итат. Забежал в магазин, купил 650 грамм яблок за 47 рублей и хлеба — за 18. В посовет забежать не успел. Уже закрыли. Зашёл в райотдел — там сообщили, что двое проехали на лошадях. Ответил, что видел, ночевали вместе.

В Итате стоит памятник на центральной улице. «Дубинкин Михаил Иванович, 1890-1922гг. Погибла и его жена, расстреляна белогвардейцами в упор о собственного дома».

Через пять километров в РОВД я обратился с вопросом, где можно остановиться, к дежурному капитану милиции Владимиру Николаевичу Нанаеву. Он посоветовал мне гостиницу.

Поехал в гостиницу и узнал, что за ночь они берут 200 рублей. Конечно, я отказался и поехал обратно в РОВД. Владимир распорядился, и коллеги накормили меня в ИВС. Там был милиционер Вадим, добрый и отзывчивый парень. Угостили меня печеньем, маслом и хлебом. В прошлом он — кинолог. Любит свою работу и собак — дома у него восточно-европейская овчарка. Поблагодарил его и вернулся в дежурку.

Владимир дал доску, оббитую материалом, и я нашёл удобное местечко, чтобы устроиться на полу. В 21.45. я крепко уснул.

За день: 125 км

Всего: 5777 км

27.10.1992, вторник

На часах было 18.30. Ехал по главной дороге, которая поворачивала налево, а справа стоял красивый добротный дом-сруб. Весь резной, с наличниками. Дверь во двор была открыта и там кто-то работал, возможно, хозяин дома— умелец «золотые руки». Заглянул, хотелось его увидеть. Умельцем оказался знаменитый художник Юра Михайлов. Дом, естественно, его работа. После короткого знакомства он пригласил меня на чай. Познакомил с женой Тамарой, которая накормила вкусным супом. После ужина рассказал о своём путешествии. Юрий показал фотоальбомы «О космосе», «О русской архитектуре», «1000-летие крещение Руси.»

По ТВ показывали кинокомедию Гайдая «12 стульев».

В 2.00 разошлись по спальням. Отлично спал с кошечкой Тишой.

За день: 65 км

Всего: 5842 км

13.11.1992, пятница

С утра жмёт мороз -20 градусов. У меня из-за этого сильный прокрут. Повозился на морозе 45 минут и поехал дальше. Ясная солнечная погода, есть дымка. Мост через Иртыш прошёл пешком. Проехал развязку, выезд на трассу через пост ГАИ. Зашил, угостили горячим чаем, и снова на трассу.

Километра два назад я заметил строительный вагончик. Вернулся и пошёл на разведку. Стоят два вагончика, но никого уже нет. Хотя вижу, что в одном из них горит обогревательная спираль. Ушли раньше. Пятница, 13-е. Жду, может, придут ещё.

Темнеет быстро. Что делать? Всё смотрю, может, ключ оставили?. Поднимаю фанерку, а под ней — металлическая отмычка, пробую, ковыряюсь — безрезультатно. После 20 минут ковыряния что-то зацепил. Открыл! Теплом так и обдало, когда дверь открыл.

Быстро побежал за велосипедом. Завёл в вагончик. Ищу выключатель, а его нет. Значит, и света нет. Порылся и у себя и нашёл свечку. Быстро разболтовал колесо, вставил спицы, подкачал колесо. Держит.

Теперь и поужинать можно. Включил радиоприёмник, послушал новости. Да, интересная пятница получилась. Чёртова дюжина. Или предупреждение, знак? Как никак -20, гололёд, Омск не хотел отпускать. И спасательная отмычка...Много вопросов.

Сон в 22.00.

За день: 53 км

Всего: 6762 км

14.11.1992, суббота

Доехал до поворота и свернул на станцию Пикетное. Узнал расписание: на Исилькуль электричка отправляется в 14.00, а на Омск — в 17.00. Телефон не работает. Принял решение, что еду в Омск и оставлю там на зиму велосипед. На следующий год начну вояж с того места, где подобрали меня Николай со Славой, и доеду до Таллинна.

Большой риск, если продолжать ехать по такой дороге. Купил билет до Омска за 14 рублей.

Спасибо всем вам! Так у меня в Пикетном заканчивается первая часть моего путешествия от Магадана до Таллинна. Кто знает, что меня ждёт в дальнейшем?

ЧАСТЬ II. Глава IX

Из Омска на восток до Барабинска

19.07.1993, понедельник

Выехал в 7.15 на набережную Иртыша, затем повернул на главную дорогу, которая отмечена на карте за № 51. Ближайший ориентир -населённый пункт Сыропятское.

Появились километровые столбики: «885 км» — это указатель в сторону Калачинска, на Восток, навстречу солнцу. Еду. Солнце в лоб, пчёт, жарко! На обочине много лужиц, заполненных чистой водой от недавно прошедшего дождя. Искупался в одной такой. освежился, отдохнул и, перекусив, отправился дальше в путь.

Остановился у живописного места. Меня окружали маленькие дачные домики, рядом было озеро. Свернул с дороги и пошёл искать место для ночлега. Выбрал постройку, обустроил себе место, прикрыл дверью проход. Устроился поудобнее и сделал запись первого трудового дня.

За день: 201 км

Всего: 6963 км

21.07.1993, среда.

До Барабинска — 13км. Жара. Солнце нацелено прямо в глаза и темечко. В Барабинске купил пива за 120 рублей, бутылку сдал. Работает! Стакан прохладительного напитка -12 рублей.

Всё. Этот участок я зациклил. Теперь мне надо доехать до Пикетного, где 14ноября прошлого года я принял решение продолжить свой велопробег Магадан — Таллинн в 1993 году.

За день: 33 км

Всего: 7146 км

Глава X. На Курган

25.07.1993, воскресенье.

В 23.00 въехал в ночной Курган. Через город протекает грязный Тобол. Болотистая местность, вода затхлая, неприятный запах и много комаров.

На заправку. Там узнал, что впереди есть мотель. Спешу, темнеет. Увидел строящиеся дачные домики и свернул туда. Искать мотель не хочется — очень устал, и полная мгла.

Обошёл две постройки — закрыто. Был один недостроенный сарайчик, в котором не было пола, а только лаги. На них-то и положил четыре доски, на которые можно было лечь. Обустроился поудобнее, перекусил и повалился спать. В 23.40 закрыл глаза.

За день: 153 км

Всего: 7670 км

Глава XI. На Екатеринбург (Свердловск)

В сердце Урала

25.07.1993, вторник

В 19.00 доехал до столицы Урала. На Стелле написано Свердловск. Перед поворотом на улицу Малышева у меня опять лопнула спица, и её намотало на звёздочку. Трудно даются последние километры. Быстро её отмотал, а до финиша совсем рядом — мне на улицу Вайнера (старое название улицы Успенская), тут хоть пешком, но дойду.

На этой улице живёт мой очень хороший и преданный друг, коллега Саша Томашевский. Последнюю ночь в Магадане, я ночевал у него, и сейчас не знаю, дома он или нет.

В 20.19 подъехал к красивому старому двухэтажному резному дереволоценному дому. Поднялся, позвонил, и передо мной открылась дверь. Кого я вижу — это мой друг Саша. Он в Свердловске! Оба очень рады встрече, обнялись. Здесь и его жена Таня и сын Алёша. Как прекрасно сегодня заканчивается день!

За день: 171 км

Всего: 8037 км

Глава XII. Дорога на Уфу

30.07.1992, пятница.

Ехал по новой трассе, а параллельно старая дорога, на которой стоит стела «Европа-Азия». Проехал это символическое место. Здесь даже проводится традиционный зимний марафон, который так и называется «Европа-Азия». Популярность его растёт с каждым годом. Стартуют участники в Первоуральске и заканчивают уже в Свердловске. Организует этот марафон клуб любителей бега «Урал-100» под председательством Виктора Дутова.

Доехал до Решёт — здесь протекает чистая речка болотного цвета. Отрихтовал заднее колесо. Причина проста: спицы лопаются, и их надо вовремя вставлять — тогда колесо не будет задевать о вилку.

Пошли горочки, это и понятно — Урал, но они пологие, и беру их, не сходя с велосипеда. Проехал 80км, обед, жарко. Прекрасное место — водоём, в котором купаются ребятишки. Я им составил компанию и сфотографировался на память.

За день: 210 км

Всего: 8247 км

2.08.1993, воскресенье

В 17.00 заехал в населённый пункт Карапельский (Стекольный). Зашил в магазин, купил литр яблочного сока за 165 рублей и пряников за 235 рублей. Тут же сфотографировался с симпатичной курочкой Рябой. Ещё 12 км и увижу переправу через реку Уфу.

Последний большой подъём перед рекой. Поднялся, а внизу река, до которой два километра крутого спуска. Что ж погнал!

По ходу вижу , что на пирсе стоит пароходик и готовится отчалить на тот берег. Нажимаю на педали. Успеваю — быстро передаю велосипед мужикам, которые уже на палубе. Приняли, а у самого одна нога на палубе, другая ещё на пирсе — ухожу в шпагат! Отталкиваюсь, а ребята меня подхватывают и перетаскивают через поручни. Да. Ещё секунда-другая, и улетел бы в воду!

Переправился. Вышел, спешить не надо. Положил велосипед, а сам пошёл искупаться.

За день: 85 км

Всего: 8452 км

Глава XIII. Дорога на Пензу

8.08.1993, воскресенье

Встал рано и в 6.00 был на трассе. В 7.45 меня догнал джип, который уже примелькался. Останавливают меня. Это наша третья встреча. Вышли туристы из Германии. Коротко пояснил свой

маршрут. Удивлены — откуда, куда и зачем еду? Один из них записал свой адрес в мой журнал. Это был Heinz Bussmann из Германии. Я же оставил им свои координаты. Для себя решил, что эта встреча была не случайной и, возможно, ещё увидимся — мир такой тесный и близкий.

Солнце палит. Жара. Главное, моя «перламутровая девятка» всё бежит. Бывает, «спотыкается», но лечим, и она бежит домой к намеченной цели.

За день: 169 км
Всего: 9225 км

14.08.1993, суббота

В 9.45 — в путь. Доехал до границы Ульяновской с Пензенской областью. Время московское -13.00.

Зарплаты здесь выдают не деньгами, а хрусталиком, поэтому идёт бойкая торговля. Работники в свободное от работы время хрусталь превращают в живые деньги. Да, такое время пришло... И мне предлагаю купить. Я отвечаю, что не довезу, расколю. «А ты всё равно купи, мы завернём!»

13.10 — привал. 777Км до Москвы. Ещё проехал немного и остановился у речки. Жарко. Решил искупаться, а мне составили компанию два молодых парня — тоже решили освежиться. Познакомились — это были Юрий и Сергей. Угостили меня персиками, огурцами, джемом и бульонными кубиками.

... Перекрёсток. Указатель показывает поворот на Радищево. На дорожном щите написано: «Заветы мои пребудут до лучших дней. А.Н.Радищев». До Пензы осталось примерно 120км.

За день: 122 км
Всего: 9521 км.

Глава XIV. В Москву! В Москву!

17.08.1993, вторник.

К 8.15 прибыл на «ЗИФ» — завод имени Фрунзе. Позвонил в приёмную главного инженера Виктора Сергеевича. Там ко мне был приставлен начальник экспериментального цеха Владимир Иванович, который провёл экскурсию по заводу.

Мы прошли несколько цехов. Побывали в музее и столовой. Заводу «ЗИФ» в 1990 году исполнилось 75 лет. Владимир Иванович познакомил меня не только с основной продукцией, но и с некоторыми нестандартными образцами завода. После мы отправились в цех, где собирают велосипеды.

Привёл и я туда свою «перламутровую девятку». Думал, что мне заменят некоторые узлы, колёса, педали, звёздочки... Но когда мастера — сборщики посмотрели на мой велосипед, сказали: «А что здесь менять не надо?». Короче — подлежит утилизации.

Начальник цеха позвонил главному инженеру и сказал: «Там менять нечего, нужен новый велосипед». Поступил ответ: «Вот и дай!»

После чего Владимир Иванович подвёл к трём слесарям-сборщикам, у которых были три велосипеда, уже готовых к выпуску. Я указал на велосипед тёмно-вишнёвого цвета, над которым работал слесарь Николай.

Через пятнадцать минут я получил от Николая велосипед, прокатился по цеху и поблагодарил за работу. После чего подошёл уже к Владими

ру Ивановичу, которого тоже поблагодарил за его конструктивное решение.

«А свой велосипед куда?» — был мой последний вопрос. «В музей!» — сказал Владимир Иванович.

В конце экскурсии я завёл свой велосипед в родную колыбель на вечную стоянку. Где родился, там и пригодился.

Выехав с завода, я помчался на новом велосипеде домой. Теперь мне ничего не страшно. На нём я точно доеду, все поломки остаются в прошлом. Теперь никаких ремонтов!

22.08.1993, воскресенье

Пролетаю Люберецы. До Москвы осталось всего 23 км. Пошёл дождь. Вот, думаю, мост проеду и пережду его где-то. Буквально начал на мост подниматься, и как ливанёт! Весь промок до нитки.

Заехал на пост ГАИ. Там четыре инспектора ДПС пустили переждать и отогреться.

Вышел на шоссе, на часах — 19.00, ливень. Но в Лобне ждут, там и высоки. Погнал по Волгоградскому проспекту. Таганка, прямо в переулок. Спуск. Слева вижу гостиницу «Россия». Знакомо. Налево. Набережная. Сердце бьётся. Жми, мой «пензенский мустанг!» Мост — и вот он — Кремль. «Блаженный» стоит. Еду по брусчатке. Это сердце нашей Родины, Красная площадь.

Дождь хлещет! Снимаю капюшон, как никак на святом месте нахожусь. Экскурсия рядом, как в кинофильме «Я шагаю по Москве». на том же месте стою, у памятника Минину и Пожарскому. Я с Велой, с «мустангом» обнявшись, по Красной иду.

...Пошёл дальше к мавзолею. Сердце учащенно бьётся. Вот оно место. Полчаса стою напротив наряда. Пришла смена. Вспомнил «210 шагов» Роберта Рождественского. На память сфотографировался у мавзолея.

Пошёл к «Неизвестному солдату». Там никого нет. Понятно — ливень. У ворот стоял милиционер, он бросил фразу: «Хороший хозяин и собаку на улицу не выведет. А ты?»

А я ему: «Я парень издалека, из Магадана еду, мне простительно. К светлому месту приехал, и для этого не выбирают погоду! Не сахарные. Это место греет и силы даёт, вдохновляет на новые дела и свершения... Будь любезен, сфотографируй на память. Я понимаю, что дождь»

Он согласился. Я быстро подсуетился и отдал ему фотоаппарат. Встал рядом с ним с

«Неизвестным солдатом». Только он спал вечным сном, а я... Я ещё живу и помню, что была война и нет того парня, который погасил огонь войны ценой жизни своей. Чтобы я жил и помнил — это не должно повторяться никогда...

...В этот день ты поработал на славу. Я запомню его до конца дней своих. Ты выложился. Доехал до столицы. Достиг цели, но ещё 1000км до дома. А сегодняшний дождь — он к счастью. Пусть будет так. Это была серьёзная проверка характера. Если это так, то готов идти туда, где Ливень и Ветра, Зной и Холода. Но знать, что всё это не напрасно, не зря и не стигнет с памяти моей. Всё то, что видел на Руси от «моря до моря».

Много добрых. Хороших и бескорыстных людей я повстречал. Мира и счастья всем, кто при-

ложил руку к этому путешествию! Низкий всем вам поклон за помощь, оказанную на всём протяжении моего пути.

За день: 180 км
Всего: 10 295 км

Глава XV. На Великий Новгород

28.08.1993, суббота

За 7 км до Великого Новгорода остановился у памятника воинам 448-го пушечного артиллерийского новгородского полка, павшим в боях за социалистическую Родину в 1941 — 1945 гг.

Въехал в город, меня встречает кордегардия (ворота, въезд). XVIII век, восстановлены в 1955 году. Проезжал по улице Ленина в центральный Софийский собор, Детинец. Завернул на почту. Там поставили печать в мой журнал, но не за 28.08.1993 г., так как была суббота, и уже поставили перед уходом на выходные другую дату. Это интересный момент.

Доехал до Раглицы. Рядом расположилось ДРСУ. Территория приличная. Пошёл искать живую душу. Повстречались два парня. Одного зовут Игорем, другого Геннадием. Пригласили к себе. Сварили картошки и с солёными огурчиками поели. А чай из зверобоя. Вот его -то мне и не хватало! Пять стаканов опрокинул только так! Сейчас озвеरеем!

Игорь, между прочим, земляк, с Вологодчины, граничащей с моей Архангельской областью. Он мне в дорогу дал хлеба и лука. До 00.00 пили чай и вели задушевную беседу.

Замечательный день и вечер сегодня. Близится к завершению мой велопробег, который подарил мне много друзей и просто неравнодушных людей, впечатлений, различных ситуаций, из которых я выходил, считаю, с достоинством и честью.

За день: 120 км
Всего: 10 921 км

Глава XVI. На Нарву. Последние вёрсты

29.08.1993, воскресенье

Проехал Новгородскую и въехал в Ленинградскую область. До Луги 15 км. Подкрепившись, в 13.20 продолжил движение на запад к морю. Промелькнули Вычелобок, Берег, Подгородье, Крюково, Заклинанье.

Луга. Памятная плита большевику, пламенно-му агитатору Толмачёву (1885-1919гг.). Во время войны здесь шли кровопролитные бои. Был создан Лужский рубеж, чтобы преградить путь врагу на подступах к Ленинграду. Памятная доска Герою Советского Союза А.В.Петровой.

...Появилось Осмётино. Здесь я остановлюсь на ночлег. Поехал к центру посёлка. Там наткнулся на здание, в котором было отделение милиции. Зашёл в дежурку, а за столом сидел прапорщик, читающий газету. Я представился и спросил, где бы мне переночевать. Какое было удивление на лице у прапорщика! Он — то на меня. то в газету смотрит и в недоумении спрашивает: «А это про вас тут в газете пишут?»

Я развернул газету и увидел себя со своей «перламутровой девяткой» — стою у речки Суры в Пензе. «Да, -коротко ответил я. Для прапора это было как отмашка к действию. Он быстро сориентировался и посоветовал идти в столовую общежития, которое было рядом.

Устроили меня в это же общежитие по соседству со студентами. Перед сном помылся на колонке холодной водой, по телу прошло приятное тепло.

Наметил маршрут на завтра. Хочу доехать до Кохтла-Ярве. Это примерно 166 км.

За день: 128 км

Всего: 11 049 км

30.08.1993, понедельник

В 13.00 я был уже в Кингисеппе. Это бывший Ямбург, а до этого именовался просто Ям.

Ям равнялся примерно 22 км, место, где меняли лошадей. До Ивангорода ровно один ям, но менять я там ничего не буду. Мне остаётся ещё 220 км.

Проехал мост через реку Луга. Ещё немного и — граница. Приехал в Ивангород, последний российский город на моём пути. Заехал на почту. Отправил телеграмму отцу. Настроение приподнятое. Отправился на таможню. Прошёл без задержки.

Фото на память в Нарве. Еду до Силламяэ без остановок. Там живёт Лёва Загжецкис и его семья. Он член сборной Эстонии по лёгкой атлетике, неоднократный чемпион Эстонии на средние и длинные дистанции. Дважды выигрывал престижный пробег вокруг озера Вильянди. Мы часто вместе были на сборах, тренировались и выступали на многих соревнованиях. Очень ответственный, трудолюбивый, с чувством доброго юмора, спортсмен.

За день: 151 км

Всего: 11 200 км

31.08.1993, вторник

Ещё 150 км до Таллинна. День чудесный, солнечный. Настроение -приподнятое. Сегодня буду дома. Увижу друзей. Соскучился!

Проезжаю очень интересное место: высокий глинт, с которого открывается великолепный вид на залив.

132 километра от Таллинна. На краю обочины стоит старый крест. С этого места в хорошую погоду можно увидеть четыре острова. Вот и сейчас погода благоприятствует этому. Перекусил.

Заехал в местечко Вийтна. Осталось 73 километра. Пошёл в корчму, там разрешили позвонить. Звоню своему школьному другу Володе Бань. Он предлагает заехать к нему домой, как въеду в город.

Проехал озеро Маарду. Заехал в Ласнамяэ к Володе Баню. Приятная и долгожданная встреча с друзьями.

Ура, я дома! Успел! Мать с отцом и родственники были на Русском Севере, в деревне. А мне завтра в школу. Буду работать преподавателем физкультуры у младших классов.

За день: 201 км

Всего: 11 401 км

129

дней

11 111
километров

1. Маршрут: трасса Магадан – Таллинн

2. На перевале Гаврюшка. Колымская трасса. август 1992 г.

3. У стелы «Полюс холода». -71,2. Якутия, Томтор, август 1992 г.

4. Якутские школьники на уроке физкультуры. Август 1992 г.

5. Кичера – станция на БАМе. Сентябрь 1992 г.

6. Встреча под Ачинском с путешественниками на владимирских тя тяжеловозах из Иваново. Октябрь 1992 г.

7. Приезд в Пензу. Август 1993 г.

8. Красная площадь – один из важнейших пунктов путешествия. Август 1993 г.

9. В деревне. Сергей Лыжин со своей первой книгой «Магадан – Таллинн».

МИХАИЛ ПЕТРОВ

Пять непоняток «Пиковой Дамы»

На моей книжной полке стоит роскошное издание «Пиковой дамы» Товарищества Р. Голике и А. Вильборг в Петрограде. Главная фишка — сюжетные иллюстрации Александра Бенуа, делающие книгу настоящим произведением искусства.

Наиболее авторитетные исследователи текста отмечают смысловую многогранность литературной композиции «Пиковой дамы», притом, что в её основе лежит, как говорили во времена Пушкина, анекдот о графине Наталье Петровне Голицыной, которая выручила проигравшегося в карты внука, назвав ему три верные карты, назначенные ей некогда в Париже графом Сен-Жерменом. Внук поставил на три карты и отыгрался. «Дальнейшее развитие повести все вымышлено», — читаем в комментариях. Полноте, да так ли это?

Три карты Сен-Жермена, назначенные красавице Наталье Голицыной, — отличная иллюстрация к разговору о гаданиях, предсказаниях и пророчествах. Первое, что бросается в глаза, три карты — это не просто предсказание, это универсальная программа, которая может быть передана третьим лицам. Программа — запомним это!

Повторимся, повесть многогранная, но первое, что бросается в глаза — отсутствие имён у ключевых персонажей. Нет имени у конногвардейца Нарумова, игроков Сурина, Чаплицкого и банкомёта Чекалинского, а также у главного персонажа повести — Германна. Словно спохватившись, Пушкин наделяет именем Томского. Однако нужно быть очень внимательным читателем, чтобы сходу соединить имя князя Павла Александровича с фамилией Томский. У старухи графини и её воспитанницы Лизаветы Ивановны есть имена, но нет фамилий.

Это тем более странно, что Нарумов и Сурин упомянуты в завязке повести, а славный Чекалинский — ключевая фигура в развязке. Не менее странно и то обстоятельство, что Лизавета Ивановна в сохранившемся наброске повести имеет полное имя — Шарлота Миллер, четвертая дочь обрусовшего немца, обанкротившегося купца второй гильдии. Герман (в наброске это пока ещё имя героя и пишется оно с одним «н») живёт с Шарлотой в одном дворе. «И скоро они полюбили друг друга, как только немцы могут ещё любить в наше время», — замечает Пушкин. В третьем сохранившемся наброске повести Чекалинский, видимо, принял первую весьма крупную ставку Германна, интересуется у Нарумова, как зовут его приятеля.

Объяснения феномену безымянства в «Пиковой даме», нет ни у одного из учёных комментаторов, и это первая непонятка.

Во что играют у конногвардейца Нарумова, объяснять современникам Пушкина не было нужды. Для современного читателя сделаем исключение. За столом у Нарумова играют в фаро или фараон. Другие названия игры — штосс, если играют двое, или банк (банк-стол, банчок), если играют несколько человек. Чекалинский

и Германн в finale повести играют вдвоём, следовательно, они играют в штосс.

Из распространённых в XIX веке коммерческих игр штосс — наиболее тупая. В ней от игрока, если, конечно, он не шулер, не требуется ни умения, ни умственного напряжения. Играют двумя колодами, причём в приличном обществе, чтобы исключить неожиданности, в игре используют только новые колоды. Чекалинский и Германн играют новыми колодами.

Технически игра выглядит так: игрок (понтёр, отсюда понтировать и современный фразеологизм «кидать понты») и банкомёт вскрывают две колоды. Игрок вынимает из своей колоды заветную карту и кладёт её перед собой рубашкой вверх. Кarta накрывается ставкой — живыми деньгами или векселями, или же размер ставки пишется мелом на столе. По традиции, игрок подрезает картой колоду банкомёта и после этого он не вправе уже изменить свою карту — игра началась.

В классическом варианте все может решиться уже по первым двум картам. Банкомёт переворачивает свою колоду рисунком вверх и сдвигает верхнюю карту — «люб» — вправо, обнажая следующую за ней карту — «сонник». Понтёр показывает свою карту. Если «люб» совпадает по достоинству с картой понтёра (масть значения не имеет), то выиграл банкомёт, если совпадение в «соннике», то выиграл понтёр. Если совпадений нет, то игра продолжается. В описании игры Чекалинского и Германна эта важная деталь отсутствует. Заветные карты Германн вскрывает только после того, как они выпадают налево.

Объяснения нарушения общепринятых правил я не нашёл даже в самых изощрённых филологических комментариях. Между тем деталь любопытная — подмена тузом пиковой дамы вскрылась бы ещё до начала первой прокидки.

Карта за картой колода разделяется на две кучки — вправо кладутся карты банкомёта, влево — карты понтёра (отсюда фразеологизм «ходить налево»). Если карта понтёра выпадает налево — он выиграл, если направо — проиграл. Во время игры понтёр может увеличить ставку, загнув угол карты — paroli reau — и таким образом в зависимости от договорённости удвоить или утроить свой выигрыш в случае удачи. Естественно, что по окончании игры колода с меченными картами вторично использована быть уже не может.

Решившись на игру Германн вымогает у графини заветные три карты Сен-Жермена, но Анна Федотовна с испугу умирает. И с этого момента в повести начинаются чудеса. Лизавета Ивановна при известии о смерти графини немедленно вспоминает слова Томского о Германне: «...у этого человека, по крайней мере, три злодейства на душе». Если принять смерть графини за первое злодейство, а обман Лизаветы Ивановны за второе, то о третьем злодействе автор попросту умалчивает.

Германн, не чувствуя раскаяния за свой поступок, тем не менее вину свою сознает. Замечание Пушкина: «Имея мало истинной Веры, он имел множество предрассудков». Мучимый предрассудками, Германн идёт просить прощения у мёртвой графини — он, хотя и не убийца, но все же причина её смерти. Графиня из гроба, прищуривая глаз, насмешливо глядит в лицо склонившегося над ней Германна. И вот вам непонятка номер два: взгляд графини виден только Германну. Обстоятельство это — видение — обыкновенно связывают с болезненным состоянием самого Германна, хотя внезапный прищур может быть объяснён посмертным сокращением мышц лица, вызванных столкновением температурным режимом в соборе — из дверей сквозит холодом, но от множества свечей исходит тепло.

После прощания с графиней в надежде заглушить волнение Германн напивается в трактире, но тщетно — вино лишь горячит воображение. Дома он крепко засыпает и просыпается уже совершенно спокойным. На часах без четверти три, и это важное обстоятельство.

Внезапно заявляется покойная графиня. И вот вам непонятка номер три — Германн, накануне при свете дня бурно отреагировавший всего-то на лёгкий прищур покойницы, теперь встречает её среди ночи без страха, правда, потом он долго не может опомниться, но это уже потом. Удивления достойна речь графини:

«— Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твёрдым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семёрка и туз выиграют тебе сряду, — но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил, и чтоб всю жизнь уже после не играл».

Оказывается, у покойной графини есть поручение к Германну! Но и в чужую волю она пытается твёрдым голосом вставить своё условие:

«— Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...»

И эту часть повести — видение старухи-покойницы — обыкновенно объясняют возбуждённым состоянием Германна или даже его глубоким сном под воздействием алкоголя, но меня всегда смущало это пушкинское многоточие. В набросках к повести Пушкин употребляет латинское *et cetera*. Например, «В одном из etc» или «Герман был твердо etc». И вдруг многоточие, как бы подразумевающее, что было сказано что-то ещё, чего Германн в записке о своём видении не упомянул. Возможно, он опустил в записи свой договор с тем, кто послал старуху. С дьяволом?

Принято думать, что автор является полновластным хозяином своим персонажам и может заставить их делать все, что угодно. Наверное, это справедливо по отношению к современным авторам ужастиков, но Пушкин-то не таков! Герой, которого он оживил силой своего воображения, начинает жить жизнью, неподконтрольной автору. И не всякого героя можно заставить сделать все, что угодно.

Германн, когда садится за стол, чтобы записать своё видение, — зачем бы это? — действует вполне

самостоятельно, как бы помимо воли автора. Германн записывает видение, но что становится впоследствии с этой записью, читатель так и не узнает. Но зачем-то ведь он его записал? Запись видения и, главное, его дальнейшая судьба — это непонятка номер четыре.

Сорок семь тысяч рублей, поставленных Германном, на тройку — деньги отнюдь немалые по пушкинским временам — это целое состояние! Сравните со ставками в «Игроках» Гоголя, сделав соответствующую поправку на гротеск пьесы, а ещё лучше сравните с ценой мёртвых душ, которые скапивает Чичиков. Навар Чичикова при условии 200 рублей залоговой стоимости одной ревизской души составил бы 80 тысяч кредита под 6 процентов годовых, сроком на 24 года.

С тройкой и семёркой проблем нет, а вот с тузом выходит промашка. Ставку на тройку Чекалинский принимает ласково. Выигравшая семёрка смущает его. В третий раз Чекалинский бледен уже заранее, он насили улыбается, и руки его дрожат, когда он начинает метать карты.

Направо легла дама (!!!), налево туз. «Туз выиграл!» — объявляет Германн и предъявляет... пико-вую даму, не понимая, как он мог обдёрнуться. И тут самое время разобраться в том, что же произошло. Обдёрнуться Германн не мог — в этом заключается основная, по счёту пятая непонятка.

Он и это, несомненно, хладнокровно вынимает из своей колоды туза. Если бы он обдёрнулся и вынул из своей колоды две карты — вместе с тузом ещё и пико-вую даму, прилипшую к его рубашке, то был бы немедленно сквачен за руку другими игроками, внимательно наблюдающими за игрой. Скорее всего, он был бы бит ещё до начала прокидки и как шулер с позором изгнан из общества. Если бы он все же обдёрнулся и случайно вынул из колоды две карты, оставшиеся незамеченными для игроков, то поднятая дама оставила бы на столе туза, и вновь быть Германну биту. Значит, все-таки это была одна карта. Highly likely — туз! Дама, выпавшая банкомёту, просто издёвка!

Рассмотрим ещё один возможный вариант, а именно шулерский приём втирания (отсюда фразеологизм «втирать очки»). Но приём этот никогда не применялся по отношению к картинкам. Нарисовать на даме туза, которого можно «случайно» втереть в сукно, нереально. Можно, например, сделать из тройки четвёрку. Если у шулера выпадает четвёрка, он предъявляет фальшивую четвёрку, а если выпадает тройка, незаметно стирает карту о сукно и — вуала! — в руках снова тройка.

Для исполнения трюка нужна определённая ловкость рук, которая достигается постоянными упражнениями. Однако Германн отнюдь не шулер и даже не игрок! Можно, конечно, попытаться разобрать значение трёх карт в сочетании — тройка, семёрка, туз. Во времена Пушкина для гадания на картах использовалась система француженки Марии Ленорман, как говорят, предсказавшей Наполеону неудачный поход в Россию и одиночную смерть в ссылке. Однако, не зная сочетания назначенных и выпавших мастей, рассуждение будет иметь мало смысла.

В сухом остатке мы как будто имеем дело с предсказанием в виде программы — три карты, которые следует разыграть по одной ставке в день при условии

затем уже не играть никогда. Типично дьявольские штучки! Вот и Бенуа не удержался от того, чтобы не изобразить за спиной Чекалинского чёрта, гоняющегося за госпожой Фортуной с повязкой на глазах. Или это маска! Однако, что она держит в правой руке? Рог изобилия или что другое? И это уже конкретная непонятка от Александра Бенуа, не имеющая прямого отношения к сюжету.

Получив на руки 188 тысяч рублей с выигрышем на тройке и семёрке — состояние внушительное! — Германн вполне мог бы остановиться и более не рисковать, но он продолжает тупо исполнять программу, объявленную ему покойной графиней, причём против её воли. Вот самое время, когда следует вспомнить о таинственном многоточии. Когда Германн играет в третий раз, программа уже дала сбой, но из-за многоточия мы никогда не узнаем, в каком именно месте он произошёл.

Получается, что пушкинский анекдот значительнее своего шикарного обрамления — многоплановой литературной композиции. Предположим теперь, что роковой сбой в программе произошёл в тот момент, когда покорная чужой дьявольской воле графиня вставила в программу свои три копейки — условие жениться на Лизавете Ивановне. И, если это действительно так, то вслед за автором «Пиковой дамы» я ударяю в ладоши и восклицаю: «Ай да Пушкин! ай да сукин сын!»

Толкование к пиковой непонятке: предсказание как программа

Однажды мне пеняли за то, что я цепляюсь за малую разницу между «синонимами предсказание и пророчество». Пенял родновер со всем пылом одержимого сектанта. Не трята попусту бисера, замечу, что разница все же есть и немалая. Чтобы правильно оценить соотношение предсказания и пророчества, нужно то и другое сравнить с прогнозом.

* * *

Прогноз по своей сути является научным предвидением развития того или иного процесса. Специалист, обладающий данными статистики за определённый период времени, владея научными знаниями и специфической информацией, опираясь на практический опыт, анализирует ситуацию и делает прогноз развития событий — экстраполяцию на ближайшее или отдалённое будущее. Таков, например, прогноз погоды.

В статистике под экстраполяцией подразумевается распространение установленных в прошлом тенденций на будущий период времени либо распространение данных, полученных из репрезентативной выборки, на другую часть совокупности, не подвергавшуюся наблюдению. Если экстраполяция в области метеорологии редко преследует корыстные цели, то экстраполяции в области социологии большей частью блеф или нейролингвистическое программирование, преследующее определённые цели.

Наиболее распространённые виды блефа, помимо общей социологии астрология и политика. Астрологический прогноз влияет на принятие членами общества определённых решений. Это форма контроля над обществом в интересах могущественного заказчика. Политические прогнозы, а особенно прогнозы в области доверия политическим партиям имеют

Окуневать удов довклад Окуневать удов довклад

Окуневать удов довклад Окуневать удов довклад

своей единственной способствовать захвата власти в государстве. Так, по сути, ничего не значащий еженедельный прогноз доверия политическим силам спустя год-другой определяет официальный результат голосования на выборах.

Частный случай прогноза — страховка, основанная на том, что страховкой случай, который вы оплачиваете, никогда не произойдёт и возмещение ущерба не потребуется. Чаще всего от вас вымогают регулярную плату за страховку от случая, выпадение которого согласно экстраполяции крайне маловероятно, и тем не менее. В целом похоже на сетевой маркетинг: внизу мелкие страховщики, страхующие свои возможные убытки у страховщиков среднего звена, которое в свою очередь страхует убытки на верхнем уровне.

* * *

Предсказание в отличие от прогноза не опирается вообще ни на какую научную основу, кроме житейского опыта или наития самого предсказателя.

Помню, как однажды в прямом эфире Русского видеоканала хромая и косоглазая предсказательница до слез насмешила студию и аудиторию, вероятно, тоже, пообещав, что «сгустившаяся с утра мрачная атмосфера, к вечеру рассеется без следа». Предсказание, слава Богу, осталось без последствий.

Предсказание по сути своей является научно необоснованным прогнозом в статусе программы. Таково, например, предсказание, сделанное герою «Пиковой дамы» Германну: сделать ставку на три карты с условиями определённой последовательности действий: делать по одной ставке в день сначала на тройку, потом на семёрку и, наконец, на туза с обязательством после третьей ставки больше никогда не

Окуневать удов довклад Окуневать удов довклад

Окуневать удов довклад Окуневать удов довклад

играть. Старуха-покойница вставляет в чужую программу собственное условие (женитьбу на Лизавете Ивановне), и — voile! — программа даёт сбой, выбросив вместо туза пиковую даму.

Предсказаниями, т.е. программами являются все без исключения гороскопы — «астрологические прогнозы», предписывающие определённым знакам зодиака в определённое время совершать одинаковые действия или воздерживаться от оных, под страхом упущеной выгоды или возникновения непредсказуемых негативных последствий, например, разорения, болезни или смерти. Тот, кто верит шарлатанам забывает о том, что в основе астрологического прогноза лежит на астрофизическое явление, а его интерпретация, сделанная астрологом. Практическая астрология — это серьёзная индустрия с годовым оборотом, если не в триллионы, то в сотни миллиардов долларов. Кто считал?

Наиболее успешным предсказателем считается Мишель Нострадамус, который делал предсказания о таких вещах, о которых не имел и иметь не мог никакого понятия. Посему предсказания Нострадамуса весьма туманны, косноязычны и толкуются большей частью post factum, но уже не как программы, а как некое, доступное лишь ему сакральное знание об исторически значимых событиях отдалённого будущего.

Особым случаем предсказания являются гадания. По своей изначальной сути, гадание призвано освободить просителя от ответственности за совершение выбора. Настоящая гадалка (предсказатель, числовогадатель, астролог) вольется сделать предсказание только в проблемной ситуации, когда есть выбор между двумя вариантами поведения (поступка) и никогда не возьмёт на себя ответственность за совет — так говорят звезды и линии на ладони, так выпала карта, кости, палочки, камешки, раковины, et cetera.

Авгурьи, практиковавшие ауспиции, т.е. гадания по полёту птиц, разрешали проблемные ситуации в зависимости от того, с какой стороны — справа или слева

от предсказателя вылетали птицы. Гарусники делали предсказания по внутренностям животных, отдавая предпочтение печени жертв. Клиенты с печенью не спорят!

Не прибегая к теории вероятности и упрощая, можно сказать, что выбор между двумя равновозможными вариантами поведения бывает для просителя чрезвычайно сложным, а особенно в ситуации, когда выбирать приходится из двух зол. Так, например, в преферанс определить снос в ловленном мизере с двумя «дырами» можно только интуитивно. Опытный игрок в такую ситуацию попадёт вряд ли, а неопытный будет выбирать между сносом одной из «дыр» и так называемым косым сносом в надежде на фартовый расклад или промах ловцов. То и другое для игрока одинаково опасно, но совершив достаточно достоверную экстраполяцию для ловцов уже не представляется возможным. В ситуации 50 на 50 логика бессильна.

Ещё один особый случай предсказания — оракул. Невнятные оракулы дельфийской пифии получали свою интерпретацию из уст жреца, который толковал их сообразно со своим жизненным опытом или по внезапному наитию. Удостоившийся оракула, сам решал, как применить толкование к своей проблемной ситуации. Таким образом, оракул — это производное трёх ничем не связанных между собой переменных.

Широко известна история некоего Диогена из небольшого города в милетской колонии на южном берегу Чёрного моря. В молодости он получил оракул — νόμισμα παραχάρττειν — по-гречески переоценить ценности. Довольно прозрачный намёк на то, чтобы переменить житейское призвание, например, с фальшивомонетничества на что-то более пристойное. Этому оракулу мировая история обязана появлением родоначальника философии кинизма Диогена Синопского.

Гаданий существует великое множество, но цель любого из них — проявить волю рока (фатума), чтобы освободить просителя и заодно гадателя от ответственности за решение, которое проситель вообще-то должен принять самостоятельно. Простейший способ снять с себя ответственность — подбросить монетку. Ну, или заплатить гадалке.

Библейские пророчества по сути своей всегда есть божественное откровение и предостережение, чем они и отличаются от прогнозов, предсказаний и гаданий.

За исключением пророчеств, относящихся к ожиданию мессии, библейские пророчества носят предостерегающий характер. Идеальный вариант реализации библейского пророчества — отвращение от греха и кары за него. Классический пример пророчества, успешно достигшего своей цели, это история малого библейского пророка Ионы.

Господь говорит Ионе: «встань, иди в Ниневию — город великий и проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня». Вместо того чтобы отправиться в Ниневию строптивый Иона бежит на корабле в Фарис. Корабль настигает великая буря. Чтобы спастись, корабельщики кидают Иону за борт, где его глотает кит. В чреве кита Иона проводит три дня и три ночи в покаянной молитве. Молитва услышана, и Господь

вновь повелевает Ионе: «встань, иди в Ниневию — город великий и проповедуй в ней, что я повелел тебе». (Ион. 3:1-2)

И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовать, что через сорок дней и Ниневия будет разрушена! Жители города вняли предостережению, объявили пост, и в знак покаяния оделись во вретища — одежду из грубого волоса. Пророчество дошло и до царя Ниневии. Он встал с престола, снял с себя царское облачение, оделся во вретище и повелел, чтобы подданные «крепко вопили к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, ещё Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем. И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведёт на них, и не навёл». (Ион. 3:8-10)

Но не это поразительно. В пророчество не уверовал только Иона, и это так по-человечески! Он ушёл из города, устроил себе кущу и стал ждать катастрофы. Он даже стал роптать на Бога:

«И ныне, Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить. И сказал Господь: неужели это огорчило тебя так сильно?» (Ион 4:3-4) Господь спрашивает его: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» (Ион 4: 11)

За два тысячелетия существования христианства установлено столько запретов, правил и обычаев, что благочестиво соблюсти все действующие даже на сегодняшний день, вряд ли представляется возможным. Незачем и стремиться! Однако при всём многообразии конкретных жизненных ситуаций, как не выкручивайся, а неверие Ионы в пророчество, которое он всё же донёс жителям Ниневии, не стоит примерять на себя. Не стоит бросать монетку или тешить бесов иным способом, когда есть коллективный опыт Церкви.

Гадатели, целители, маги, экстрасенсы, астрологи часто прикрываются иконами, однако правила Святых Апостолов неумолимы:

«Покаявшийся в волшебстве подлежит епитимы убийцы. Облакогонители, обаятели, делатели предохранительных талисманов, колдуны, гадатели подлежат шестилетней епитимы. Закосневающие в сём извергаются из церкви. Приходящие с отвержением веры к чародеям или прорицателям, или обещающим через демонов учинить некое отвращение вреда, подвергаются осуждению с отступниками от веры». (Книга правил Святых Апостолов, Святых Соборов Всеянских и Поместных и Святых Отец.)

Будущее скрыто о нас. Это знание, будучи недоступным, отнюдь не является запретным. Просто это часть универсального знания, которое нас ни от чего не отвратит, но способно навредить нам, лишить нас свободы воли — божественного подобия, переложить личную ответственность на фатум.

Прошлого уже нет, потому что каждое мгновение уносит его от нас безвозвратно, и жалеть тут не о чём. Будущего нет, но каждое мгновение настоящего переполнено им до краёв. Незачем вымогать то, что даётся даром..

С 21 по 26 марта 1950 года в Таллинне проходил VIII Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Эстонии. Выступивший на пленуме секретарь ЦК ВКП(б) Пантелеймон Пономаренко подверг руководство Компартии Эстонии жесточайшей критике, обвинил его в слабой борьбе с националистическими и кулацкими элементами, в восхвалении старых буржуазных порядков и традиций, а также в пропаганде превосходства западноевропейской культуры, искусства и науки перед советскими достижениями в этих областях. Под огонь критики в первую очередь попало руководство республики: Первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Николай Каротамм, Председатель президиума Верховного Совета Эдуард Пялль, его заместитель Нигол Андрезен, Председатель Совета Министров Арнольд Веймер, его заместитель Хендрик Аллик, президент Академии наук Ханс Круус. Досталось от Пономаренко также старым коммунистам, активно включившимся после советизации Эстонии в 1940 году в строительство новой жизни, и военнослужащим буржуазной армии Эстонской Республики, перешедшим на службу в Красную армию и воевавшим в ее составе во Второй мировой войне.

КАРОТАММ И ЕГО КРИТИКИ

После вступительной речи Пономаренко с отчетным докладом выступил Николай Каротамм. Глубокого и правдивого анализа состояния дел в республике он не дал, но старался быть самокритичным и охотно посыпал голову пеплом. Приведу некоторые выдержки из его отчета: «Корень моей ошибки в отношении Андрезена, Крууса и других буржуазных националистов заключается в том, что я считал, что, поскольку эти люди вступили в нашу Коммунистическую партию, то этим уже снят вопрос об их реакционном прошлом, думал, об этом не может быть больше речи. [...] Фактически же нужного контроля за деятельностью старой буржуазной интеллигенции не было (на самом деле контроль был, да еще какой! Кто и каким образом про водил проверку старых коммунистов на лояльность ново-

му советскому режиму, рассказано дальше. – В.П.), и они совершили антипартийные действия [...], а я не препятствовал критике этих людей, поскольку ошибочно считал, что это критика за их прошлое.

Справка: Пантелеимон Пономаренко

Пантелеимон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984) – видный советский государственный и партийный деятель. Заместитель Председателя Совета Министров СССР (1952–1953), первый секретарь ЦК КП Казахстана (1954–1955), посол СССР в Польше (1955–1957), Индии и Непале (1957–1959), Нидерландах (1959–1962), представитель СССР в МАГАТЭ (1963–1965). С 1978 года – персональный пенсионер союзного значения. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Кое-кто в республике из подхалимистых людей злоупотреблял развещиванием моих портретов, и эти люди не были призваны к порядку. [...] Я крайне мало выступал с докладами на фабриках и заводах перед рабочими, [...] хотя много выступал перед интеллигенцией и колхозниками. [...] Крупным недостатком в моей работе является отсутствие требовательности к работникам советских и хозяйственных органов. [...] Если быть последовательным до конца, то я прихожу к выводу, что до сих пор я страдал благодушием в работе и у меня имелись серьезные элементы зазнайства. [...] В республике имеют место многочисленные факты притупления бдительности при

Николай Каротамм в своем рабочем кабинете.

приеме людей в партию, в ее ряды попадали чуждые, враждебные элементы».

Говоря о кадровой политике, Каротамм не мог не подкрепить свои доводы мыслями Сталина: «Вопрос о воспитании, выращивании настоящих большевистских ленинско-сталинских кадров из числа местных работников, об их идеинополитической закалке в не-примиримой борьбе с буржуазным национализмом – это важнейшая задача. [...] Товарищ Сталин указывает, что с людьми, с кадрами, нужно работать так, как садовник выращивает облюбованное им дерево. Мы такой работы до сих пор не вели, и это нужно признать со всей прямотой. [...] В школах и вузах у нас имеются серьезные недостатки. [...]»

В отчете в ЦК ВКП(б) я написал, что в республике в период с 1946го по 1949 год по политическим мотивам исключено из школ 1022 учителя. Эту информацию мне сообщил завотделом пропаганды ЦК тов. Ленцман, моя ошибка заключается в том, что поспешно, без перепроверки, я включил эту цифру в отчет. Позже выяснилось, что за указанный период уволено почти 5000 учителей». (Из стенограммы материалов VIII Пленума ЦК КП(б) Эстонии. ERAF.1.4.890, с. 8, 10, 11, 14, 15).

Каротамм хотел доказать Пономаренко, что ЦК Компартии Эстонии все же вел борьбу со старой националистически настроенной «гнилой» интеллигенцией, мол, послушайте: одни школы уволили почти 5000 старорежимных учи-

телей, это только чёртов Ленцман подвел – занизил положительные показатели почти в пять раз. Если исходить из оценок ЦК ВКП(б) и обвинений местных «верных ленинцев», то Каротамм, конечно, допускал по понятиям того времени серьезные ошибки в работе и, как можно понять из его выступления на пленуме, сам в этом признался.

Из речи Каротамма я впервые узнал о словах Сталина о садовнике, но, несмотря на все старания, других источников этой цитаты не нашел. Облюбованное дерево выращивают обильным поливом, хорошей подкормкой и обрезкой сучьев, мешающих росту и формированию кроны. Чем партия подкармливала воспитываемые ею местные кадры и какие «сучья» у них массово удаляла, лучше всего знали эти самые местные кадры, которых в живых уже не осталось.

После отчета Каротамма слово дали члену ЦК, первому секретарю Вильяндиского уездного комитета (УК) партии Александру Янусу. Он горячо поддержал Пономаренко и усилил его речь крутыми примерами из местной жизни: «Ошибки тов. Каротамма имеют глубокие корни и большую давность. Поэтому наша задача, задача всех членов ЦК и всех участников сегодняшнего пленума заключается в том, чтобы по-большевистски вскрыть недостатки и ошибки в нашей работе, в работе ЦК и лично в работе товарищей Каротамма и Веймера, ибо они больше всего ответственны и повинны в том, что линия партии в Эстонской ССР нарушилась и иска жалась. [...]»

Главная ошибка в работе ЦК КП(б) Эстонии, по-моему, заключается в том, что он допустил искривление линии партии в деревне. [...] Товарищ Каротамм и товарищ Веймер направляли партийные и советские кадры [...] на развитие единоличного крестьянского хозяйства, следовательно, на развитие кулацкого хозяйства. Известно, что в Эстонской ССР еще в 1940–1941 годах были созданы первые колхозы. [...]

Я как секретарь уездного комитета партии с 1946 года ни разу не слышал, чтобы товарищи Каротамм и Веймер приводили бы слова Ленина и Сталина о том, что «крестьянство есть последний капиталистический класс [...]», который базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. [...] Необходимо положить конец такой практике работы ЦК, как игнорирование основных сталинских положений о критике и самокритике, о необходимости прислушиваться к голосу партийного актива. [...]

Я хотел бы остановиться еще на вопросе очищения партийной организации Эстонии от пробравшихся в нее враждебных элементов. [...] В 1940 году в Компартию были зачислены выходцы из различных буржуазных партий, которым автоматически выдавались документы членов ВКП(б). [...] Все эти лица сейчас не разделяют нашей политики, остаются при своих прежних взглядах, и с ними необходимо решительно разобраться, ибо их прошлые «революционные» заслуги, о которых часто говорят некоторые члены бюро ЦК(б) Эстонии, являются во многих случаях сомнительны ми. [...]

Засорение партийной организации берет начало с Эстонского стрелкового корпуса, где бывшие офицеры эстонской буржуазной армии никогда не были дружелюбно настроены в отношении советской власти. Так, например, бывший капитан буржуазной эстонской армии Лукс, этот буржуазный делец кулацкого происхождения, имеющий собственный дом в Таллинне, пробрался в партию, [...] ему в этом помогали командир корпуса генерал Пэрн и начальник политотдела корпуса товарищ Пуста. [...]

Лукс совершенно незаслуженно был награжден орденами, произведен в полковники и поставлен на пост заместителя командира корпуса по снабжению, по вине которого части Эстонского корпуса в боях

под Великими Луками терпели острую нужду в продовольствии и боеприпасах».

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДЕТАЛИ

Александру Янусу специально дали слово первому, чтобы он своей яркой речью задал тон всему мероприятию. Кто же он такой и чем заслужил подобную честь? Иванов-Янус Александр Николаевич – уроженец Раквере. В 1919–1924 годах служил в Красной армии, до 1940 года работал на политических должностях местного значения на Украине и в Чечено-Ингушской АССР. К советизации Эстонской Республики и присоединению ее к Советскому Союзу начали готовиться до ввода в 1940 году в Эстонию частей Красной армии. Для организации этой работы формировался актив идейных коммунистов, политработников, специалистов, военных и сотрудников спецслужб. В этот резерв и был включен Александр Янус Иванов. С августа 1940 года, сразу после присоединения Эстонии к СССР, он начал службу в политорганах разных частей и закончил войну в должности заместителя командира стрелкового полка ЭСК в звании майора. С января 1946 года работал первым секретарем Вильяндиского райкома Компартии Эстонии.

После «правильного» выступления на пленуме Янус был замечен Пономаренко и с его подачи избран секретарем ЦК КП(б) Эстонии. Но пробыл в этой должности всего год: то ли не сработался с новым первым секретарем ЦК Кэбином, то ли просто не потянул, и его перевели с понижением на другую политработу. Умер в 1960 году в Таллинне. Что же касается Яна Лукса, то обвинения в его адрес не имеют под собой оснований. Он – кадровый военный, действительно служил офицером в армии буржуазной Эстонии, но в сентябре 1940 года добровольно вступил в Красную армию. Летом 1942 года его как грамотного и опытного офицера снабженца назначили заместителем командира ЭСК по тылу.

Обвинять Лукса в том, что по его вине корпус терпел под Великими Луками острую нужду в продовольствии и боеприпасах, несправедливо. Во время войны всем было не хватало, не Лукс определял нормы обеспечения войск продовольствием и боеприпасами, это была задача тех структур Генштаба, кто разрабатывал планы оборонительных и наступательных операций. Столь

же несправедливо обвинять Лукса в том, что его быстро повышали в званиях. Должность заместителя командира корпуса по тылу – генерал-майорская. Лукс был назначен на эту должность в звании подполковника. В 1943 году после успешного завершения Великолукской операции ему присвоили звание полковника, и войну он закончил в этой должности и в этом звании. Звание генерала он так и не получил, потому что был старым военным спецом и в партию вступил лишь в конце войны.

Выступление первого секретаря Харьюского укома партии Александра Кельберга было не только нетактичным, но даже грубым и оскорбительным по отношению к старым коммунистам:

«Ни одно решение ЦК КП(б) Эстонии не давало правильной ориентировки партийным организациям для борьбы против буржуазных националистов, которые действовали открыто и наступательно, тормозили развитие социалистической культуры и отравляли ядом шовинизма значительные слои интеллигенции и учащейся молодежи, оказывали идеологическую и практическую помощь кулаку и кулацко-националистическим бандам. [...]

Что губит Каротамма? По-моему, корень его ошибки в том, что он вообразил себя маленьким эстонским вождем. [...] Каротамм забыл, что руководящей силой при диктатуре пролетариата является рабочий класс, и практически опирался на буржуазную интеллигенцию, которую он думал перевоспитать в зажиточного крестьянина, «доброго хозяина», который, по его мнению, является характерной фигурой эстонской деревни. [...] Когда в Эстонии победила советская власть, часть буржуазных националистов, прямых социал-демократических прихвостней буржуазии, таких, как Круус, Йыэр, Андрезен и другие, спрятала на время свое звериное лицо и стала работать с нами. Такой временный блок допустим, но было бы утопией думать, что нам когда-нибудь удастся этих людей перевоспитать. С началом войны вся эта свора эвакуировалась в советский тыл. [...]

За какие такие заслуги Лукс получил звание полковника? Дивизия стояла в марте 1942 года в Камышлове, к октябрю она передислоцировалась в Коломну, боев не было, а Лукс за эти семь месяцев из капитана буржуазной армии стал пол-

ковником. Позднее ему дали орден Отечественной войны I степени. За что? [...] Бывшего начальника отдела штаба Лайдонера, активного участника войны против Советской России в 1918–1920 годах Лукса приняли в партию, сделали генерал-майором и начальником штаба корпуса».

Текст обвинительного выступления Кельбергу (как, впрочем, и многим другим ораторам) был написан лицами, не разбиравшимися в эстонских делах, обвинения взяты из подготовленных неофициальных доносов, речь о которых впереди. Кельберг перепутал Лукса с Лукасом: первый никогда не был начальником штаба корпуса, им был другой «буржуазный капитан» – генерал Лукас. Генерала Лукаса долбали и многие другие выступавшие, в том числе Леонид Ленцман.

Справка: Александр Кельберг Александр Александрович Кельберг родился в 1911 году в Петербурге в семье чиновника и домохозяйки. По национальности – русский, владел эстонским, русским, немецким и английским языками. В 1920х годах семья переехала в Нарву, где родился и жил до отъезда в Петербург Кельберг старший. В 1930–1931 годах Кельберг проходил срочную службу на эстонском теплоходе «Вамбала», затем работал на рядовых должностях и везде скандалил с руководством. Сразу после присоединения Эстонии к Советскому Союзу стал ответственным секретарем газет «Советская деревня» и «Нарвский рабочий». 18 августа 1941 года добровольно вступил в Красную армию, где был секретарем газеты Rünnakule 7й Эстонской стрелковой дивизии (ЭСД) и инструктором газеты Rünnakule 249й ЭСД, одновременно являясь командиром батареи противотанкового дивизиона и заместителем командира разведроты по политчасти в 7й ЭСД. С января 1943 года – командир той же роты, с февраля 1945 года – помощник начальника дивизионной разведки. После войны гвардии капитан Кельберг занимал должность командира батальона. Надо признать, что, благодаря таким личным качествам, как храбрость, решительность, хватка, он сделал блестящую фронтовую карьеру: не имея военной подготовки и даже краткосрочных курсов, прошел путь от солдата до командира батальона. После войны Кельберг был утвержден ЦК КП(б)

Эстонии заведующим сектором печати отдела пропаганды и агитации ЦК. После окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) был избран первым секретарем Харьюского уездного комитета партии. А потом настал его звездный час: на злосчастном мартовском пленуме его избрали секретарем ЦК КП(б) Эстонии по пропаганде и ввели в состав Бюро ЦК. Однако в 1951 году фортуна от Кельберга отвернулась: его сняли с должности и в следующем году исключили из членов ВКП(б) за неискренность перед партией: умышленное искажение биографических данных, скрытие ряда совершенных в прошлом преступлений и проступков. Так, по социальному происхождению он был не из рабочих, как писал в анкете при вступлении в партию, а вольным путешественником, имел собственную яхту, жил на нетрудовые доходы, скрыл от партии членство в христианском Объединении молодых мужчин (Noorte Meeste Kristlik Ühing). Кельберга обвиняли и в других довоенных грехах: контрабанда спиртом, работа в белогвардейских изданиях (редактор газеты Narvski Listok), правда, последние обвинения он не признал. Кроме того, проверкой было установлено, что муж его сестры оказался немцем и в 1939 году переселился в Германию. После этого о Кельберге многие годы ничего не было слышно. И вдруг 21 января 1972 года в ЦК КПЭ пришло письмо из Комиссии по назначению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР, которая поинтересовалась, нет ли у ЦК КПЭ возражений против предложения Тюменского обкома партии о назначении Кельбергу Александру Александровичу персональной пенсии республиканского значения. Ответ, подписанный первым секретарем ЦК Кэбином был краток: «Возражений не имеется». Кэбин не стал мелочиться: услуга, которую Кельберг оказал ему своим ярким выступлением на мартовском пленуме, перевесила чашу его давних грехов. Видимо, в Тюмени Кельберг снова сумел выбиться в люди и, хочется надеяться, честно заработал персональную пенсию.

Критикой Николая Каротамма поразил всех и заведующий отделом пропаганды ЦК КП(б) Эстонии Леонид Ленцман. Одно его обвинение было просто смехотворным: «Мы получили заявление от жены одного попа, которую не принимают в консерваторию, – и правильно делают, что не принимают, на котором тов. Каротамм на-

ложил такую каучуковую резолюцию: «Рассмотрите это заявление, между прочим, я помню, что на одном собрании этот поп выступил с хорошей речью». [...] Знали бы вы, как такие резолюции дезориентировали работников аппарата ЦК, какой громадный вред они наносили нашему делу! Другое его обвинение было просто ложным: Ленцман недоумевал, почему Каротамм организовал «капитану буржуазной армии Лукасу» быстрое продвижение в Эстонском корпусе по службе и в звании». Возникает вопрос: почему Ленцман не высказал упреки «хозяину» в лицо в его кабинете или на партсобрании? Видимо, не хватило смелости. А на пленуме, узнав, что Каротамма непременно снимут, он осмелел.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДЕТАЛИ:

Я могу ответственно заявить: никакого содействия в про движении Лукаса по службе и в звании Каротамм не оказывал. Он поднимался сам благодаря своему военному опыту. Яан (Иван) Лукас (1892–1953) в Первую мировую войну командовал на Западном фронте взводами, ротами, батальоном, награжден орденом Станислава III степени, орденами Анны IV и III степеней. В 1918 году демобилизовался в звании штабс-капитана, был мобилизован в эстонскую армию, где командовал ротой, батальоном, полком, был начальником штаба дивизии и военного округа и многие годы ходил в звании полковника. Летом 1940 года, после присоединения Эстонии к СССР, полковник Лукас добровольно перешел на службу в Красную армию и в формируемый в 1942 году на Урале Эстонский стрелковый корпус он пришел не капитаном буржуазной армии, как утверждает Ленцман, На третий день работы пленума, 24 марта 1950 года, генералмайор Лукас будет арестован, вывезен в Москву, где Особая тройка МГБ СССР приговорит его к 25 годам лагерей. Он умрет 8 мая 1953 года в тюремной больнице Особого лагеря НКВД № 7 в Иркутске. В том самом городе, где в 1915 году он с отличием окончил Школу прaporщиков и пошел воевать за российского царя против германцев, а советским полковником из академии им. Фрунзе на должность начальника штаба. «Забыл» бывший агитатор политотдела корпуса капитан Ленцман и то, что осенью 1941 года в критические для Москвы дни полковник Лукас в составе особого курса академии участвовал в

обороне столицы и его грудь украшали три ордена Боевого Красного Знамени и другие советские награды. В 1943 году Лукас на фронте вступил в члены ВКП(б), рекомендации ему дали секретарь ЦК КП(б) Эстонии Каротамм, командир корпуса генерал Пэрн и начальник политотдела корпуса подполковник Пуста. Перед приемом специальная парткомиссия тщательно проверила прошлое «капитана буржуазной армии», Лукас ничего не утаивал, откровенно отвечал на вопросы, рассказал и о том, что участвовал в Освободительной войне, которую Эстонская Республика вела против Советской России, и награжден за это орденом Крест Свободы и участком земли. Предложение о принятии Лукаса в партию поддержал начальник отдельного контразведки Смерш Эстонского стрелкового корпуса Иоганнес Типнер, в то время еще подполковник. За Типнером было решающее слово, он знал про Лукаса всю подноготную задолго до его прихода в ЭСК. Дасть Бог здоровья, я напишу о генерале Лукасе, человеке удивительной, драматичной судьбы, отдельную книгу и, кроме тех обвинений, что были открыто высказаны в его адрес на пленуме, кроме десятков организованных доносов «доброжелателей» в высокие инстанции в Таллинне и Москве, раскрою еще некоторые детали из области разведки фашистской Германии и советской военной контрразведки.

Инструктор ЦК КП(б) Эстонии Александр Матусевич (майор запаса, в прошлом – начальник следственного отделения фильтрационного лагеря, в котором содержались освобожденные из немецких концлагерей советские военнопленные) на пленуме впал в экстаз: «Свыше четырех лет ждал я этого светлого момента, когда буду иметь возможность открыто, во весь голос высказать правду в глаза. [...] Боясь проронить хотя бы слово, слушал я сообщение секретаря ЦК ВКП(б) тов. Пономаренко. [...] Хочу сказать слова горячей и сердечной благодарности ЦК партии и нашему дорогому Вождю и Учителю – великому Сталину за ту отеческую заботу, которую он о нас проявляет. После постановления ЦК ВКП(б) в нашу застойную атмосферу в Эстонии хлынул поток свежего воздуха,

Секретарь ЦК КПЭ
Леонид Ленцман
на открытии
собрания, посвя-
щенного 93-летию
со дня рождения
В. И. Ленина.

Генерал-майор Лукас.

наступила весна, лед почернел, но он еще не тронулся, и мы должны взорвать его горячим огнем партийной критики».

Дальше пошла критика. Матусевич, по его словам, и раньше сигнализировал о недостатках в работе ЦК, но Каротамм якобы не принимал сигналы во внимание и, более того, назвал его «литературным персонажем украинского писателя, который записывает все, что говорят вокруг товарищи, и ищет сказанному свидетелей». На слова Каротамма Матусевич очень обиделся и в своем выступлении назвал его «генерал-губернатором Эстонии».

Бедный Матусевич! Ему пришлось ждать целых четыре года, пока не настал его звездный час и он наконец смог открыто высказаться. Я сомневаюсь в искренности его слов. Не было у него большого конфликта с Каротаммом, не надо было ему ждать «целых четыре года». Будь он честнее, принципиальнее, мог бы все высказать первому секретарю на собрании первичной парторганизации. Каротамм подписал Матусевичу положительную характеристику для поступления в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), направил в Военный комиссариат республики представление о присвоении ему очередного воинского звания по запасу. Стал бы Каротамм это делать, если бы Матусевич с ним конфликтовал?

Любопытно, что вскоре после критического выступления на пленуме Матусевич написал заявление на увольнение по собственному желанию и бесстыдно попросил смешенного с должности Каротамма, который еще не сдал дела и имел право подписи, оказать ему материальную помощь в связи с выездом из республики. «Генерал-губернатор» злобу на подчиненного не держал, заявление тут же подмахнул, щедро выдав «подрывнику» в качестве пособия месячный оклад и бесплатную санаторную путевку в Сочи.

Смело вел себя на пленуме председатель Совета Министров ЭССР Арнольд Веймер. Кроме обвинений в поддержке буржуазных националистов его упрекнули еще в том, что он не обеспечивает жильем бесквартирных военнослужащих. Веймер уверенно отмел беспочвенное обвинение: «По состоянию на 1 января 1950 года в Таллинне имеется 840 тысяч кв. метров служебного и жилого фонда, из которых 102 тыс. кв. метров (14%) передано в бесплатную аренду армии, и это не считая тех домов, которые переданы ей на баланс. Кроме того, из своих скучных ресурсов мы построили в Таллинне и целиком передали армии большой пятиэтажный дом, помогаем ей строительными и другими материалами. [...]»

Ряд вопиющих фактов, приведенных в докладе секретаря ЦК ВКП(б) тов. Пономаренко, стал известен мне, как и остальным членам Бюро, только теперь, на пленуме, тогда как они имели место уже многие годы назад, как, например, антисоветское выступление Крууса в Тартуском университете. Спрашивается, почему скрывались такие факты от бюро ЦК КП(б) Эстонии и руководящих товарищ? На это пока ответа не дано». Возможно, Веймер догадывался, что после войны продолжалась проверка лояльности пришедших к власти в 1940 году старых эстонских коммунистов катаржников, но то, что в разработку будут взяты Каротамм, Пялль, Андрезен, Круус, генерал Лукас, он сам со своим замести-

телем Алликом и даже министр госбезопасности генерал-майор Кумм, – такое ему, пожалуй, даже во сне не могло присниться.

СПРАВКА : Арнольд Веймер Арнольд Тынуевич Веймер (1903–1977) – советский эстонский государственный деятель. С 16 лет участвовал в рабочем движении. В 1923 году был арестован и осужден на 6 месяцев за коммунистическую деятельность, а в 1924 году на процессе 149 коммунистов приговорен к пожизненной каторге. В 1938 году амнистирован. После государственного переворота в 1940 году два месяца был Председателем Верховного Совета Эстонии. В 1944–1951 годах возглавлял правительство ЭССР. В ходе выполнения решений мартовского пленума по усилению борьбы «с проявлениями буржуазного национализма» в 1951 году был снят с высокого поста и назначен директором Института экономики и права АН Эстонии. Дальнейшая карьера сложилась успешно, он занимал высокие должности в сфере республиканской экономики и науки.

СВЕРЖЕНИЕ БОРИСА КУММА

Подготовка к VIII пленуму, призванному основательно зачистить партийный и государственный аппарат республики, началась задолго до марта 1950 года, и первой жертвой реализации запланированных мероприятий стал министр госбезопасности Эстонии генерал-майор Борис Кумм. Да, да, именно он. Ведь Кумм – тоже из коммунистов катаржников буржуазного периода, со многими из тех, кого пропесочили на пленуме и позднее сняли с постов, а ministra торговли Августина Хансена даже расстреляли, он или 14 лет был в заключении, или сотрудничал по работе в правительстве. Но открыто подвергнуть Кумма репрессиям было нельзя, в определенной мере он все же был свой: старый идейный большевик, сразу после советизации Эстонии – глава НКВД ЭССР, в годы Второй мировой – начальник отделения в центральном аппарате НКВД, один из главных исполнителей двух массовых депортаций – июньской 1941 года и мартовской 1949 года. С другой стороны, когда в республике «на-

водят порядок», арестовывают и сажают многих товарищей Кумма, оставлять его во главе республиканского МГБ было нецелесообразно. Поэтому его сняли с должности без излишнего шума, исходя из принципа «Так надо!».

В декабре 1949 года бригада МГБ СССР инспектировала работу МГБ Эстонии и в работе руководимого Куммом министерства нашла серьезные недостатки. Вероятнее всего, итоги проверки и оценку работы министра Кумма, члена Бюро ЦК КП(б) Эстонии, московские проверяющие до Первого секретаря ЦК Николая Каротамма не довели. А может быть, довели, и Каротамм, осознавая грозящие Кумму неприятности, хотел подстраховать старого товарища статусом депутата и тем самым в какой-то мере оградить его от более серьезных оргвыводов. Иначе разве послал бы секретарь ЦК по кадрам В. Куузик 19 января 1950 года письмо в ЦК ВКП(б) с просьбой «утвердить тов. Кумма Бориса Гансовича кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета Союза ССР по Саарескому избирательному округу № 359»¹³.

Зато итоги проверки доложили в ЦК ВКП(б), который вместо утверждения Кумма кандидатом в депутаты в Верховный Совет СССР (выборы были назначены на 12 марта 1950 года) своим решением от 28 января 1950 года с треском снял 53-летнего генерала с должности. В последний день работы VIII пленума, 26 марта 1950 года, ЦК КП(б) Эстонии своим секретным постановлением «О решении ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии» вывел Кумма из состава Бюро ЦК «в связи с допущенными им ошибками в бытность его на посту министра Госбезопасности Эстонской ССР».

Причина увольнения слишком расплывчатая, видимо, в партийном документе не стали указывать действительные мотивы увольнения министра Кумма с должности и вывода его из состава Бюро ЦК. Справки о проверке состояния дел в МГБ Эстонии с перечисленными недостатками в руководимом Куммом ведомстве, которые послужили основанием для снятия его с должности, в Эстонии нет, как нет и копии постановления ЦК ВКП(б) с указанием истинных причин увольнения генерала. Впрочем, разгромного доклада Пономаренко, с которым он выступил на пленуме, тоже нет (доклад было запрещено стенографировать), зато все выступления местных товарищей и даже выкрики с зала записывались дословно. Я прослужил в КГБ Эстонии много лет и ни разу не слышал, что глава МГБ генерал-майор Борис Кумм был снят с поста министра. В республике изданы две книги про чекистов Эстонии: «Компромиссы исключаются»¹⁴ и «Операция «Синий треугольник»¹⁵. Обе книги содержат хвалебные статьи о бывшем шефе, но ни слова не сказано про его ошибки в работе и увольнение, причем непосредственно Центральным Комитетом ВКП(б).

Вокруг вопроса Кумма существует какая-то тайна. Даже курировавший Эстонию инструктор ЦК ВКП(б) М. А. Туркин не был в курсе событий и запросил у нового секретаря ЦК КП(б) Эстонии Йоханнеса Кэбина письменную справку по делу Кумма. В ней (Кэбин подписал ее сам) я и нашел причины увольнения Кумма: оказывается,

Борис Кумм.

это были «ошибки, допущенные при выселении из пределов Эстонской ССР кулаков в марте 1949 года и слабая борьба с бандитизмом». Примечательно к Кумму обвинение очень странное. В каких конкретно действиях выражались допущенные им ошибки, неизвестно: в упомянутой справке они не раскрываются. Зато известно, что за успешное проведение операции «Прибой» (под таким кодовым названием проводились мероприятия по массовому выселению в марте 1949 года) несколько сотрудников МГБ и МВД были представлены к государственным наградам, например, заместитель Кумма полковник Павел Пастельняк, непосредственно руководивший мартовским выселением, заработал боевой орден Красного Знамени, а за «достигнутые успехи в развитии и восстановлении промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и искусства» в июле 1950 года награжден еще и орденом Трудового Красного Знамени.

Но и это еще не все: в следующем году Пастельняк был представлен к награждению орденом Ленина. Круто для мирного времени, не так ли? Думаю, что в копилку «успехов» Пастельняка, кроме операции «Прибой» и удачно проведенного мартовского пленума, внесли также загадочную смерть Йоханнеса Вареса Барбаруса. Официально Кумм был освобожден от должности 28 января 1949 года, но фактически был отстранен от реальной власти задолго до этого, все более или менее серьезные вопросы в МГБ Эстонии единолично решал Пастельняк. Доклады в Москву об обстановке в республике шли мимо министра. Кумм чувствовал, что в последнее время ему приходят не все оперативные материалы, наиболее важные вопросы решаются полковником Пастельняком за его спиной. Недоверие, которое почтывало к себе Кумм, морально сильно давило на него, и в качестве утешения перед началом рабочего дня и после работы он зачастил в совминовский буфет, где в уединении пропускал пару стопок коньяка, а это только усугубляло его и без того шаткое положение.

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ МОСКАЛЕНКО

Новым министром госбезопасности Эстонии с 28 января 1950 года стал старый товарищ министра госбезопасности СССР Абакумова по Смершу, начальник Управления МГБ Читинской области полковник Валентин Иванович Москаленко – человек малообразованный и чрезвычайно грубый. В 1952–1953 годах Эстония имела областное деление (Таллиннская, Тартуская и Пярнуская области). Как-то Москаленко пришла в голову неординарная, для того времени почти перестроечная, мысль – провести в Тартуском обкоме партии совещание секретарей райкомов, руководителей районных отделов отделений и оперативного состава МГБ южного региона республики.

Мой хороший товарищ М. С. присутствовал на том историческом совещании и несколько лет назад рассказывал мне, что ответственное мероприятие началось невиданным образом: секретарь обкома и секретари райкомов партии сидели за столом президиума, а Москаленко сел на стол, лицом к залу, спиной к родной партии, и начал распекать своих подчиненных. Первым поднял

тучного начальника районного отделения: «Бандиты у тебя под носом ходят, а ты их не ловишь, разленился, разжирел, как боров». Затем показал пальцем на высокого сухопарого начальника другого районного аппарата: «Вот, ты, как гусь, шею вытянул, доложи, когда на территории обслуживания покончишь с бандитизмом». Вместо отклоненной Москвой кандидатуры Кумма для избрания депутатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР ЦК ВКП(б) срочно были представлены материалы на нового министра полковника Москаленко, который едва успел принять министерские дела.

Полковник Москаленко сделает (точнее при большой московской поддержке ему сделали) в Эстонии головокружительную карьеру. Уже через полтора месяца после вступления в должность, 12 марта 1950 года, его «единодушно» изберут депутатом ВС СССР, правда, не от Саарского избирательного округа № 359, где должен был баллотироваться Кумм, а от Пайдеского округа № 371. 1 июля 1950 года на IX пленуме ЦК КП(б) Эстонии Москаленко войдет в состав Бюро ЦК, 20 июля будет награжден орденом Ленина в связи с десятилетней годовщиной образования Эстонской ССР, 12 февраля 1951 года его изберут депутатом Верховного Совета Эстонской ССР, а 11 июня назначат по совместительству председателем Республиканского спортивного общества «Динамо». В сентябре 1952 года состоялся VII съезд Компартии Эстонии. Москаленко выступил на нем с большой разгромной речью и раскритиковал националистическую сущность зампред Совмина Хендрика Аллика, который к тому времени был уже арестован. В качестве одного из обвинений он привел такой невообразимый пример:

Аллик дошел до того, что требовал дать крестьянам право оспаривать факт занесения их в « списки кулаков » и обращаться в вышестоящие инстанции с жалобами. И нам в Совмине приходилось разбирать такие заявления.

В 1953 году успешная карьера министра Москаленко чуть было не завершилась. 9 апреля его заместитель Свинолупов накатал в Управление кадров МГБ СССР и второму секретарю ЦК КП(б) Эстонии Косову большую телегу, в которой обвинил своего шефа во многих грехах: самостийно от руководства ведомством, окружил себя угодными, но непригодными сотрудниками. Реакция Москвы была скорой: уже через два дня в Таллинн прибыла контрольная комиссия МГБ СССР. Выводы комиссии неизвестны, но уже на третий день ее работы полковнику Москаленко позвонил сам Лаврентий Берия: «Срочно сдать дела своему заместителю полковнику Чернову и выехать в Москву». В ту же ночь Москаленко устроил на работе отвальную: собрал членов коллегии, руководителей ведущих подразделений министерства и с гордостью заявил: «Сегодня мне позвонил лично Лаврентий Павлович и сообщил приятную новость – я назначен заместителем начальника Управления МГБ СССР по-московски области». (С марта 1953 года органы МГБ и МГБ были объединены в одно ведомство – МГБ и в течение одного года просуществовали вместе. – В.П.) Присутствующие ахнули: в министерстве полагали, что шеф непременно будет снят, а вме-

сто этого – повышение в Москву на генеральскую должность.

СПРАВКА : Валентин Москаленко

Валентин Иванович Москаленко (1908–1984) родился в Киевской области. Окончил военноподготовительную школу, но в связи с ухудшением здоровья службу в РККА продолжить не мог и стал фельдъегерем в окружном отделе ОГПУ в Белоцерковске УСС Р. В 1931 году после перевода на оперативную работу начался быстрый карьерный рост: Москаленко занимал должностями начальников районных, городских, областных отделений/отделов НКВД УСС Р. В годы войны был начальником Особого отдела и ОКР Смерш на Воронежском, 1м Украинском, 2м Белорусском фронтах и в Киевском военном округе. Умер в Москве. Но все же с началом хрущевской оттепели у Москаленко начались неприятности: после обратного разделения МВД на МГБ и МВД структуры госбезопасности его в свои объятия не приняли, оставили в УМВД по Московской области шефом детских колоний, тюрем и органов пожарной охраны, а Особая инспекция Управления кадров МВД СССР заинтересовалась его «героическим прошлым». В 1937–1938 годах Москаленко служил начальником Макеевского горотдела Управления НКВД по Донецкой области, и его отдел представил на рассмотрение «тройки» УНКВД материалы на 213 человек, из которых 113 были расстреляны. Наш герой еще легко отделался: инстанции, рассматривавшие на него компромат, хорошо понимали, что указания на расстрел, вернее было бы сказать, на отстрел, определенного количества недовольного властью народа (контингента) были спущены с самих верхов. Особая инспекция МВД вскрыла также факты нарушений законности со стороны Москаленко в бытность его работы на посту министра госбезопасности Эстонской ССР. В числе многих нарушений она привела, например, такой факт: с санкции Москаленко в 1951 году было применено физическое воздействие к братьям Херберту и Альфреду С. и выбиты из них признательные показания в преступлении, которого они не совершали. В 1956 году руководство МВД разжаловало Москаленко в подполковники и уволило со службы «за дискредитацию высокого звания начсостава органов МВД».

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ ПЛЕНОУМА,

Активная реализация идей пленума началась уже в ходе его работы (правда, некоторые лица были арестованы еще до пленума). Снятый с должности министр госбезопасности Борис Кумм еще оставался членом Бюро ЦК и участвовал в работе пленума в качестве полноправного делегата. На четвертый день, 24 марта 1950 года, ему предоставили слово для выступления. Оглядывая с высокой трибуны зал, бывший шеф МГБ республики заметил, что места, на которых сидели приглашенные на пленум «ответственные сотрудники» – новый председатель МГБ Москаленко и его заместитель Пастельняк, – пусты. Кумм почувствовал неладное. Действительно, накануне, 23 марта 1950 года, в МГБ республики поступило указание МГБ СССР о проведении по местам работы и жительства заместителя Пред-

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета ЭССР Нигол Андрезен на VIII Пленуме ЦК КП(б) Эстонии был объявлен «буржуазным националистом», 24 марта арестован и осужден на 25 лет заключения. Освобожден в 1955 году.

седателя ПВС Нигола Андрезена и заведующего военной кафедрой Таллиннского политехнического института генерал-майора Лукаса тщательных обысков и выемок,

Действительно, накануне, 23 марта 1950 года, в МГБ республики поступило указание МГБ СССР о проведении по местам работы и жительства заместителя Председателя ПВС Нигола Андрезена и заведующего военной кафедрой Таллиннского политехнического института генерал-майора Лукаса тщательных обысков и выемок, аресте этих лиц и доставке их спецконвоем в следственный изолятор МГБ СССР в Москве. В то время, когда Кумм выступал на пленуме, на квартирах Андрезена и Лукаса шли обыски. Эту важную операцию Москаленко и Пастельняк организовывали лично, они отсутствовали на пленуме и в следующие дни, и даже на закрытии партийного форума 26 марта.

Стенографические материалы пленума нормальному человеку читать нелегко, еще труднее понять выступающих: они не сказали ни одного доброго слова, в зале царила какая-то свирепая атмосфера: уличить, наказать, пригвоздить.... Как сотрудник эстонского КГБ, изучавший в контрразведывательной академии кроме общей психологии еще психологию оперативную, я стараюсь понять, почему люди, вместе отбывшие каторгу, состоявшие в одной партии, жившие по одному уставу, воевавшие против общего врага, вдруг озверели: через пять лет после войны начали исказать среди своих товарищей, братьев по партии и оружию, врагов, быстро их нашли, беспощадно набросились на них, яростно изобличая в разных грехах, большей частью надуманных и неправедных. Что случилось с людьми? Какие мотивы двигали ими в их рьяной борьбе за «верную» идею? И за идею ли? Среди множества людских грехов главными в христианстве считаются семь:

гордыня (тщеславие), зависть, гнев, алчность, похоть, чревоугодие и уныние (лень). Николай Кооль, Аугуст Сипсакас, Анна Брандт, а также многие делегаты VIII пленума страдали по меньшей мере тремя первыми пороками.

Кооль, Сипсакас, Брандт – своими кляузами, другие – злыми и несправедливыми обвинениями на пленуме нанесли прежним товарищам глубокие душевые раны, сломали их жизнь. Но главная причина ярости разоблачителей, пожалуй, была в том, что сверху поступила команда «фас!». Такой драки и избиения кадров, которые шли на пленуме и после него, мир еще не видел: верхушку руководства республики сняли с должности, десятки людей арестовали, сотни были ошельмованы и уволены, а министр торговли Августин Хансен в назидание другим расстрелян. В целом VIII Пленум ЦК КП(б) Эстонии – это показательная порка местного руководства для демонстрации того, в каком направлении надо двигаться республике и кто в стране хозяин. Происходящее на пленуме напоминает собрание секты саентологов: они собирают компромат на своих собратьев (даже прослушивают исповеди), а потом на общем соборе заставляют утративших доверие покаяться, заняться самобичеванием, а потом оголтело побичевать других.

За самокритичное выступление секретаря ЦК Ивана Густавовича Кэбина изберут вместо Каротамма первым секретарем ЦК КП(б) Эстонии, и он неплохо, можно даже сказать, в интересах республики, порулит ею целых 28 лет. Но будем откровенны: Кэбин – не безгрешен, он еще до пленума, тайно, за спиной Каротамма, жаловался на него в Москву, чем расчистил себе дорогу к высшему партийному посту в Эстонии. Опального Каротамма перевели на работу в Москву, а Кэбин никак не мог успокоиться, писал жалобы в ЦК ВКП(б) и от имени партийной организации республики требовал серьезно наказать своего предшественника. Пленум вывел из состава Бюро ЦК также председателя Президиума Верховного Совета ЭССР Эдуарда Пяля и недавно уволенного с поста министра госбезопасности Эстонии Бориса Кумма. Самокритично выступившего на пленуме народного писателя Якобсона избрали членом бюро, и он занял кресло Пяля. Право быть избранными новыми секретарями ЦК заслужили выступившие на пленуме с «правильными» речами бывшие армейские политработники: заведующий отделом пропаганды ЦК Леонид Ленцман и секретари Вильяндиского уездного комитета.

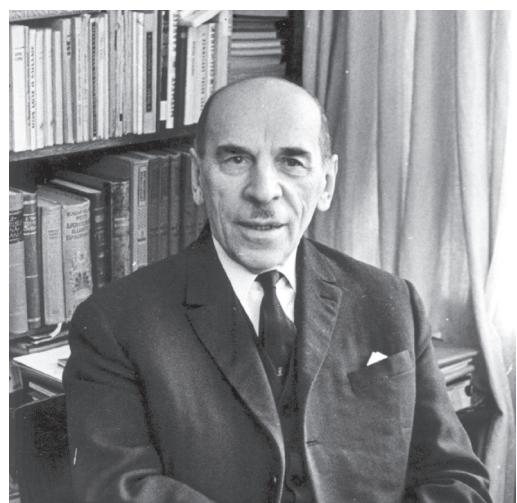
Преемнику Вареса Барбаруса на посту Председателя Президиума Верховного Совета ЭССР Эдуарду Пялю через четыре месяца после мартовского пленума в процессе продолжения непримиримой борьбы с «буржуазным национализмом» пришлоось освободить кресло и передать дела новому хозяину Кадриоргского дворца – Августу Якобсону. ФОТО

Каротамму, в отличие от министра торговли Эстонии Августина Хансена повезло: его не расстреляли, даже не посадили, но позволили жить в Москве и заниматься наукой: уже в немолодом возрасте (63 года) он защитил докторскую диссертацию по экономике. Николай Каротамм умер

в 1969 году, его прах привезли в Эстонию, но похоронить на родине его преемник Кэбин не разрешил, и urna много лет пролежала в мустамяэской квартире в Таллинне под кроватью. Только после Кэбина прах предали земле на почетном месте главного городского кладбища – Метсакальмисту. Может, и не лежать бы Каротамму еще долго в эстонской земле, если бы перезахоронению его праха энергично не помог бывший директор Института экономики АН ЭССР и будущий президент Академии наук Арно Кёёран.

А что стало с разоблачителями? Судя по их дальнейшей судьбе, такая «принципиальность» счастья им не принесла. В значительной мере участники пленума – и критикующие и критикуемые – были ветеранами Эстонского стрелкового корпуса, и я полагал, что Типнер как бывший начальник отдела контрразведки Смерш, хорошо знавший, кто из них что из себя представляет, неизменно возьмет слово и выскажет свое мнение по обсуждаемому острому вопросу. Но, в отличие от других ошалевших, шельмовать фронтовых товарищей он не стал. Правда, и под защиту тоже никого не взял. Однако след в истории республики и Компартии Эстонии старый чекист оставил. В советские времена повсюду висели плакаты: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует советский народ – строитель коммунизма!», «Вперед к победе коммунизма!» и тому подобные, но во дворце Тоомпеа, где проходил пленум, один из лозунгов на эстонском языке призывал идти не к победе коммунизма, а лишь «в сторону победы коммунизма» – «Edasi, komunizmi võidu poole!».

Сразу же, в день открытия пленума, бдительный чекист Типнер заметил, что этот лозунг не-

На мартовском пленуме подвергся критике и был исключен из партии как «буржуазный националист» и «космополит» Председатель Союза писателей Йоханес Семпер (1892–1970). В 1955 году был реабилитирован. Семпер – автор текста гимна Эстонской ССР, действовавшего с 1945го по 1990 год. В 1956 году строфа, в которой упоминалось имя Сталина, была изменена, а 8 мая 1990 года Верховный Совет ЭССР принял закон о признании недействительным наименования «Эстонская Советская Социалистическая Республика» и прекращении использования герба, флага и гимна Эстонской ССР в качестве государственных символов.

точно выражает смысл партийного зова в части строительства коммунизма, и написал об этом записку в президиум. На ней чья-то рука учирила безадресную резолюцию: «Что будем делать?». Прошло два дня, но никто неверный лозунг не поменял, и Типнеру никто не ответил. Тогда он передал в президиум новую записку, в которой, как бы насмехаясь над происходящим в зале цирком, написал: «В президиум Пленума ЦК Вторично поднимаю вопрос о неточном и, пожалуй, неправильном переводе вывешенного в этом зале лозунга: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед к победе коммунизма!». На эстонский язык этот лозунг перевели так: «Lenini lipu all, Stalini juhtimisel edasi kommunismi võidu poole!» В таком переводе этот лозунг не призывает решительно идти «к победе коммунизма», а идти только «в сторону победы коммунизма». По форме перевода как будто ничего нельзя сказать, а по содержанию такой перевод звучит неопределенно. Мне кажется, что правильнее было бы перевести этот лозунг так: «Lenini lipu all, Stalini juhtimisel – edasi kommunismi võiduni!». Просил бы ответить на поставленный вопрос».

Член ВКП(б) Типнер. 24.03.1950

В президиуме кто-то (подпись не прочитывается, но, скорее всего, это Каротамм) проставил в верху записки Типнера красным карандашом большую букву «Т» (видимо, это относится к Таразевичу), подчеркнул этим же карандашом слово «Вторично» и внизу мелким почерком наложил резолюцию: «Надо ответить по существу. Я первым тоже видел, Веймер – тоже». Что в итоге сделали, да и сделали ли что-то вообще по исправлению неверного партийного лозунга, неизвестно, в стенографических материалах пленума я об этом ничего не нашел. Эстонский писатель и историк Калев Таммисту считает, что «Эстонское дело» власти хотели увязать с «Ленинградским делом», но арестованный в Таллинне в конце 1949 года второй секретарь ЦК КП(б) Эстонии Кедров (до этого – секретарь Ленинградского обкома партии) не дал обвинительных показаний на своих новых эстонских товарищах.

Думаю, что при желании такую увязку власти непременно бы нашли. Эти дела нельзя было увязывать потому, что у них, выражаясь профессиональным языком, была разная окраска: у эстонцев – буржуазный национализм и терпимое отношение к кулакам, у ленинградцев – излишняя самостоятельность в принятии решений на местах. Тогдашнее авторитетное ленинградское руководство и выходцы из Ленинграда, переведенные с повышением в Москву, составили Стalinу серьезную угрозу потери власти. Каротамм и Веймер никакой угрозы составить не могли. Если и есть в этих делах что-то общее, то только то, что ленинградцам и эстонцам показали их место и определили, в каком направлении и под чьим мудрым руководством строить социализм. А вот дело лечебно-санаторного управления (ЛСУ) Совмина Эстонии можно легко увязать с ленинградским делом «врачей вредителей», или, как тогда говорили, «врачей убийц».

В августе 1949 года инструктор административного отдела ЦК КП(б) Эстонии Матусевич

Министр иностранных дел ЭССР Ханс Круус (1891–1976) после мартовского пленума был арестован как «буржуазный националист», исключен из состава АН и осужден. В 1954 году освобожден из лагеря, реабилитирован и до 1958 года работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР.

(тот самый Матусевич, который обозвал Каротамма «генерал-губернатором Эстонии») провел с группой нейтральных врачей глубокую проверку состояния лечебного процесса и работы с кадрами в упомянутом ЛС У. Проверкой были вскрыты серьезные ошибки в диагностировании болезней, которые приводили даже к смерти пациентов.

Фамилии больных, которые умерли от неправильного лечения, в справке не приведены, но названа фамилия первого секретаря Хийумаского укома партии Йоханнеса Ундуска, которого в ЛСУ чуть было не залечили до смерти, но другие врачи сумели его спасти, и Ундуск будет долгие годы занимать пост председателя Таллиннского горисполкома (мэра Таллина). В качестве одного из серьезных упущений в работе с кадрами отмечался факт их «засорения» лицами еврейской национальности. Работу по наведению порядка в ЛСУ, обновлению его медперсонала завершили довольно быстро.

В деле я нашел справку, написанную рукой замглавадминистра ЦК Типнера от 27 февраля 1950 года: «По докладной записке т. Матусевича из больницы Лечсанупра уволен в 1949–1950 гг. 21 человек, главным образом по политическим мотивам». Среди уволенных были начальник поликлиники, врачи, медсестры, завхоз, завскладом, повар, работница столовой, официантка, машинистка и даже водитель. Значительный процент уволенных составили евреи. В январе 1953 года МГБ СССР начал реализацию напущенного уголовного дела «врачей вредителей», главными фигурантами которого тоже были евреи. Согласно обвинению, эти врачи умышленно ставили высокопоставленным пациентам неверные диагнозы, а врач Лидия Тимашук якобы под

давлением медицинского начальства даже переписала историю болезни (инфаркт миокарда) секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Жданова, который от неправильного лечения вскоре умер.

Почему ленинградское дело «врачей вредителей» не объединили с эстонским делом ЛСУ? Возможно, потому, что дело ЛСУ от 1949 года к 1953 году подзабылось, а возможного главного обвинителя Пастельняка, который мог бы разуть это дело, уже два года не было в Таллинне: он был уволен со службы по болезни и покинул республику. Правда, информация о деле ЛС У дошла до него, и он даже запросил материалы этого дела у замглавадминистра ЦК КП(б) Эстонии Типнера, но последний отказал, сославшись на то, что материалы ЦК сторонним организациям не высыпаются, и предложил Пастельняку прийти в ЦК и на месте ознакомиться с интересующими его материалами. Но замминистра госбезопасности полковник Пастельняк предложением не воспользовался: то ли не хотел унижаться перед бывшим начальником ОКР Смерш ЭСК Типнером, то ли был уже мыслями на гражданке.

После смерти Сталина репрессированных ленинградских «врачей убийц» реабилитировали. Одним из моих хороших коллег по службе в Аналитическом управлении 2го Главного управления контрразведки СССР (1978–1983) был полковник В. Н. Правоторов. Он работал в отделении, занимавшемся расследованием и анализом чрезвычайных происшествий на оборонных и крупных народнохозяйственных объектах. Владимир Николаевич был уже немолод, со слабым слухом, но умом и здоровьем крепок, имел большой опыт оперативной работы, и его держали на службе как живую легенду (он – участник дерзкой десантной операции 1945 года по захвату в тылу у японцев и вызову в Советский Союз начальника контрразведки Квантунской армии). Владимир Николаевич жил в Москве на Мичуринском проспекте и имел за городом дачу, где держал восемь кур и одного горластого петуха. Полковник любил наблюдать за пернатыми и заметил в их поведении строжайшее соблюдение иерархического правила: на ночь петух всегда садился на верхний шесток, а его гарем – на нижний. Никогда ни одна курица не смела сесть рядом с ним.

На старости лет Владимир Николаевич решил ликвидировать «птицеферму» и начал с петуха. К его большому удивлению, после петуха его место заняла одна из восьми куриц, другие семь садились на нижний шесток. Эксперимент продолжился, и история повторялась. Наконец остались две курицы, и полковник подумал, что теперь подружки будут сидеть рядом и согревать друг друга боками. Но не тут-то было: одна взлетела на верхний шесток и другую туда не пустила. Вот так и с человеческим обществом, людьми. Кто-то из более решительных, нахрапистых, наглых и удачливых всегда займет верхний шесток, и не обязательно он будет самым умным, честным и порядочным. А мы с вами – на нижнем.

Байку Владимира Николаевича я слышал от него сорок лет назад и уже забыл про нее, но, приступая к работе над настоящей главой,

вспомнил, так как эта поучительная история отлично иллюстрирует рассматриваемую тему.

Вихри случаются тогда, когда встречаются холодный и теплый потоки воздуха, и чем больше разница их температур, тем сильнее разрушительная сила стихии. В марте 1950 года на пленуме ЦК Компартии Эстонии встретились два идеологических потока. Большая часть коренного населения (к ней я отношу и живущих на территории довоенной Эстонской Республики неэстонцев) политику советизации и коммунистическую идеологию приняли без энтузиазма, и я бы сказал – даже враждебно. Этим людям нелегко было расставаться с устоявшимся укладом жизни, со своими взглядами, символами, традициями, праздниками, песнями.

Эстонские коммунисты видели строительство новой жизни, коллективизацию по-другому. Они не испытывали тех репрессий, которые имели место в СССР, поэтому еще не слишком боялись открыто высказывать свое мнение. Для эстонского общества западная социал-демократическая идеология была ближе сталинской. Поэтому перестройка жизни на советский лад шла трудно, не хватало опытных партийных кадров, их начали присыпать из других регионов большой страны. «Пришлые» столкнулись в Эстонии совсем с другим укладом жизни, это их раздра-

жало, и они принялись ломать этот старый «буржуазный» порядок, устанавливать новые советские традиции, праздники, символы, требовать новых патриотических, в их понимании, песен, книг, памятников.

С временем во всем партийном руководстве, не только в ЦК КП(б) Эстонии, но и на предприятиях, в организациях, учреждениях, на местах в уездах и волостях «пришлых» стало большинство, в партии образовалась критическая масса, в итоге на пленуме при большой организационной работе партии и задействовании оперативных сил спецслужбы произошел идеологический взрыв.

ЕВГЕНИЙ СМИРНОВ

Курсантский суицид

В НОЯБРЕ 2024 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ТАЛЛИНСКОЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ. ЭТО И ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ДАТА. КОНЕЧНО, СЕГОДНЯ, ОТТАЛКИВАЯСЬ ОТ ГОСПОДСТВУЮЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ, ДАЁТСЯ ИНАЯ ОЦЕНКА ВСЕГО ТОГО ВРЕМЕНИ. НО Я УВЕРЕН, ЧТО ДЛЯ ТЕХ, КТО ЗАКАНЧИВАЛ ЭТО УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ, ПЕРИОД УЧЁБЫ СТАЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЯРКИХ, ПРИЯТНЫХ И ЗАПОМИНАЮЩИХСЯ ПЕРИОДОВ В ЖИЗНИ. Я НЕ БУДУ ПЕРЕЧИСЛЯТЬ ИЗВЕСТНЫХ МНЕ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ, ПОКАЗАВШИХ НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОМ ПОПРИЩЕ СЕБЯ ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ И ДОСЛУЖИВШИХСЯ ДО ВЫСОКИХ ЗВАНИЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ. Я ПРОСТО ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО ВО ВРЕМЯ УЧЁБЫ ВСЕ ОНИ БЫЛИ МОЛОДЫМИ РЕБЯТАМИ – КУРСАНТАМИ И СДЕЛАТЬ НЕСКОЛЬКО ЗАРИСОВОК ИЗ ИХ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА.

Заместитель начальника курса по политики-воспитательной работе капитан милиции Николай Николаевич Лугин был в этот последний воскресный мартовский день дежурным по школе. Недавно закончился завтрак, и почти все курсанты разошлись в увольнение. Весенне солнышко днём уже довольно прилично припекало, напоминая сотрудникам и учащимся школы о приближающихся экзаменах, отпусках и каникулах, хотя по ночам, отступившая по всему фронту зима, всё ещё угрожала лёгкими заморозками.

Николай Николаевич расслабленно откинулся на спинку мягкого кресла в комнате дежурного. Тишина и спокойствие. Солнышко греет через широкое окно, настроение хорошее, в общем почти полное довольство. Ещё одно обстоятельство согревало и тешило душу замполита. Неделю назад ему по секрету сообщили из отдела кадров, что в министерство направлены документы на досрочное присвоение капитану милиции Лугине очередного звания – майор милиции. Мечты о погонах с двумя просветами и большими звёздочками на них превращались в реальность. Однако, когда реализация мечты становится всё ближе, томительность ожидания становится всё длиннее и тревожнее. Ах, как бы чего не случилось.

Курсант первокурсник вбежал в дежурку и рас terrainno уставился на блаженствующего офицера.

– То...то... товарищ капитан, таам ку... курсант повесился», – мямлил он, указывая трясущейся рукой на выход из дежурной комнаты.

– Где там? – переспросил капитан, ещё не осознав смысла сказанного.

– Тааам, где кочегарка.

– Что ты там делал?! – огрызнулся замполит тоном опера, раскальзывающего подозреваемого. До него ещё не до конца дошла суть сообщения.

Он скорее немного обозлился, что его вывели из состояния лёгкой истомы, чем встревожился. По-видимому, настроенное на позитив сознание Николая Николаевича отказывалось признавать даже возможность такого происшествия, исходя из принципа «Да этого не может быть, потому что быть не может», тем более в моё дежурство.

– Да я туда пошёл посмотреть, может угля надо подвести, чтобы к вечеру подбросить, я же кочегар с этого месяца, – начал оправдываться курсант, а не излагать увиденное. Дело в том, что в то время, (я учился в 1974-1976 годах), штатного кочегара для спального корпуса школа не держала, а кочегари согласившееся подрабатывать за небольшую доплату к стипендии курсанты.

Тут уже и капитан врубился в тему. От недавнего благодушия не осталось и следа. Он хотел позвать помощника, чтобы тот посидел у телефона, но вспомнив, что отправил его в учебный корпус отрывисто скомандовал кочегару: «Пойдём, покажи!» Тревога охватила всё тело замполита от пяток до окольыша фуражки, которую машинально надел при выходе.

– Я стал спускаться в кочегарку, таам, таам темно, – путанно объяснял произошедшее курсант, – а он таам, таам висит на трубе.

– Ху..., хрен мне, а не майора, – вульгарно в полголоса выругался капитан наконец, реально оценив ситуацию. Будучи культурным и воспитанным офицером, он выругался настолько вульгарно и матерно, насколько позволял ему материться сан пастыря молодых курсантских душ.

– Тут не только майора не получишь, но и маленьких звёздочек не досчитаешься, если не больше... Оргыводами о недостатках в политики-воспитательной работе добьют», – горестно рассуждал он, следя за молодым человеком, о

своей нерадостной служебной перспективе. Кочегарка располагалась в полуподвальном помещении спального корпуса. Спускаясь по тусклой освещённой лестнице, замполит вдруг вспомнил не только о своей горестной судьбе, но и о горестной судьбе покончившего с собой курсанта. «Кто же это такой, что его толкнуло на этот поступок. Вроде никакой дедовщины у нас и быть не может. Может что-то дома стряслось...? Эх не сносить и мне головы», – вернулся он опять к своей нелёгкой доле.

Курсант остановился, прижалвшись к стенке, и то ли из-за страха, то ли из субординации пропустил офицера вперёд себя, указав рукой на место, где висел человек,

висевшая под потолком на проводе электрическая лампочка с металлическим абажуром тускло освещала вход в кочегарку. Справа от входа в небольшой вертикальной нише для водопроводных труб Николай Николаевич почти в полной темноте впервые разглядел силуэт человека, по-видимому, в шинели, висевшего над полом.

Он стал осторожно подходить к висельнику. И суеверный страх, и какая-то брезгливость овладели им. Ему впервые стало жаль этого бедолагу, так безрассудно прервавшего свою жизнь. «Как хорошо, что здесь так сумрачно и курсант не видит моего состояния», – подумал он и, вытянув руку сделал более решительный шаг вперёд. Запнувшись за какой-то тяжёлый предмет, замполит потерял равновесие и стал падать в направлении трупа. Ударившись головой о висевшее тело, он потерял фуражку, но зато на его голову свалилась другая, примерно такого же размера, которая наверное была на самоубийце.

Ужас и брезгливость вновь овладели офицером милиции, но он мгновенно овладел собой, соображая, что же делать дальше. Курсант кочегар догадался при помощи швабры направить свет лампочки в сторону места происшествия. И тут Николай Николаевич разглядел, что перед ним болтается одетая в милиционскую шинель, подвешенная на верёвке к водопроводному стояку борцовская тренировочная кукла, на которой курсанты отрабатывали приёмы во время занятий по самбо. Он злобно взглянул на кочегара, который одной рукой по-прежнему держал швабру направляя свет лампочки в его сторону, а другой

зажимал ладонью рот, чтобы не рассмеяться так как, скорее всего, тоже догадался, кто там свёл счёты с жизнью.

– Ты, что ли, это сотворил, паршивец?! – закричал возмущённый офицер. – Накажу по полной программе...

– Нет-нет, товарищ капитан, я не знал, я сам сильно испугался, думал, что тут и правда висит покойник.

Замполит резким движением, уже без брезгливости, сдёрнул с куклы шинель, обнажив выпирающие из-под разорванной обшивки изделия ватные внутренности. «Да, – с ироничным сожалением подумал он, – Похоже, что самоубийца перед тем как вздрнуться на верёвке, совершил самурайский обряд харакири». И сам рассмеялся. – Слушай, дружище, – уже мягко, по-панибратски обратился он к курсанту, – Ты уж, это...

не рассказывай никому про наше приключение, а то ведь засмеют и тебя, и меня. И ещё мой тебе совет: не пропускай занятия по судебной медицине. Ты ведь, наверное, опером собираешься стать. И приберись здесь, пожалуйста.

И будущий майор в хорошем настроении пошёл исполнять свой служебный долг, ведь к нему опять вернулась уверенность в скором повышении звания.

АЛЕКСЕЙ СОЛДАТЕНКО

Чёрный паровоз

ХОЧУ ПРЕДСТАВИТЬ ВАМ СВОЙ НОВЫЙ РАССКАЗ «ЧЕРНЫЙ ПАРОВОЗ». ДУМАЮ, ЕГО ПОДОСТОИНСТВУ ОЦЕНЯТ ЛЮБИТЕЛИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА. ДВУХ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ВЫ УЖЕ ЗНАЕТЕ ИЗ МОИХ ПРОШЛЫХ РАССКАЗОВ. ОНИ ВСЕ ТЕ ЖЕ – АЛЕКСЕЙ И ЯН МЯКИНОВ. ДВА КОМИССАРА, РАБОТАЮЩИЕ В ОТДЕЛЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЛИТВЫ. РАССКАЗ УНЕСЁТ ВАС В ДАЛЕКИЕ ДЕВЯНОСТИ, В Г. ВИЛЬНЮС. ВЫ ОКУНЕТЕСЬ В АТМОСФЕРУ ТОЙ ПОРЫ, КОГДА «ВДРУГ МОЖНО СТАЛО ВСЕ». УДАЧНЫМ МОМЕНТОМ ЛЮДИ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ КАК МОГЛИ, А ПОТОМУ ЭПИТЕТЫ «БАНДИТСКИЕ», «ЛИХИЕ», «СТРАШНЫЕ» ПРОЧНО ЗАКРЕПИЛИСЬ ЗА ЭТИМ ОТРЕЗКОМ ВРЕМЕНИ. КОСНУЛОСЬ ЭТО И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГДЕ Я ОТРАБОТАЛ 30 ЛЕТ. РАССКАЗ «ЧЕРНЫЙ ПАРОВОЗ» ОСНОВАН НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ. ВСЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ГЕРОИ – НЕ ВЫДУМАННЫЕ, А РЕАЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩИЕ ЛЮДИ. ФАМИЛИИ НЕКОТОРЫХ, ПО ЭТИЧЕСКИМ СООБРАЖЕНИЯМ, Я НЕМНОГО ИЗМЕНИЛ. ПОЧЕМУ ИМЕННО «ЧЕРНЫЙ ПАРОВОЗ»? СМЫСЛ НАЗВАНИЯ РАСКРОЕТСЯ В КОНЦЕ РАССКАЗА. НЕ ОБОЙДЁТСЯ И БЕЗ МИСТИКИ. ПОВТОРИОСЬ, ЭТО НЕ ПЛОД МОЕЙ ФАНТАЗИИ, А РЕАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ СО МНОЙ И МОИМ ДРУГОМ.

АВТОР

– Ну что, Янушек, как дела? – вбежав в кабинет, прокричал Алексей. – Жарища-то какая! Может по рюмашке?

– Ага. Вот только разбег возьму... – пробубнил Мякинов. – Сейчас Рачковский, или Мажуйков позвонит и понесемся мы с тобой к какой-нибудь бениной маме. Аж срака в мыле, как понесемся! А ты – по рюмашке...

Алексей, наконец успокоившись, присел на краешек стола и задумчиво почесал затылок. Помолчал немного, понаблюдал за Мякиным и грустно промямлил:

– Злой ты, Янушек...

– Чего это я злой? – спросил тот.

– Ну, не добрый какой-то...

Ян еще раз посмотрел на комиссара и уселся за стол.

– Смотри, если передумаешь, я у себя, – бросил Алексей, выходя из кабинета.

В кабинете разрывался телефон. Комиссар, подходя к двери, услышал знакомый звук звонка прямой телефонной линии с заместителем генерального комиссара полиции Рачковским. Второпях все никак не мог найти на связке нужный ключ: в замочную скважину пихал то один, то другой. Наконец, подбрав нужный, открыл дверь. Полубегом подскочив к телефону, схватил трубку:

– Слушаю, главный комиссар!

– Значит так, Алексей, – лениво пропел голос, – на пограничном посту в Мединикай задержан некий гражданин Казахстана и вместе с ним еще пять человек из

того же Казахстана. Один из них все время размахивает корочкой, что он, типа, очень большой начальник. Они гнали шесть машин из Республики Беларусь. Пограничники проверили и оказалось, что все шесть, ворованные. Согласно инструкции, водители опрошены и отпущены, так как уверяют, что не знали, что машины в угоне. Транспортные средства задержаны и готовы для передачи нам, то есть вам, сотрудникам Главного управления уголовного розыска...

– Отгоним в Рудининкай, на территорию учебного центра, – перебил Рачковского комиссар.

– Есть там еще место? – осведомился главный комиссар.

– Ну, потеснимся как-то. На сегодняшний день у нас, на территории учебного центра, уже хранятся сто тридцать семь, в других странах похищенных, машин, – доложил Алексей.

– Материалы дела вам передадут вместе с машинами. Отправляйтесь...

– Слушаю! – выкрикнул комиссар и положил трубку.

II

Не торопясь, Алексей закрыл кабинет и, крутя на указательном пальце связку ключей, лениво поплелся к своему подчиненному, начальнику подотдела по расследованию краж автотранспорта, Мякинову Яну. Медленно зашел и взгромоздившись на подоконник, свесив ноги, стал наблю-

дать за сотрудниками подотдела. Кроме Яна здесь были инспектора Вайдас Гринкевич, Аудрюс Абрамонов и Эдита Потапова.

– Ну, что, Мякинов, нехороший ты человек, – наконец проворчал комиссар, – накаркал ты злым своим языком. Негодяй такой...

– Че это я накаркал? – осведомился Ян.

– Да я насчет Рачковского, – проскрипел Алексей, – не успел я в кабинет зайти, а он уже трезвонит...

– И что?

– Да ничто... Говорят, на границе в Мединикай задержали аж целых шесть машин ворованных.

– Да ты че? Многовато будет, – пошутил Мякинов.

– Вот... Гнали их какие-то граждане Казахстана. Их опросили и отпустили. А с ними еще какой-то наглец был. Рачковский говорит, все удостовериением размахивал. Типа помощник, или советник президента Казахстана. Ну, вот как-то так. Приказано пригнать все машины к нам на стоянку в Рудининкай. Весь материал пограничники передадут нам вместе с машинами, – вздохнул комиссар.

– Ясно. Когда поедем? – осведомился Ян.

– А че мы с тобой, такие большие начальники, попремся невесть куда? – встрепенулся комиссар, вот пусть твои архаровцы и едут. Вайдас, Аудрюс и Эдита. А еще я дам Ромаса, Арвидаса и Вальдаса из подотдела по расследованию краж личного имущества. Пусть пробздятся. Засиделись в кабинетах, понимаешь...

– А мы что? – развел руками Мякинов.

– А мы с тобой водку пить будем, Янушек! Закроемся в кабинете и пить будем, пока они не приедут. Соответственно, переживать за них будем, связь по телефону поддерживать, инструктировать их, так сказать, в онлайн режиме, используя средства коммуникации, ну и все такое прочее...

III

Уже вечером того же дня, все транспортные средства – четыре «Mercedes-Benz» и две «Audi» были на стоянке учебного центра Министерства внутренних дел в поселке Рудининкай.

На следующее утро, сотрудники подотдела по расследованию краж автотранспорта зарегистрировали полученные документы в канцелярии и принялись изучать их. Разослали соответствующие запросы по линии Интерпола и уже через несколько дней получили ответ, что все машины были украдены в Республике Беларусь, а совсем скоро стали происходить очень интересные события с далеко идущими последствиями...

IV

Сегодня Алексей пришел на работу раннее. Зашел в кабинет, открыл окно. Плюхнувшись в свое удобное кресло, закрыв глаза, стал наслаждаться утренней прохладой. Не хотелось ничего делать и комиссар решил кимарнуть, минут этак пятнадцать, двадцать. Зазвонил телефон, но комиссар не спешил поднимать трубку.

«Семь сорок пять. Кому в голову пришло звонить за пятнадцать минут до официального начала рабочего дня?» – подумал он и устроился в кресле поудобнее.

Через минуту звонок прекратился, однако вскоре зазвенел вновь. Алексей опять не поднял трубку. Звонили еще несколько раз, однако теперь комиссар принципиально решил не отвечать.

«Наглец какой-то», – подумал он.

Сон улетучился. Потянувшись, как мартовский кот, он поднялся с кресла и пошел шляться по коридорам Министерства внутренних дел. Зашел в «дежурку», потребовался с дежурным, рассказал ему смешной анекдот и поплелся в кабинет. Еще в коридоре услышал телефонный звонок. Открыл дверь, зашел в кабинет. Посмотрел на часы. Стрелки показывали восемь часов пятнадцать минут. Нехотя Алексей потянулся к телефонной трубке.

– Слушаю, – томно выдавил из себя.

– Здравствуйте! – послышался на другом конце голос.

«Явный кавказский акцент», – отметил про себя комиссар, а вслух произнес:

– Говорите, слушаю вас...

– Меня зовут Алтынбек, – сказал голос.
– Алтынбек Исмаилов. Я являюсь советником президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева по вопросам внешней политики.

Алексей сразу догадался, о чем пойдет речь. Это явно был тот наглец, о котором упомянул заместитель генерального комиссара полиции Рачковский.

– Слушаю вас, – повторил комиссар.

– Я бы хотел поговорить с вами, но не по телефону, – пробурчал голос.

– А что, есть тема? – шутливо спросил Алексей.

– Да есть, есть тема, – как-то нервно ответил голос.

– Через 20 минут зайдите в приемную МВД. На ваше имя я выпишу пропуск. Зайдете в 315 кабинет.

– До свидания, – сказал голос и человек, находящийся на другом конце провода, повесил трубку.

V

Через некоторое время в кабинет комиссара Отдела по расследованию имущественных преступлений МВД Литвы поступали.

– Заходите! – выкрикнул Леха и в открытую дверь тут же протиснулось тело не худенького человека, держащего в руке носовой платок, которым он беспрестанно протирал вспотевший лоб.

– Садитесь! – предложил комиссар, кивнув на рядом со столом стоящий стул.

Гость, даже не поблагодарив, тут же усадил свой толстый зад и уставился на комиссара.

– Итак, слушаю вас! – начал Алексей, – вы сказали, что у нас есть какая-то общая тема для разговора.

– Да-да, конечно! – расплылся в улыбке толстяк. – Сначала представлюсь. Я являюсь советником президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева по вопросам внешней политики.

– Я знаю. Вы мне уже говорили об этом, – безучастно отозвался комиссар.

Незнакомец стал ковыряться у себя в сумке.

– Сейчас, сейчас я покажу вам удостоверение. – Промямлил он.

– В этом нет совершенно никакой необходимости. Я вам верю, – сказал комиссар, пристально изучая пришельца, – изложите суть вашего дела.

– Да-да! – засуетился незнакомец. – Так вот, о деле. На прошлой неделе я и еще пятеро моих друзей из Республики Беларусь гнали шесть машин. Четыре «Mercedes-Benz» и две «Audi». Эти автомобили мы купили в Беларуссии совершенно легально и официально. На литовско-белорусской границе в Медининкай нас всех задержали и изъяли нами купленные машины, сообщив о том, что они все, якобы, ворованные.

– Я знаю этот случай. Дальше что? – строго сказал комиссар.

– Так сами и посудите. Мы приехали в Беларусь и на совершенно легальном основании купили шесть машин. Эти автомобили литовская таможня у нас отобрала и материалы дела передала вам. Я требую вернуть нашу собственность. Мы должны доставить эти транспортные средства в Казахстан.

Алтынбек каким-то совершенно тупым взглядом уставился на комиссара.

– Это все? – коротко спросил Алексей.

– А что еще? Верните нам наши машины.

– Объясняю ситуацию, – начал комиссар, – начнем с того, что все машины находятся на хранении в нами установленном месте. Согласно справке Интерпола, они были похищены в Республике

Беларусь. Далее ситуация будет разворачиваться следующим образом. Граждане Белоруссии, у которых были украдены эти транспортные средства, или другие собственники, такие, например, как страховье компании, будут информированы о том, что автомобили найдены и находятся у нас. Им будет предложено обратиться в суд Литвы с просьбой их вернуть. Если вы, покупая, не знали, что машины ворованные, то, как и граждане Белоруссии будет иметь возможность отстаивать свои интересы в суде. Суд решит кому отдать транспортные средства, вам, или тому, у кого они были похищены. А до того они будут храниться у нас. Такова инструкция «О порядке возвращения ранее похищенных машин». Подтверждена, кстати, приказом министра внутренних дел, – устало договорил комиссар.

Алтынбек в очередной раз вытер вспотевший лоб и просипел:

– Мы же разумные люди, комиссар! Если исполнять все по инструкции, расследование затянется на невесть какое время. Давайте договоримся. Скажите, сколько?

– Сколько чего? – осведомился Алексей.

– Да ясно чего! Денег сколько дать, комиссар? Говори, не стесняйся! – пояснил Алтынбек.

– Вот что, уважаемый... я мзду не беру, – нервно начал комиссар, – и действовать мы будем согласно инструкции и не иначе. А она предусматривает именно то, о чем я вам говорил.

– За каждую машину я дам вам по две тысячи долларов. Больше не могу. Подумай, комиссар, до завтра, – проговорил Алтынбек. – А я завтра часа в два позвоню. Не надумаешь, я с другими решу этот вопрос, – обронил посетитель.

Алтынбек встал и подошел к двери. Последний раз кинув взгляд на комиссара, произнес:

– Думаю, что мы с вами поладим. Иначе я по-другому решу этот вопрос. Я деловой человек и привык всегда быстро решать неожиданно возникающие проблемы.

– Прощайте! – выдавил из себя Алексей еле сдерживаясь.

– До свидания. До скорого свидания! – уточнил Алтынбек, закрывая дверь в кабинет.

VI

Стакой наглостью комиссар редко сталкивался. Виданное ли дело. По-другому он решит...

«Ну, попробуй, чертушка, реши по-другому...» – подумал Алексей и пошел в кабинет к Мякинову рассказать о случившемся.

Яна в кабинете не было. Его вообще не было до самого вечера и комиссару не удалось с ним поговорить.

На следующий день, с самого утра, Алексей зашел к Яну в кабинет и стал рас-

сказывать про просьбу Алтынбека. Мякинов очень внимательно выслушал комиссара и загадочно произнес:

– Ни к тебе одному приходил этот Алтынбек. Да, кстати, как ты так быстро имя его запомнил? Я никак не могу.

– А я ассоциирую с чем-либо. Его имя мне сразу ассоциируется с деньгами. Когда-то такие деньги были. Алтын монета называлась.

– Ясно, – вымолвил Ян. – Так вот, ни к тебе одному вчера он приходил.

– Да? – удивился Алексей.

– У меня он тоже был. Только вечером.

– Так тебя же вчера не было весь день! – вспомнил комиссар.

– А где я был, по-твоему? Как ты думаешь? – оживился Мякинов. – Пригласил он меня в кабак, посидели, выпили. А потом он стал говорить все, о чем ты рассказал. Да. И про то, что сможет решить вопрос «по-другому» тоже намекал. Тут я не выдержал и ушел. Кстати, ушел, заплатив за себя. Не ругался, просто встал и ушел, сославшись на дела...

– Говнюк он, Янушек. Это точно... – проглямлил Алексей, откинувшись в кресло. – А еще сегодня он мне в два часа обещал позвонить. Узнать, так сказать, возьму ли я деньги.

– Расскажешь потом! – бросил Ян.

VII

Комиссару было ужасно интересно, как будут разворачиваться дальнейшие события. Поэтому в своем кабинете он был уже в 13:45, чтобы ждать звонка.

Телефонный звонок разорвал тишину в тринадцать пятьдесят пять.

– Не терпится тебе, засранец, – буркнул сам себе Алексей и поднял трубку. – Слушаю. – Проговорил он, совершенно безразличным голосом.

– Это Алтынбек! – официально представился голос.

– Да! – коротко ответил комиссар.

– Я надеюсь, комиссар, что вы приняли правильное решение. Жду от вас ответа, – командным голосом произнес Алтынбек.

– Как вы и предположили, я принял правильное решение. Мало того, не только правильное, но еще и законное. Оно предусматривает все мои действия и действия моих подчиненных в рамках инструкции, о которой я вам уже подробно рассказал в нашей прошлой беседе. Машины будут у нас до тех пор, пока суд окончательно не определит, кому их вернуть.

Алексей хотел еще что-то добавить, но Алтынбек перебил его:

– Глупый ты, комиссар... Ты не взял, возьмут другие. Глупый ты... – цинично повторил он.

Алтынбек звонил не только Алексею. После разговора с комиссаром он еще позвонил и Яну. Разговор был короткий. Мякинов ему сказал то же самое, что и Алексей.

– Разнервничался и трубку бросил, – пояснил Ян. – Еще обозвал как-то, – доложил он комиссару.

– Да и хрен с ним, думаю не раз еще позвонит, – буркнул Алексей и поплелся в буфет чаевничать.

VIII

На следующий день, с самого утра, Алтынбек позвонил комиссару и предложил встретиться, поговорить в последний раз. Тот долго отказывался и тогда Алтынбек предложил:

– А давайте вы с Мякиновым выйдете к Министерству внутренних дел. Я хочу сказать вам буквально несколько слов. Это не отнимет у вас много времени.

– Ну, хорошо, давай, через минуту будем у входа, – согласился комиссар.

Нехотя пошел к Яну в кабинет.

– Слыши, Янушек, этот черт опять звонил.

– И чего ему еще не хватает? – осведомился тот.

– Говорит, пару слов вам с Мякиновым скажу. Просит выйти на улицу. Он будет у входа ждать.

– А оно нам надо? – поинтересовался Ян.

– Может и не надо, но давай, в последний раз послушаем его умозаключения, – предложил комиссар.

– Пошли тогда, – согласился Мякинов.

У входа, как и обещал, ждал Алтынбек. Он сразу же подошел к комиссарам и с нескрываемым раздражением, потрясая указательным пальцем у лица Алексея, произнес:

– Вы не знаете с кем связались! Я все равно заберу машины. Я уже вышел на нужных людей. Они все решат! А вы оба будете уволены из органов внутренних дел! Поверьте, я никогда не бросаю слов на ветер!

– Ты не нервничай так, – совершенно спокойным тоном произнес Алексей, – вон, морда вся красная. Давление поднимется, еще пукнешь ненароком. Да и пальчиками советую не махать у моего лица. А то загну тебе их в другую сторону...

– Смейтесь, смейтесь. Очень скоро все решится! Выкинут вас, как собак паршивых! – прокричал Алтынбек.

Алексей посмотрел на Яна и, по-дружески обняв за плечи, произнес:

– Смотри Янушек, вот эта черная обезьяна нас с тобой уволит! Ха-ха-ха!

Комиссары, развернувшись, пошли в здание Министерства внутренних дел. Алтынбек еще что-то злобно кричал им вслед, но они больше не обращали на него никакого внимания.

– Задохнется он от своей злости, Янушек! Ну, что он нам сделает? – произнес Алексей похлопывая по плечу Мякинова.

– Это точно! – согласился с ним Ян.

IX

На следующий день, с самого утра, Мякинов буквально влетел в кабинет к комиссару. Уже с порога он затарахтел:

– Представляешь, Лешь, мне сон приснился! Яркий такой!

– Эка невидаль! Сон он приснил. Ну, приснил и что? – безучастно вымолвил комиссар. – Про что, сон-то?

Мякинов как-то странно посмотрел на комиссара. Присел и, наконец успокоившись, продолжил:

– Снилось, что стоим мы с тобой, Лешь, на перроне. И тут вдруг несется мимо нас по рельсам, огромный такой, черный-черный паровоз. Не поезд, а именно паровоз! – уточнил Мякинов. – Дым из трубы черным шлейфом валит.

– И? – проронил комиссар.

– Ну вот, – продолжил Ян, – а мы с тобой оба стоим одетые в форму. В парадную, кстати. С аксельбантами. В орденах и медалях. Этот страшный паровоз на огромной скорости проехал мимо, не остановившись. За ним следовал такой ужасный вихрь, что мы с тобой вообще на ногах еле удержались. И когда вихрь стал утихать, я вдруг заметил, что у тебя на форме все погоны, медали и аксельбанты стали расплываться и стекать, словно они были сделаны из воска. Я тебе и говорю: «Посмотря, мол, Лешь, на себя. У тебя все с формы сваливается», – а ты мне отвечаешь: «На себя посмотри!». Я глянул, а у меня самого все погоны и медали поплавились. Ну, вот такой какой-то сон. Очень яркий. Я таких и не видывал...закончил рассказ Мякинов.

Комиссар очень внимательно выслушал Яна и заметил:

– Вещий сон, Янушек, вещий. Кто только нам его расшифрует?

– Да надо ли? – сказал Ян.

– Может и не надо, – буркнул Алексей, – пошли в буфет, чайку попьем!

– А давай! – вставая, согласился Мякинов.

Чайку попить было не суждено. Зазвонил телефон. Алексей поднял трубку:

– Слушаю!

Говорил Олег Мажуйков, начальник Управления уголовного розыска МВД Литвы:

– Алексей, там у вас в отделе есть материал по машинам, задержанным на границе в Медининкай.

– Есть такой материал! – отрапортовал комиссар.

– Принеси мне.

– Слушаюсь! – ответил тот и положив трубку, буркнул Яну, – принеси материал по машинам этого Гарри Алибасова.

– Кого-кого? – осведомился Ян.

– Ну, Алтынбека этого, семь раз нерусского, прости, Господи...

– А кто просит-то?

– Да Мажуйков интересуется. Я думаю, началось, Янушек...

- Что началось?

- Да давление на нас с тобой началось, за эти машины... Неси давай материал!

Через пять минут на столе у комиссара уже лежали все документы по задержанным на границе машинам. Алексей сунул документы в какую-то папку и поспешил к Мажуйкову. Зашел в приемную и попросил секретаршу доложить о том, что он принес документы.

Секретарша, видимо, только что приготовила кофе и поставив чашку с сахарницей на поднос, поправила юбку. Взяла поднос и взглядом попросила открыть ей дверь в кабинет. Алексей немедленно открыл, пропуская секретаршу. Та, проходя, второпях кинула:

- Подождите. Сейчас доложу!

Комиссар закрыл за ней дверь и принялся ждать. Очень скоро она появилась. Поставила пустой поднос на подоконник:

- Старший комиссар просил вас оставить материал для ознакомления. Можете передать мне.

- Я хотел на словах еще кое-что передать Мажуйкову, - начал было Алексей, но секретарша, строго посмотрев на него, очень медленно проговорила:

- Приказано оставить материал. А сейчас старший комиссар очень занят. Он не примет вас. До свидания.

Положив документы на стол секретарши, он выдавил из себя:

- До свидания, - и вышел из приемной.

Через сорок минут Мажуйков позвонил комиссару. Без всякой прелюдии, старший комиссар перешел к делу:

- Я ознакомился с материалом. Ну, ситуация простая. Люди купили транспортные средства, не зная, что они находятся в угоне. Думаю, будет правильным вернуть эти машины, так сказать, добросовестным приобретателям, а граждан Белоруссии, у которых они были похищены, информировать о том, что они могут обратиться в суд, где будут доказывать свое право собственности на эти автомобили.

Алексей лишь поморщился от слов старшего комиссара и, пытаясь держать себя в руках, очень медленно, произнес:

- Согласно нашей инструкции, такие действия возможны только в том случае, если добросовестные приобретатели краденых автомобилей являются гражданами Литвы. Тогда мы можем разрешить им пользоваться машинами без права выезда за границу. Таким образом мы создаем условия для того, чтобы пострадавшая сторона могла обратиться в суд Литвы, где обе заинтересованные стороны будут доказывать свое право на обладание транспортным средством. Если отдадим эти автомобили, их тут же вывезут из Литвы и потеряются в бескрайних просторах Российской Федерации. Мы лишим граждан Белоруссии возможности защищать свои интересы в суде Литвы...

Мажуйков хотел перебить комиссара, но тот, повысив голос, закончил свою речь:

- Кроме того, мы нарушим положения инструкции, подписанной министром внутренних дел Литвы. Любая проверка обнаружит грубейшие нарушения и всем нам снимут головы.

- Кому это снимут головы? - уточнил Мажуйков.

- Ну, в первую очередь, вам, так как на документах возврата транспортных средств должна стоять ваша подпись. А потом уже мне и Мякинову...

Мажуйков какое-то время помолчал и совсем неожиданно произнес:

- Приди, забери материал. Я не могу вас неволить. Поступайте как знаете...

Секретарша уже ждала Алексея. Увидев зашедшего комиссара, пододвинула на краешек стола документы:

- Забирайте! - коротко сказала она и достав из косметички пудреницу, стала припудривать свой маленький носик.

X

Алексей зашел в кабинет к Мякинову и положил на стол документы.

- Поздравляю, Янушек! Первый удар мы выдержали. А теперь посмотрим, что дальше будет.

Мякинов посмотрел на комиссара и как-то хитро прищурился:

- Ну что, давил Мажуйков? Как отстрелялся? Красноречием взял?

- Да убедил я его, Янушек, что за нарушение инструкции с него первого голову снимут. После таких слов, он долго и не сопротивлялся. Забирай, говорит, документы и поступай как знаешь...

- Знаешь, Лешь, мне кажется, что побыстрее надо решать вопрос с этими машинами. Иначе заключают нас...

- Это точно, - согласился с ним комиссар. - Заключают негодяи. Что, Янушек, на сегодня мы уже сделали?

- Запросили Интерпол и получили ответ, что все машины украдены в Белоруссии. Еще сделали запрос в Министерство внутренних дел Белоруссии и, как ни странно, очень быстро получили ответ о лицах, у которых были похищены машины. Только одной «Audi» еще собственник не установлен. Остальные ясны. Пока все.

Во время разговора комиссаров зазвонил телефон. Мякинов поднял трубку:

- Слушаю! - пальнул в трубку.

- Это Рачковский, - томно произнес голос.

- Слушаю, главный комиссар! - отрапортовал Ян.

- Я уже догадываюсь, о чем пойдет речь, - прошептал Алексей на ухо Мякинову. - Мажуйков, наверное, уже доложил ему о результатах разговора со мной...

- Слушайте, Мякинов, у вас есть материал, который вам передали пограничники.

- Так точно! Имеется такой материал! - доложил Ян.

- Аж целых шесть машин задержали! - уточнил главный комиссар.

- Так точно. Шесть!

- Ну, и где они?

- Кто?

- Не кто, а что! Машины, Мякинов, где?

- Согласно инструкции, машины отгнаны на хранение в Рудининкай, на территорию нашего учебного центра. Пока не решится вопрос кому их вернуть, - ответил Ян.

Рачковский выдержал паузу, после чего спросил:

- Сколько машин, Мякинов, всего хранится у нас, на территории учебного центра?

- Было сто тридцать семь. Сейчас еще шесть добавилось.

- Итого, если я правильно считаю, сто сорок три машины.

- Так точно, главный комиссар, сто сорок три машины будет! - согласился Мякинов.

- Там есть еще место, или может быть мы второй ярус оборудовать начнем? - съязвил Рачковский.

- Территории для хранения транспорта действительно недостаточно, - согласился Мякинов. Еще машин семь-восемь сможем принять, а потом все. Места больше нет ...

- Хорошо ты сказал, Мякинов! А по-другому вопрос ты решить не думал? - строго спросил главный комиссар.

- А как, по-другому то? - опешил Ян.

- По-другому, это значит охраняемую стоянку как-то разгрузить!

- Не очень получается. По каждому материалу куча запросов, потом надо ждать ответы, людей опросить надо опять же. Экспертизы сделать и т. д., - доложил Ян.

- Неправильно мысль твоя работает, Мякинов. Надо побольше машин отдавать на хранение добросовестным приобретателям транспортных средств. А потом уже делать свои опросы и экспертизы. Зачем нам хранить их у себя? - закончил свои умозаключения Рачковский.

- Но такова инструкция! - растерянно проговорил Мякинов.

- А в инструкции не сказано, случайно, куда девать нам сотни изъятых машин? - осведомился Рачковский.

- В инструкции сказано, что все изъятые машины должны храниться на территории Рудининкайского учебного центра МВД Литвы, - пояснил Ян.

- А если территория, выделенная для этого, вмещает только сто пятьдесят машин? Куда девать остальные, Мякинов? - уточнил главный комиссар.

- Я не знаю, но думаю, что не в моей компетенции решать такие вопросы. Я только исполнитель... - попытался оправдаться Ян.

– Так вот, исполнитель, отдайте этому нерусскому все его шесть машин, под его ответственность. – Приказал Рачковский.

– А по какому пункту инструкции это сделать? – спросил Мякинов. – Инструкция не предусматривает возвращение машин на хранение негражданам Литвы.

– Я обозначил проблему, Мякинов. А ты для того и поставлен на свою должность, чтобы решать вопросы. Вы меня поняли, комиссар-инспектор Ян Мякинов? – очень строго проговорил Рачковский.

– Я подумаю, главный комиссар, что можно сделать, – сказал Ян.

– Ну-ну! Пробуй давай! – усмехнулся Рачковский и положил трубку.

Алексей с Яном какое-то время стояли молча. Алексей начал говорить первый:

– Мажуйков звонил, Рачковский звонил. Ну, теперь должен позвонить либо генеральный комиссар, либо его заместитель. Че делать будем? Комиссар-инспектор Ян Мякинов! Я вас спрашиваю? – шутливо произнес он.

– Понимаешь, Лешь, на нас скидывают принятие решения. Мол, мы должны решить. И это очень плохо. Потом, если возникнет вопрос, с нас же и спросят. Дескать, как вы могли принять решение, противоречащее инструкции, – грустно сказал Ян.

– Правильно мозгуешь Мякинов, правильно, – согласился комиссар, – а потому, давай побыстрей готовь все машины к возврату собственникам в Беларусь. Очень быстро все делай, Янушек! – пожелал Алексей.

– Материалы подготовить можно, но ни Мажуйков, ни Рачковский не подпишут, – развел руками Мякинов.

– Ты когда-нибудь видел, Янушек, чтоб Мажуйков или Рачковский читали материалы дела? Не делают они этого, – сам за Яна ответил комиссар, – они слушают то, что ты им говоришь и подписывают. Каждое дело минимум листов по сто. Не могу вспомнить, чтоб хоть с одним из них кто-нибудь ознакомился полностью... Готовь материалы на возвращение машин белорусам!

XI

На следующий день, около девяти часов утра, у Алексея в кабинете зазвонил телефон. Звонил генеральный комиссар полиции Литвы. Тот аж с кресла вскочил.

– Комиссар отдела по расследованию имущественных преступлений Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Литвы. Слушаю вас, генеральный комиссар! – прокричал в трубку.

– Ты как по протоколу отрапортовал, Алексей! – дружелюбно сказал голос в трубке. – Ну и должность у тебя! Если написать на бумаге, – пол-листа займет! Я аж ждать устал, пока ты представлялся. Ха-ха!

– Заметьте, генеральный комиссар, не я придумал такие названия! – пошутил Алексей.

– Это да. Штабные наши сотрудники, как придумают название, так хоть стой хоть падай! Ха-ха! – засмеялся генеральный комиссар. – Как ты, Алексей, как дела?

– Как-то кручусь...

– Что-то голос у тебя невеселый? Достало начальство?

– Честно?

– Конечно...

– Достали, если честно...

– Мажуйков с Рачковским звонили?

– Так точно. Вчера.

– Давили?

– Давили...

– А ты не злись. Их тоже понять можно.

На них тоже давят. На меня тоже давление оказывают за эти машины. Да. С Министерства иностранных дел звонили. Из консульского отдела! Ха-ха! И не только. Еще с сейма звонили. Не скажу кто. Ха-ха!

– Что делать-то будем, генеральный комиссар? – устало проговорил Алексей.

– Как совесть ваша с Мякиновым вам подскажет, так и делайте. Я могу пообещать только одно. Не дам вас порвать, вот и все... Ха-ха! Работайте, комиссары...

Сегодня же Алексей рассказал Яну про разговор с генеральным комиссаром.

– Ну, хоть кто-то нас поддержал... – проговорил Мякинов.

– Что с документами на возврат машин?

– Документы будут готовы сегодня к вечеру. А еще мы напрямую связались с потерпевшими. Они завтра приедут, – доложил Ян.

XII

На следующий день, с самого утра, Мякинов привез документы Алексею. Тот быстренько подписал решения.

– Кто к Мажуйкову за подписью пойдет? – спросил Ян.

– Да схожу я. Только вот что. Ты мне еще каких пять – шесть материалов дай, на всякий случай. Ну, по другим машинам, – попросил комиссар.

Мякинов тут же привез еще пять материалов, по ранее задержанным машинам. Алексей, просмотрев их, сложил в общую папку и пошел к Мажуйкову.

– Доложите, пожалуйста, старшему комиссару! – обратился он к секретарше. – Скажите, Алексей принес документы на подпись...

Та тут же подняла трубку телефона прямой связи:

– К вам Алексей, с документами на подпись! – доложила она.

– Пусть зайдет, – коротко буркнул в трубку Мажуйков.

Не успев зайти, Алексей сразу же затараторил:

– Приветствую вас, старший комиссар!

Подав руку и поздоровавшись, Мажуйков уставился на комиссара. А тот все продолжал тарахтеть:

– Столько работы! Просто нереально! Пачками документы готовим, чтоб хоть как-то успеть раскинуться с материалами. Вот опять вам целую кучу принес!

Алексей вынул из папки все документы и разложил по столу. Мажуйков аж глаза выпучил.

– И ты хочешь, чтоб я все это читал? – недоуменно протянул Мажуйков.

– А оно вам надо? Я вам коротко по каждому материалу доложу! Вот этот, например, у латыша украденный «Mercedes». Ну, помните, у гостиницы дернули?

– Да помню, помню. Давай сюда.

Комиссар пододвинул материалы дела к Мажуйкову и тот немедленно подписал решение о возврате автомобиля.

– Дальше давай! – скомандовал он.

– Вот еще один. Этот «Mercedes» у белоруса краденый. Ничего особенного...

Мажуйков опять подписал не читая.

– А вот этот, – про «Audi», ворованную в Германии. Тут уже страховка выплачена. Поэтому, возвращаем новому собственнику – страховой компании!

Мажуйков подписал и это решение.

– А здесь опять «Audi». У белоруса украденная.

Мажуйков опять подписал. Так, мало-помалу, Мажуйков подписал все материалы.

– Ну вот и все, старший комиссар. Сегодня не буду больше вас беспокоить. Не могу того же сказать насчет завтрашнего дня. Там сотрудники подотдела расследования краж автотранспорта пыхтят уже. Готовят новые материалы...

– Работайте. До свидания! – буркнул Мажуйков и принялся кому-то называться.

XIII

– Ну вот, Янушек. Теперь на материалах дела есть уже твоя подпись, моя и Мажуйкова. Осталось у Рачковского автограф выбрать...

– Кто пойдет? – осведомился Мякинов.

– Ты же не обладаешь таким красноречием, как я! Ха-ха-ха! – посмеялся комиссар.

– Да, язык у тебя хорошо подвешен, – согласился тот.

– Главное, что он правильно подвешен, Янушек! Ха-ха-ха!

Все то, что происходило в кабинете Мажуйкова, повторилось в кабинете Рачковского. Комиссар полубегом направился в кабинет Мякинова. Еще с порога он взорвался и затаращил:

– Янушек! Давай в прокуратуру! Все подписи есть. Все! Только генеральный прокурор подписать должен. Давай беги! Все бросай и лети! Бери мою «Венту»!

Мякинов буквально вскочил с места и пробегая мимо дремлющего в кресле водителя, пихнул того в бок:

– Валентин! Хватит спать! Подотри слюни и к машине бегом! В прокуратуру едем!

Через два часа Мякинов вернулся с подписаными материалами.

– Молодец, Янушек! У нас все получилось! – восторженно прокричал Алексей, похлопывая Яна по плечу. – А где терпилы?

– В гостинице «Гинтарас» ждут, – доложил он.

– Быстро машины возвращайте им. Весь отдел! Бегом! – дал команду комиссар.

Работники отдела засуетились и забегали. Уже через три часа пять машин были официально возвращены гражданам Белоруссии. Те веселились и обнимались, как дети.

Мякинов всем выписал соответствующие документы для пересечения литовско – белорусской границы. Сотрудники подотдела по расследованию краж транспорта уже строчили справки в Литовское бюро интерпола для изъятия машин из базы данных краденного транспорта.

– Ну вот, теперь вы сможете беспрепятственно пересечь границу и вернуться в Беларусь! – информировал прибывших Мякинов. – Езжайте побыстрее! Хорошего пути!

XIV

Только к вечеру Ян с Алексеем поняли, что сделали все, действительно, правильно и быстро. В шестнадцать тридцать, за полчаса до окончания рабочего дня в кабинет к Мякинову зашел Алтынбек с каким-то незнакомым человеком. Даже не поздоровавшись с Яном, он очень гордо произнес:

– Позовите начальника, пожалуйста. Я хотел бы поговорить!

Ян тут же набрал номер комиссара:

– Лешь, можешь зайти? Тут Алтынбек по тебе соскучился...

Ян сделал вид, что очень занят изучением документа и не обращая никакого внимания на пришедших, стал перебирать бумаги. Через минуту в кабинет зашел Алексей.

– Здравствуйте, – коротко поздоровался комиссар. – Излагайте суть вашего дела. Слушаю вас.

– Это мой адвокат. Пятраускас Эгидикус, – кивнул головой в сторону незнакомца Алтынбек. – Он будет представлять мои интересы в государственных учреждениях Литвы.

– Я рад за вас. Нет, правда. Очень-очень рад, – сыронизировал Алексей. – Дальше что?

– Мы требуем вернуть изъятые автомобили. – Коротко сказал адвокат.

– А к нам пока никто письменно не обращался с подобным заявлением, – проинформировал его Мякинов.

Алтынбек вопросительно посмотрел на адвоката. Тот, в свою очередь, расстегнул застежку кожаного портфеля и достав исписанный лист бумаги, подал Алексею:

– Вот вам письменное прошение, – пояснил он.

Комиссар не взял документа. Адвокат замер с протянутой рукой, оказавшись в очень глупом положении.

– Вы не возьмете? – недоуменно вскинув брови, осведомился он.

– Не имею таких полномочий, – пояснил Алексей. – Все документы принимает канцелярия. Они регистрируются, им присваиваются определенные номера. После этого их передают генеральному комиссару Литвы. Он эти бумаги распределяет по службам. Далее документы попадают в Управление уголовного розыска. Начальник УУР пишет определенную резолюцию. В данном случае мне, начальнику отдела имущественных преступлений. Я, в свою очередь, визирую документ для исполнения в подотдел по расследованию краж транспорта. Вот тогда мы и будем разбираться, удовлетворить ли ваше прошение или нет, – пояснил комиссар.

– Но ведь это займет очень много времени! – изумился адвокат.

– Да, займет, – согласился Алексей. – Но таково предписание. Ничего не могу сделать. Сдавайте документ в канцелярию.

Алтынбек злобно посмотрел на комиссара:

– Ты зря меня злишь, начальник. Я тебе уже говорил, что все равно добьюсь своего. А тебя уволят!

– Не в этот раз, человек! – усмехнулся комиссар. – До свидания!

Интересанты вышли из кабинета и Алтынбек громко хлопнул дверью.

– Головой удариться надо было, дурачок! – крикнул ему вдогонку Алексей.

– Кто им пропуск в Министерство внутренних дел выписал? – удивился Мякинов.

– Да, действительно интересно. Зря не спросили... – согласился Алексей.

Сегодняшний день подходил к концу и два комиссара прекрасно провели вечер, отыгваясь на озере. Они загорали, потягивая слабое домашнее вино, а жены трепались о каких-то своих важных женских проблемах...

XV

Около четырнадцати часов дня к Мякинову в кабинет ввалился очень довольный, улыбающийся адвокат Алтынбека. Потрясая какими-то документами, он, обращаясь к Яну, произнес:

– Вот решение суда о возвращении пяти машин! Решение суда должно быть выполнено немедленно!

Мякинов взял документ, долго читал его, потом поморщился и произнес:

– Мы бы с большим удовольствием вернули бы вам эти машины, однако в силу различных причин не можем этого сделать и соответственно выполнить решение суда.

– Не понял! – изумился адвокат и нахмурил брови. – Чего еще вам не хватает? Вот самый главный документ. Что еще нужно?

– Да ничего не нужно, – пробубнил Мякинов, развалившись в кресле. – Вы просто опоздали. Указанные в решении суда машины еще вчера, согласно принятому решению, отданы гражданам Республики Беларусь. Так что, извините...

Адвокат присел на стул и достав носовой платок, принялся вытирать вспотевший лоб.

– Вы убили меня... Вы просто убили. Без ножа зарезали... Что мне теперь сказать клиенту? – раздраженно бросил он.

– А вы как есть, так и скажите! – посоветовал Мякинов.

Адвокат устало поднял взгляд на Яна.

– Вы полагаете? Ну вы же видели его. Он не умеет проигрывать... До свидания.

– Сказал он рассеянно и направился к двери.

Лишь дверь за ним затворилась, Мякинов схватил трубку телефона и набрал номер Алексея.

– Лешь! Лешь, ты слышишь меня! – прокричал он в трубку.

– Да че ты, Мякинов, так кричишь? – сонно протянул комиссар. – Живот болит? Может съел что несвежее?

– Лешь, только что у меня был адвокат Алтынбека! Он принес решение суда о возврате машин! Представляешь, какие связи! Он за один день сделал решение суда! Мы просто молодцы, что вчера машины отдали! Ай, какие мы молодцы! – пошутил Ян.

– Это точно, Янушек, это точно... – согласился Алексей.

Через минуту комиссар зашел в кабинет к Яну и взял со стола документ. Внимательно, не спеша, прочитал его и, наконец, умозаключил:

– А ты заметил, Янушек, что в данном решении разговор идет о пяти машинах, которые мы отдали. Неужели так совпало? В решении ничего не сказано о последней машине! Интересно почему? – почесал затылок комиссар.

– Да все просто. На эти пять машин мы все данные очень быстро получили. Значит и они их получили быстро. А с последней «Audi» мы до сих пор мыкаемся. Нам еще не ответили, у кого она была похищена. Мы не знаем данных бывшего владельца. Суд тоже не примет решения, без данных владельца. Поэтому я делаю вывод, что они так же, как и мы, ждут, – рассудил Ян.

– Янушек! – прокричал комиссар, – ну, так чего мы ждем еще? Живо по всем ка-

налам звоним и в срочном порядке устанавливаем! Не бумаги пишем, а звоним! Звони Манюку в Минск! Пусть быстро пройдет!

Все забегали и засуетились, понимая, что Алтынбек тоже не дремлет.

Уже к вечеру у Мякинова были данные потерпевшего. Сотрудники подотдела не разбрелись по домам в пять часов, как обычно, а готовили материал на краденную «Audi». Ян договорился с потерпевшим о том, что тот должен быть завтра, с самого утра, в Вильнюсе и ждать звонка. Все материалы дела были подготовлены уже к двадцати часам.

XVI

Сегодня Алексей пришел на работу пораньше и принял изучать материалы дела.

– Молодцы! Все сделали без сучка и задоринки! – весело сказал он и уже хотел было идти к Мажуйкову, даже открыл дверь своего кабинета, но тут нос к носу столкнулся с адвокатом Алтынбеком.

– У вас к нам еще какие-то вопросы? – совершенно безучастно спросил его комиссар.

Тот протянул ему какой-то документ. Алексей, взяв его в руки, увидел бланк городского суда.

– Зайдите, – сказал он адвокату и, войдя в кабинет, уселся в кресло.

Положив документ на стол, он стал перечитывать решение суда.

«Неужели проиграли мы...» – подумал Алексей, изучая документ.

– Черным по белому написано, – встрепенулся адвокат, – вернуть автомобиль законному его приобретателю Алтынбеку Исмаилову.

– Я вижу, вижу... – грустно просипел комиссар.

Набрал телефон Мякинова.

– Зайди, – коротко буркнул в трубку.

Через минуту зашел Ян.

– Вот решение суда о возврате машины Алтынбеку Исмаилову, – проговорил Алексей, еле сдерживая эмоции. – Изучи документ и проинформируй нас о дальнейших действиях, – абстрактно приказал Яну.

– Будет сделано. – Отрапортовал Мякинов и удалился.

Комиссара так колбасило, что тряслись руки.

«Ну, неужели последнюю машину он у нас отвоюет?» – подумал он вне себя от злости.

– Подождите в коридоре. Я вам сообщу о принятом решении, – сказал адвокат.

– Решение уже принято, – поправил его адвокат, – сообщите мне, когда за машиной приехать?

– Ждите, – буркнул Алексей, указав на дверь.

Мякинов очень внимательно читал документ.

«Ни сучка, ни задоринки. Не к чему придираться...» – подумал он и вновь стал перечитывать решение Вильнюсского окружного суда. Он брал материалы дела и сличал их с решением суда. Снова читал и снова что-то сравнивал. Вдруг, он со всей силы ударил ладонью по столу. Все находящиеся в кабинете сотрудники вздрогнули от неожиданности. А стеклянная крышка графина, подскочив, закружила в графине.

– Есть! Есть! – закричал он так, что услышал даже Алексей, находящийся в соседнем кабинете. Он, вскочив с кресла и даже не закрыв свой кабинет, буквально влетел в кабинет к Яну.

– Что, Янушек, что?! – закричал он.

– Смотри, Лешь! Они сделали ошибку!

– Мякинов буквально вцепился в плечо комиссара. – Смотри! Номер кузова разнится на одну цифру!

– Ай ты, Мякинов, бес ты безрогий! Дай я обниму тебя! Ай, молодец! Высмотрел! Дай мне этот документ, Янушек!

Алексей, успокоившись, очень медленно вышел в коридор и подошел к адвокату.

– Поверьте, мне не хотелось бы вас расстраивать, но упомянутой в решении суда машины у нас нет, – совершенно спокойно сказал он.

– Не понял? – только и смог проговорить тот.

– А че тут понимать, – пояснил комиссар. – Машины с таким номером кузова у нас никогда не было и никакого материала на нее у нас, соответственно, не имеется.

Адвокат буквально впился глазами в судебное решение и только теперь понял в чем дело.

– Они перепутали одну цифру в номере кузова! – воскликнул он.

– Вы, будучи адвокатом, понимаете, какую серьезную ошибку допустил суд, – проговорил Алексей. – Мы не можем вам отдать машину с другим номером кузова. Вы это должны понимать...

– Я понимаю. Мы скоро все исправим! – сказал он и быстрым шагом направился к выходу.

XVII

– Вот так свезло нам, Янушек! – обратился Алексей.

– С их связями, они все переделают очень быстро, – пробурчал Мякинов.

– Имеем несколько часов, чтоб все решить.

Комиссар взял материал по машине Алтынбека, еще несколько материалов, по другим машинам и направился к Мажуйкову. Того еще не было, пришло время ждать. Через некоторое время открылась дверь в приемную. В дверном проеме, на-

конец, появился начальник Управления уголовного розыска Мажуйков.

– О! Алексей! А ты че тут делаешь, с самого ранья? – осведомился начальник.

– Да вот, опять накопилось бумаг всяких. Раскидаться надо. – Пробурчал комиссар, показывая кипу документов.

– Ну, погоди. Дай хоть отдохнуться, – кинул Мажуйков, заходя в кабинет.

– Да подожду, подожду старший комиссар, – промямлил Алексей.

Долго ждать не пришлось. Уже через минуту Мажуйков позвонил секретарше:

– Пусть Алексей зайдет.

Комиссар загружал Мажуйкова ненужной информацией и лепетал без умолку, подсовывая ему то один, то другой документ. А тот, как всегда, даже не читая, подписывал и подписывал.

У заместителя генерального комиссара Рачковского все произошло по тому же сценарию.

– Бегом в прокуратуру! – вбежав в кабинет Мякинова, прокричал комиссар. – Все подписи собрали!

Через несколько часов Ян вернулся с подписанными документами.

– Терпила ждет у гостиницы «Гинтарас»! – забежав в кабинет, задыхаясь, прокричал Мякинов.

– Бери машину и вперед, к нему! Твои уже напечатали справку пограничникам. В Национальное бюро интерпола тоже бумагу уже отправили. Машину убрали из базы данных, – отдал приказ комиссар.

Еще через два часа Мякинов доложил комиссару о выполнении задания.

– Последняя машина отдана, Лешь! Все! Теперь пусть кусают себе локти...

Алексей задумчиво посмотрел на Яна.

– Мы свое сделали, Янушек. Благодарю и тебя и всех твоих людей. Но эпоха еще не закончилась. Очень скоро все вскроется. И тогда...

– Ну вот, когда произойдет что, тогда и посмотрим... – перебил его Ян.

XVIII

Долго ждать не пришлось. Очень скоро в кабинет Мякинова поступали. В помещение ввалился запыхавшийся адвокат Алтынбека.

– Вот, возьмите! – проговорил, протягивая документ. – Все исправили. Подписи, печати. Все есть. Номер кузова совпадает...

Мякинов взял документ и стал перечитывать его.

– Да, действительно, – наконец произнес он, – однако есть проблема.

– Какая еще проблема? – развел руками адвокат.

– Помните, философ Гераклит из Эфеса сказал, что нельзя войти в одну реку дважды? – спросил Ян.

– Ну? – промямлил адвокат.

– Все течет, все меняется. Ничто не стоит на месте. Вы слишком долго переделывали судебное решение. За это время мы уже вернули этот автомобиль собственнику в Белоруссию. Ну, как-то так вот. – Информировал адвоката Ян.

Тот, в свою очередь, сделал большие глаза и пролепетал:

– Вы что, издаеваетесь?

– Да нет. Но вы сами посудите, мы что, должны были ждать и надеяться, что у вас все получится? Мы тоже работали над тем, как быстрее решить вопрос по этой машине. И решили все быстрее вас. Теперь уж не повернуть время вспять...

Адвокат ничего не сказал. Лишь молча, кивнув головой, вышел из кабинета, тихонько прикрыв за собой дверь.

Через несколько часов у комиссара в кабинете зазвонил телефон прямой линии с заместителем генерального комиссара Рачковским. Алексей, чуя неладное, быстро поднял трубку:

– Слушаю, главный комиссар!

– Зайди! – коротко буркнул Рачковский и положил трубку. – Материалы возьми по машинам, задержанным на границе!

Алексей зашел в кабинет к Мякинову.

– Ну, началось, Янушек! Рачковский вызывает с материалами по машинам Алтынбека!

Ян, открыв сейф, вынул стопку дел и плюхнул их на стол.

– Бери! Ну что уволят, как думаешь? – спросил комиссара.

Алексей лишь ухмыльнулся в ответ:

– Страшно? Да перестань ты, Янушек! У меня столько козырей в карманах. Попробуй ты зацепи нас! Побрыкаемся еще...

– Ну, с Богом! – пожелал Мякинов.

Алексей, втиснув за пазуху стопку документов, поплелся к заместителю генерального комиссара. Секретарша, видимо, уже ждала его. Увидев комиссара, она торопливо произнесла:

– Заходите. Вас ждут!

Открыв дверь, Алексей вошел в кабинет:

– Разрешите, главный комиссар?

– Заходи, садись, – строго пригласил Рачковский.

В кабинете у него сидел Мажуйков. Он явно нервничал. Комиссар разложил на стол папки.

Рачковский как-то очень злобно смотрел на него. В руках он нервно крутил свои очки.

– Ну, расскажите мне, комиссары, – обращаясь к Алексею с Мажуйковым произнес он, – как вы так быстренько отдали машины белорусам и как это вообще могло произойти?

Мажуйков, обливаясь потом, посмотрел на Алексея, так как сам, явно, не

понимал, как такое могло произойти. Видимо, свою порцию пиллюль он уже получил от Рачковского, пока они ждали комиссара.

– Как вы знаете, главный комиссар, я и сотрудники моего отдела сами не принимаем никаких решений, – начал свою речь Алексей, – мы просто предлагаем один или другой способ решения проблемы. А вы, я имею в виду начальство, вас и старшего комиссара Мажуйкова, уже думаете, согласиться с нашим предложением или нет...

Рачковский нахмурил лоб:

– Ну, и что дальше?

– Так вот. По данным конкретным делам, мои люди подготовили документы для отдачи машин лицам, у которых они и были похищены. Нам это показалось логичным и правильным. Тем более, что такое решение не противоречит инструкции. Кстати, у нас с Мякиновым до сих пор еще имеются не аннулированные выговоры за нарушение инструкции. Поэтому сейчас мы ни на йоту не отступаем от ее положений...

– Ты давай ближе к делу! – откинувшись в кресло, злобно прикрикнул Рачковский.

– Все подготовленные материалы подписаны конкретным сотрудником ОВД, т. е. исполнителем, Мякиновым и мною. Кроме того, каждый материал был лично мною предоставлен для изучения и подписания старшему комиссару Мажуйкову и вам, как заместителю генерального комиссара полиции Литвы. Ни Мажуйков, ни вы, как я понимаю, также не увидели ничего незаконного и подписали постановления. Мало того, все эти дела были отданы для утверждения заместителю генерального прокурора Литвы. Он тоже подписал, заверив документы гербовой печатью генеральной прокуратуры. Ну, вот так как-то. Да вы сами посмотрите. Вот ваши подписи, – закончил комиссар, раскрывая папки.

Он стал доставать соответствующие документы и раскладывать их перед Рачковским. Тот брал со стола то один, то другой документ. Наконец, хмыкнув, положил последний лист бумаги на стол. Подпихнул всю охапку к Алексею и многозначительно вздохнул. Пропустив все то, что говорил комиссар, Рачковский сказал:

– Даааа. А ты забыл, что я тебе звонил и мы с тобой говорили о том, что нужно разгрузить учебный центр? – прорычал он сквозь зубы.

– Ну, так мы же разгрузили! Вон, отдали машины. Посвободней стало...

– Издаешься? – процедил главный комиссар.

– Почему? Я же выполнил ваше указание. Места стало больше. Кроме того, все сделали законно, без нарушения ин-

струкции. – Отрапортовал Алексей.

Мажуйков лишь глазами хлопал и, казалось, пошевелился боялся. Он переводил взгляд то на Алексея, то на Рачковского, не смея даже сказать что-нибудь.

– Я уволю и тебя и дружка твоего – Мякинова! – стукнул ладонью по столу Рачковский. – Зачем вы мне нужны, если не можете выполнить даже то, что вам сказано! – бешено закричал он.

– Да мы, вроде, все сделали, как вы и приказали. Место освободили на охраняемой стоянке... – несмело промямлил Алексей.

– Не все вы сделали! Я говорил, машины отдать этому Исмаилову, а вы что сговорились? – проревел Рачковский.

– Но ведь в инструкции ясно сказано... – начал было комиссар, но Рачковский грубо перебил его:

– Пошел вон! Я уволю вас обоих! – завопил он.

Тут уже не выдержал Алексей. Собирая со стола бумаги и складывая их в папку, нервно произнес:

– Да. Вы это сделаете. Только не сказали, по чьей указке! Нас уволит Алтынбек Исмаилов. Но сделает он это вашиими руками!

– Пошел вон! – очень громко повторил главный комиссар, ударив ладонью по столу.

– Да ушел уже! – буркнул Алексей, выходя из кабинета.

XIX

Настроение было испорчено, но комиссар понимал, что примерно так все и должно было обернуться. Зашел к Мякинову в кабинет. Рассказал о случившемся.

– Что делать будем? – спросил Ян.

– Работу искать! – предложил Алексей. – А вообще у меня есть идея. Да-вай-ка Клюнкову позвоним.

– В Генеральную прокуратуру? Он, кажется, главный прокурор Департамента по расследованию организованных преступлений и коррупции? – уточнил Ян.

– Так точно, Мякинов. Так точно. Да-вай-ка, я присяду, – пробормотал комиссар и стал набирать телефонный номер.

– Уважаемый прокурор! Добрый день! Это вас такой Алексей беспокоит. Начальник отдела по расследованию имущественных преступлений УУР Литвы.

– Да-да, Алексей, приветствуую вас! – очень дружелюбно ответил Клюнков.

Разговаривали минут двадцать. Комиссар рассказал Клюнкову все, что случилось за последнее время. Клюнков внимательно выслушал его и спросил:

– Чем я могу помочь вам?

– Нас с Мякиновым скорее всего уволят из органов внутренних дел. Но мы хотим сами сделать, так сказать, пер-

ые шаги и найти себе место в других государственных структурах. Я посмел вам позвонить с просьбой. Может быть у вас в прокуратуре для нас с Мякиновым найдется местечко? Нам не надо никаких руководящих должностей. Пойдем, под ваше начало, на любую должность, – закончил комиссар.

– Знаю и тебя, Алексей, и Яна. С удовольствием возьму вас обоих. Тем более, что у меня в департаменте есть вакантные места. Я только должен попасть к генеральному прокурору, рассказать о случившемся и уговорить его принять вас. Пойду немедленно. А ты, Алексей, будь на связи. Жди моего звонка!

Все сотрудники подотдела по расследованию краж автотранспорта внимательно слушали разговор комиссара с прокурором и теперь с нетерпением ждали звонка Клюнкова.

Через полчаса зазвонил телефон. Мякинов поднял трубку.

– Начальник подотдела по расследованию краж автотранспорта, комиссар-инспектор Ян Мякинов! – представился он.

– Это Клюнков, – сказал голос. – Ян, я уже говорил с генеральным прокурором Литвы. Завтра в тринадцать часов он ждет тебя и Алексея на разговор. Не опаздывайтесь.

– Благодарим вас, Альгимантас! Спасибо! Завтра будем! – пообещал Мякинов и положил трубку.

– Я тоже уволюсь! – прослезилась Эдита. – Вы уйдете, а я с кем останусь? – всхлипнула она.

– И я тоже! – заявил Аудрюс.

– И я! – встрял Вайдас. – Мы все уйдем! Пусть без нас крутятся!

Алексей поспешил успокоить сотрудников.

– Не делайте пока лишних движений. Мы с Мякиновым завтра на разговор пойдем. Если нас примут, то и вас всех потихоньку перетянем. А пока работайте...

Никто сегодня больше ничем полезным не занимался. Сотрудники разбрелись по кабинетам министерства и растрянидили о том, что Ян и Алексей уходят работать в прокуратуру и что они тоже не останутся и тоже уйдут в другие структуры...

Слухи распространились по Министерству внутренних дел молниеносно. Ну, шутка ли? Уходит не только комиссар по расследованию имущественных преступлений Управления уголовного розыска Литвы, но и все сотрудники подотдела по расследованию краж автотранспорта! И никто из рассказывающих не скрывал причину этого. Не отдали, мол, принципиально, ворованные машины наглецу...

XX

Слухи не могли не дойти до Генерального комиссара. На следующий день в двенадцать часов он позвонил Рачковскому.

– Приветствуя тебя, Висвальдас! – поздоровался он.

– Доброе утро, Генеральный комиссар! – выпалил тот.

– До меня дошли слухи о том, что у тебя люди разбегаться стали. Что так? – строго спросил генеральный комиссар.

– Да вчера тут покричали немного, у меня в кабинете. Ну, я в сердцах и прикрикнул на Алексея. А они вон с Мякиновым уходить собирались!

– Да. Я слышал. В прокуратуру к Клюнкову они собирались, – уточнил генеральный комиссар. – Сегодня их в тринадцать часов генеральный прокурор на разговор ждет. Я думаю, возьмет их к себе. Парни оба толковые. Может и ты с ними пойдешь?

– Ну, не собирался пока, генеральный комиссар! – неуверенно сказал Рачковский.

– Если они уйдут, то вместе с ними все сотрудники подотдела уйдут. Слышал об этом? Тебе скандал нужен? Шумиха газетная тебе нужна? Так что собирайся! Вместе с ними и пойдешь. В прокуратуру или еще к какой матери!

Генеральный комиссар замолчал. Молчал и Рачковский. Воцарилась неудобная тишина. Наконец, генеральный комиссар совсем тихо и спокойно произнес:

– Ты думаешь на меня не давили? На меня тоже давили, но я как-то отплевалась. Почему же ты не сумел? Хорошего дня тебе...

Генеральный комиссар повесил трубку, а Рачковский еще долго держал ее у уха, переваривая все сказанное. Потом медленно нажал кнопку вызова секретарши:

– Пригласите ко мне Алексея, – очень усталым голосом произнес он.

Секретарша немедленно позвонила комиссару и пригласила его к начальнику. Алексей посмотрел на часы. Те показывали двенадцать часов пятнадцать минут.

«До встречи с Генеральным прокурором осталось сорок пять минут», – подумал комиссар и направился в кабинет к Рачковскому.

Секретарша любезно открыла двери в кабинет главного комиссара.

– Заходите. Вас уже ждут, – проинформировала она.

Рачковский сидел в кресле мрачнее тучи.

– Садись! – коротко приказал он.

– Слушаю вас, главный комиссар! – бодро проговорил Алексей.

– Как дела? – спросил Рачковский.

– Все хорошо, спасибо.

– Может проблемы какие есть?

– Да нет. Нет никаких проблем...

– Так может уже поговорим открыто! – прокричал Рачковский.

– Ну, я вчера пробовал поговорить. Вы меня выставили.

– И что? Это для тебя был повод, чтобы работу искать другую? Я что, теперь и замечания своим подчиненным сделать не смогу? Они тогда сразу разбегаться все начнут? – прокричал Рачковский. – Давай, иди и работай! Придумали тут с Мякиновым! Выкобениваться они будут!

Комиссар зашел к Яну озадаченный и пересказал разговор с Рачковским.

– Так что делать будем? – пожал плечами Ян.

– Ну, работать сказал. Остаемся значит!

– Ура! Мы остаемся! – захлопала в ладони Эдита.

Вайдас и Аудрюс переглянулись и, вздохнув с облегчением, принялись готовить какие-то документы.

XXI

– А давай сегодня водки какой выпьем, Мякинов? – предложил комиссар.

– А давай выпьем! – без колебаний согласился тот. – Будем считать, что дело закончено?

– Именно так и будем считать, Янушек, – сказал Алексей, обняв друга за плечи. – Но, нужно признать, что задал он нам с тобой трепку этот Алтынбек! Ха-ха!

– Задал, говнюк, но мы выдержали, Леш! Мы выдержали!

Алексей посмотрел внимательно на Яна и тихо добавил:

– Я, Мякинов, конечно не ясновидец, но теперь даже я могу интерпретировать твой сон. Помнишь, про черный паровоз?

– Помню, конечно. Очень яркий сон. Такой трудно забыть, – согласился Ян.

– Ну, так вот. Черный паровоз – это казах Алтынбек. Он черный с южной страны. И паровоз тоже черный. Алтынбек злой и паровоз в твоем сне черный и очень страшный. Ураган, следующий за паровозом, – это все то зло, которое он нам сделал. Вот у нас и таяли погоны с медалями. Это знак того, что мы должны были лишиться своих должностей.

– А верно! Ну, ты прям экстрасенс, комиссар! – восхитился Мякинов.

– Да ладно. Не надо мне льстить. Называй меня просто великим магом, ну или шаманом. И все, этого будет достаточно, – пошутил комиссар.

Все находящиеся в кабинете дружно засмеялись. А старые добрые друзья, Ян с Алексеем, обнявшись, пошли в ближайшую кафешку, накатить по соточке...